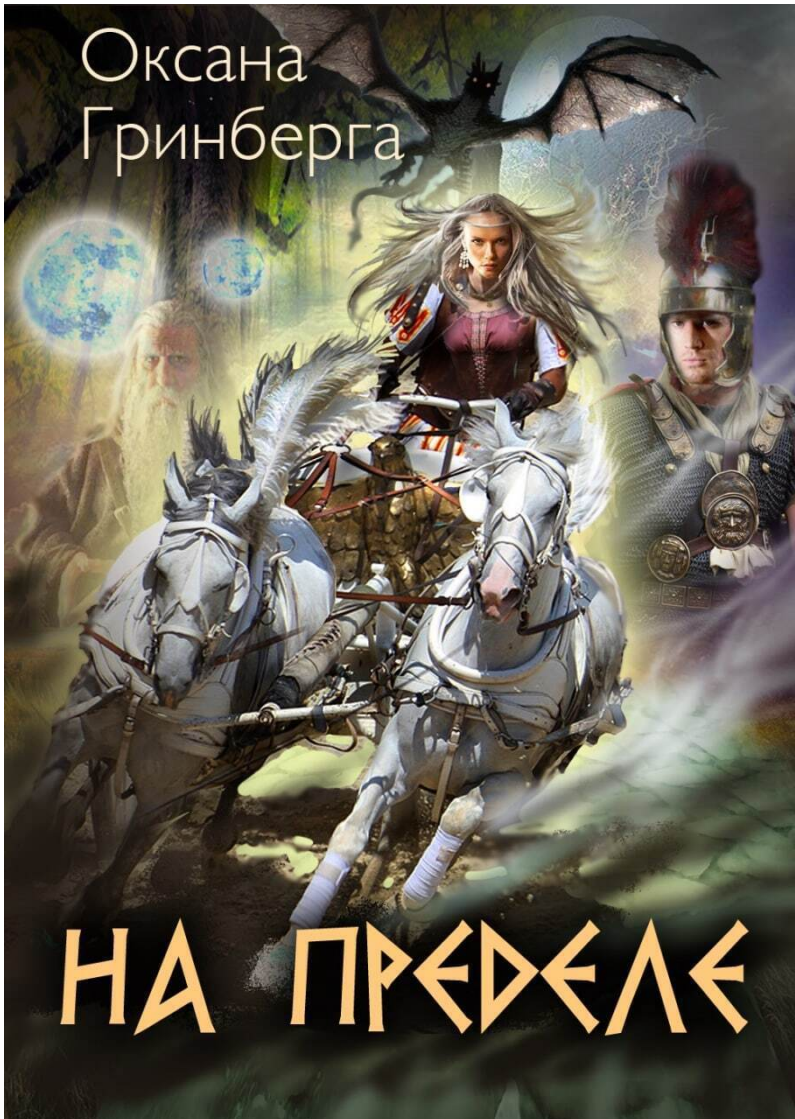

Оксана
Гринберга

НА ПРЕДЕЛЕ

Оксана Гринберга

На пределе

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10330290

Оксана Гринберга. На пределе: Якуза, Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79778-3

Аннотация

Ли́ка – гонщица, она привыкла жить на высоких скоростях, пока волей древних богов не оказалась в мире Двух Лун. Теперь у нее новое имя: Аэлика, королева бригантов, а вместо трехсот лошадиных сил в колесницу запряжена лишь пара белоснежных коней. Этот варварский мир зовется Альбионом, в нем есть магия и... обитают драконы. Здесь ей предстоит жить и править – и надеяться, что эти же боги окажутся способны исполнить три самых заветных ее желания.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	106
Глава 10	116
Глава 11	131
Глава 12	145
Глава 13	163
Глава 14	177
Глава 15	192
Глава 16	210
Глава 17	240
Глава 18	255
Глава 19	279
Глава 20	292
Глава 21	304
Глава 22	323

Глава 23	333
Глава 24	349
Глава 25	362
Глава 26	374
Глава 27	383
Глава 28	394
Эпилог	408

Оксана Гринберга

На пределе

Иллюстрация на переплете В. Нартова

© Гринберга О., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Я бежала. Сбивалась с дыхания, перепрыгивала через коряги, уворачивалась от разлапистых веток, продиралась через ельник, перебиралась через овраги, рискуя сломать ноги. Поваленные, полусгнившие деревья выглядели жутко, словно кости обглоданных гигантских животных. Если упаду, быть может... меня тоже обглодают подобным образом?! Адреналин гнал вперед, но сил оставалось все меньше. Тяжелый пояс из металлических колец тянул к земле, длинный нож в кожаных ножнах бил по бедру. Мысли путались, пропадали, возвращались вновь... Пока не появилась одна, но разумная. От кого я бегу?

Остановилась на поляне, судорожно вздохнула. Еще и еще раз. В голове шумело, мускулы ног звенели от напряжения. Оглянулась. Светлело, над макушками деревьев поднималось солнце, хотя две луны не покинули небосвод. Какие, к черту, две луны?! Но они были! Первая – золотисто-желтая, яркая, аж в глазах зарябило. Вторая – кроваво-красная, словно предвестница грядущих бед. Надо же, добегалась до глюков!

Где я? Понятно, что в лесу, но как здесь очутилась? Услышав хруст ветки, задержала дыхание. За деревьями мелькнул человеческий силуэт. Выхватила из-за пояса нож, чувствуя, как заколотилось сердце. Странно, никогда не носила

с собой оружие! В багажнике машины валялась монтировка, и все. И вдруг – нож, ножны, пояс! Тут на поляну выбежал мужчина. Здоровенный такой мужик, светловолосый. Молодой. Одет странно – в коричневую тунику и штаны. За поясом ножик побольше моего. Меч, однако. Что еще за ролевые игры?

– Не подходи! – предупредила я, выставив перед собой оружие. – А то сдохнешь!

Вряд ли он за мной гнался, чтобы спросить дорогу в библиотеку. Покрутила в руках нож. На лезвии блеснул луч солнца. Странно все это! Последнее, что помню, – выжимала педаль газа в «Субару», а теперь – лес, мужик, две луны. Какого черта здесь происходит?

– Кто ты такой?

– Я тебя догнал, – произнес мужчина довольным голосом, не обратив внимания на нож.

– Молодец, – отозвалась я. – И что из этого?

Вместо ответа шагнул ко мне. Я попятилась. Когда подошел ближе, замахнулась, но мужчина перехватил мою руку, вывернул запястье, сжал до боли, затем другой рукой отнял нож. За это получил коленом в живот. Целила ниже, но не попала, зато заехала свободной рукой в челюсть. Каменный какой, даже не пошевелился! Прежде чем успела послать далеко и надолго, он попытался меня поцеловать.

Все, теперь точно сдохнет!..

Глава 1

Норфолк, Англия, наши дни

На стартовом светофоре загорелась первая лампа. Осталось еще четыре, и – старт! Тут штурман треснул меня по плечу здоровенной ручищей.

– Ну что, Лика, – раздалось в наушниках. – Пойдем покурим?

Дошутится тут кто-то!

– Все же прокатимся, Сань, – ответила в микрофон. – С ветерком, как ты любишь.

Вспыхнул пятый сигнал, и я выжала газ. Двигатель ответил привычным глухим рычанием, машина рванула со старта так, что нас вжало в кресла. Хотя я знала, что полетел один из цилиндров, да и сцепление порядком барахлило. Главное, дотянуть до финиша, а затем уже можно сдать гоночный «Ситроен» инженерам и механикам, чтобы они привели машину в порядок к завтрашнему старту. Если, конечно, не разобью ее в хлам сейчас. Это запросто! В начале сезона перевернулась в Мексике, затем два месяца назад утопила «Ситроен» в немецких болотах.

Не буду об авариях – впереди еще двадцать километров скоростного участка. На полдороге пошел дождь. Лил не переставая, превращая трассу в грязевое месиво. Дворники ед-

ва справлялись с потоками воды, размазывая их по ветровому стеклу. Резину ставили для сухой погоды, но «Ситроен» не думал дурить, руля слушался. В наушниках звучал спокойный голос Сашки, уверенно читающий трассу. «Левый четыре. Держаться внутреннего радиуса. На правый – три. Триста. Левый четыре, на левый – два. Лица, не дергайся!» Я не дергалась: бывало намного хуже.

Финишировали. Сашка сдернул шлем, подмигнул одобрительно. Типа, не дрейфь – прорвались. Ага, на сегодня прорвались. Да и завтра тоже прорвемся, не впервой! Я тоже стянула шлем, запустила руку в короткие черные волосы. Жарко под шлемом, голова чешется... К машине, толкаясь, спешили журналисты. Я у них вроде как звезда, единственная женщина в IRC (Intercontinental Rally Challenge). К тому же наш экипаж шел на призовое место в группе. Перед этим участком мы были третьими, но уверенно нагоняли французов.

Пройдя контроль времени, вновь села за руль спортивного «Ситроена», спонсируемого «Кирпичными Заводами Пенькова». Слава богу, контракт заканчивался через два месяца, и мы уже заключили новый, с «Хондой». Меня ждала не только другая машина, но и совсем другие деньги. Могла ли я мечтать о таком?! Дочь гонщика, ставшая гонщицей? Отец бы одобрил, но не дожил, разбился четыре года назад. Я как раз защищала диплом в университете. Безумно жалела, что не была рядом с ним. Может, если б сидела в кресле штурма-

на и читала трассу, тот поворот не стал бы для него роковым. Хотя... Он всегда шел на пределе. И меня тому же научил.

Я всегда чувствовала этот самый Предел. Знала, что, если пересечь, возврата уже не будет. Но сначала за него ушел отец, затем Андрей, мой штурман. Он погиб в Норфолке полтора года назад, как раз недалеко от этих мест, на Ведыминой Петле. Из-за его нелепой ошибки мы вылетели с трассы. В гонках всегда так: ты всецело доверяешь штурману. На таких скоростях нет времени сомневаться. Дурацкая ошибка – он неправильно прочитал трассу, и мы вошли в поворот на большей скорости, чем требовалось. Очнулась я уже на больничной койке. Меня быстро поставили на ноги, а он... «Травмы, несовместимые с жизнью», – сказали врачи.

Я выздоровела, но приходить в себя не собиралась. Решила завязать с автоспортом, уехала в свой город и заперлась в квартире. Размышляла, как жить дальше, но так ничего и не придумала. Привел меня в чувство Семен, директор команды. Выломал дверь и надавал мне пощечин. Орал, что я – долбаная эгоистка. Что это – наша работа и Андрей знал, на что шел. Потом чуть не утопил меня в ванной, куда засунул, чтобы протрезвела. Чертов нарколог-энтузиаст!

Через три месяца я снова села за руль. Команда ждала, даже штурмана нового нашли. Делали вид, будто ничего не произошло, только Андрея с нами нет. Я тоже делала вид, но возвращаться к жизни не спешила. Оживала, лишь когда вдавливала педаль газа в пол и зашкаливал спидометр. И все

потому, что на скорости за двести ощущала присутствие моих мужчин. Отец и Андрей были рядом, направляли и оберегали. Как и сегодня, как и всегда.

– Лик, в гостиницу поедешь? – вывел из задумчивости голос Семена. Гонки закончились, машину загнали на подъемник в сервис-парке. Я стояла около тента цветов нашей команды, как раз рядом с трейлером, и пялилась в темноту английской ночи. Даже не заметила, как подошел Семен. Директор команды пребывал в отличном расположении духа. В общем зачете мы шли вторыми; завтра, если получится, нагоним первое место.

– Чуть позже, – сказала ему. – Посмотрю, что с машиной. «Ситроен» висел на подъемнике. Из-под машины раздавалось сдавленное приветствие, и из ямы показалась здоровенная тушка дяди Васи. Это был высокий, мускулистый мужчина с длинными седыми волосами, стянутыми в хвост ремешком. Замечательный инженер с отвратительным характером... Бывало, вечерами пригоняла груды металлолома, на что он ругался нецензурными словами и предлагал утопить «это» в ближайшем водоеме. Затем шел курить и думать. Курил долго, всласть. После брался за работу, а к утру я получала новенькую, словно сошедшую с заводского конвейера, машину.

Сегодня ритуал повторился, обругали меня знатно. Затем техподдержка дружно принялась за работу. Трое механиков как раз вытаскивали мотор. Решив не мешать, я провела ру-

кой по красному спойлеру спортивной машины, царапнув ногтем рекламу спонсоров. Долбаные «Заводы Пенькова»! Против кирпичей я ничего не имела, а вот хозяин в печенках сидел, потому что давно перешел к откровенным домогательствам. Я уговаривала себя потерпеть еще две гонки. Затем – новый контракт с «Хондой», а Пеньков может идти... да хоть к Семенову с «Фиатом Пунто»!

– Лика, вот ты где, звезда моя! – раздался пугающе-ласковый голос.

Обернулась. Пашка, менеджер команды, как всегда слегка навеселе, с улыбкой в тридцать два зуба. Привлекательный для женского пола, он и с мужчинами тоже умел вести разговоры. В принципе Пашка мог уболтать любого, и «Хонда» была исключительно его заслугой.

– Ты чего хотел?

– Спонсор тебя искал. Хотел лично выразить восхищение.

– В жопу спонсора, – отозвалась я. Вчера нас снимала «Россия-2», так вот Пеньков Иван Владимирович все норovil мне руку на бедро положить и назвать «девочка моя». Едва сдержалась, чтобы чего-нибудь ему не сломать.

– Умеешь ты, Лика, с людьми разговаривать, – картинно вздохнул менеджер. Я пожала плечами. После той аварии долго не разговаривала, вот только недавно начала.

– Паш, ты случайно не пообещал ему эротических утех? Сама я в этом не участвую, но ты можешь развлечься.

Менеджер фыркнул. В народе поговаривали о его «голу-

бизне», но я знала, что это не так. Было дело, пытался утешить. Потом ходил с подбитым глазом.

– В общем, Пеньков тебя в гостинице ждет. Ты с ним поласковее, он нам еще нужен. Лика, всего лишь две гонки! Поедем, я тебя отвезу. Посидим с ним в баре, пообщаемся.

– Сам езжай, – покачала головой в ответ. – Скажи Пенькову, что я в трейлере заночую, с командой. И что у нас оргия. Если хочет – пусть присоединяется.

Семен слушал и улыбался.

– Давай, пока! – сказала я менеджеру. – Ты езжай, а я еще воздухом подышу.

Майский воздух Англии был и в самом деле хорош – свежий, влажный, только что после дождя. Небо затянуто тучами, звезд не видно, луны тоже. Менеджер потоптался и ушел. Я взглянула на Семена.

– В гостиницу поедешь? – спросила у него.

– Нет, с ребятами останусь. Прослежу. А ты?

– Поеду. Выспаться надо. Машину дай, завтра утром верну.

Решила припарковаться на заднем дворе, чтобы Пеньков не видел. Я бы осталась в трейлере, но ведь будут пить пиво и лясы точить до утра. А мне надо выспаться, чтобы еще одного штурмана завтра не угробить. Семен порылся в кармане, кинул связку ключей. Спортивный «Субару» стоял за оградой территории сервис-парка. Я кивнула директору, махнула механикам и отправилась к выходу. С инженером прощаться

не стала: не до меня ему!

У выхода меня караулил горячий финский парень Райво, кстати, первый в общем зачете. Еле отвязалась. Он давно уже не давал проходу. Все приглашал – то в трейлер с финской командой пива попить, то к себе на родину лосося ловить. Начинать новые отношения я не собиралась. После смерти Андрея – как отрезало.

Завела машину, но поехала в противоположную от гостиницы сторону. Понимала, что надо вернуться в номер и лечь спать, но не смогла. Тоска такая накатила – хоть волком вой. А тут даже луны не видно – сплошные тучи! Я скучала по отцу, по Андрею. Почему нельзя повернуть время вспять? Я была готова на все, чтобы оказаться рядом с ними. Но как?! Если только...

Вжав педаль газа, отправилась на Ведьмину Петлю. Раньше через нее проходил скоростной участок, но народу постоянно билось немерено, так что в этом году трассу перенесли на несколько километров севернее. Благо в Англии грунтовых дорог не счесть.

Опять заморосил дождь. Включила дворники. Ненавижу плакать, не буду и не хочу! Тогда почему глаза на мокром месте? Чем ближе подъезжала, тем яснее казалось, что Андрей сидит на соседнем кресле. В руках – планшетка с записью трассы, в наушниках – знакомый голос. Так, Лика, не дури! Какие, к черту, наушники? В машине я одна, никого нет, но мне все время слышался его голос. Впереди – то самое ме-

сто. Холм, два огромных валуна-мегалита, слово забытых с доисторических времен; узкий мост через местную речушку, за ним длинный пролет, на котором можно разогнаться под двести. После – резкий поворот. Четверка, не меньше. Андрей в прошлый раз пропустил, мы зашли слишком быстро.

Сейчас же я выжимала из спортивного «Субару STI» все, что могла. Тормозить не собиралась, потому что наконец-то была не одна. И отец, и Андрей вновь присутствовали рядом, осталось лишь пересечь Предел. Вжала педаль газа в пол, входя в поворот, понимая, что на такой скорости не удержусь на дороге. Машину несло вбок. Затем стало темно, словно кто-то выключил зрение. Мне не было страшно, наоборот...

Глава 2

Какой, к черту, лес? И этот... С мечом. Он что, изнасиловать меня собрался? Или же решил, что если догнал, то на радостях отметим это дело под ближайшим кустом? Козел, однако! Принялась вырываться, двинула кулаком в челюсть, еще и локтем добавила. Мужчина обиженно хрюкнул. Тогда впилась зубами в чужое предплечье. Он разжал руки, потер укушенное место и обозвал меня дикой кошкой. Да хоть как, лишь бы сбежать! Оглянулась. Пусть и рассвело, но вокруг незнакомый лес. В какую сторону податься? Попробовать добраться до шоссе? Но где оно – не имею ни малейшего понятия. Да и мужик догонит. Вон какой здоровый и не запыхался почти, хотя я от усталости не чувствовала собственных ног.

Потому кинулась вперед, к лежащему около кустов ножу. Хоть какое, но оружие! Нагнулась, вцепилась в рукоятку, но мужчина навалился сверху, прижимая к земле. Здоровенный бугай! Я упала навзничь, затем лежала, не в силах пошевелиться, ожидая, когда пошевелится он. Вот тогда... Сегодня точно кто-то сдохнет!

– Аэлика, хватит! Все, прекрати! – выдохнули мне в ухо.

– Кто ты такой? – прохрипела я, потому что... Тяжелый, сволочь! Говорить неудобно: длинная трава лезет в рот. Земля холодная, влажная и пахнет прошедшим дождем.

– Ты не помнишь меня?

– Я тебя вообще не знаю!

– Короткая же у тебя память! – в голосе мужчины звучала обида. – Я – Актеон из племени караветтов.

Ясно... В индейцев, значит, играем! Точно не из наших – психи в автоспорте долго не живут.

– А ведь когда-то мы с тобой... – прошептал в ухо Актеон. Воспоминания его посетили явно эротического характера, потому что мужик провел рукой по моему бедру.

– Руку убрал! – заорала я. – Слезь, идиот! Тяжело...

– Неужели не хочешь? – допытывался он. Судя по всему, вернее, по тому, как ко мне прижимался, он был не прочь.

– Неужели похоже, что хочу? – ядовито спросила у него, пытаюсь выкрутиться и незаметно подтянуть поближе руку с ножом.

– Аэлика, сегодня Бэлтайн, – продолжал он шептать в ухо. – Я так обрадовался, когда ты и твои люди присоединились к нашему костру. Ты танцевала со мной у майского дерева и была благосклонна так же, как и в ту ночь, несколько лет назад. Почему передумала? Я разбуджу твою страсть...

– Пошел вон, – рявкнула я. – Сбрэндил – иди лечись! И руки убери!

А руки-то уже в моих штанах! Кажется, и в самом деле решил страсть будить. Но будить, одновременно прижимая девушку к земле, оказалось неудобно, поэтому с меня слез и позволил перевернуться. Я тут же набросилась на него с

НОЖОМ.

– Аэлика! – воскликнул он негодуя, перехватив мою руку на пути к своему горлу. Шутить я не собиралась. – Что ты творишь, женщина? Ты хоть раз убивала?!

– Меня Лика зовут, – отозвалась я. – Да, убивала.

Вспомнила Андрея в бинтах и проводах, подключенных к мониторам. Он умер в больнице, не приходя в сознание. Травмы, несовместимые с жизнью...

– Убью еще раз, если полезешь!

Тряхнула головой. На грудь упали золотистые косы. Очуметь!.. Я тут же растеряла боевой пыл. Все потому, что от рождения была брюнеткой и волосы стригла коротко, чтобы под шлемом не мешали. Взглянула растерянно на странную одежду: вместо спортивного комбинезона, который поленилась переодеть, – штаны и туника серого цвета с короткими рукавами. На ногах – кожаные сапожки. На правой руке – татуировка в виде спирали. На левой – замысловатый узор из переплетенных кос. Ясно! Все встало на свои места. Мужик не сошел с ума. Этого леса и в помине не существовало, как и двух лун на предрассветном небе. А я – либо спала, либо бредила!

Значит, я все же разбилась на Ведьминой Петле и попала в больницу. Лежу в коме – то-то видения слишком уж реалистичные, с легким эротическим уклоном. Ничего подобного мне давно не снилось. Взглянула на мужчину внимательнее: здоровенный, мускулистый. Светлые волосы до плеч, глаза

серые, крупные нос и рот, лицо уверенное. Правда, смотрит недоверчиво, словно прикидывая, кто из нас сумасшедший. По его прикидкам выходило, что я. Нет, не моего романа герой!

– Ну, раз не хочешь... – отозвался Актеон, растягивая слова, давая еще один шанс передумать, и я покачала головой.

– Тогда пойдем, отведу тебя в лагерь! В лесах небезопасно.

– Перебьюсь!

Сон или кома затянулись, пора уже прийти в себя. Но как? Взглянула на нож.

– Какая упрямая!

– Пошел ты! – сказала ему и резанула лезвием по запястью, уверенная, что боль поможет очнуться.

В лагерь он меня все же отвел. Правда, перед этим перевязал руку куском ткани от своей туники, бормоча что-то нелестное об умственных способностях женщин из племени бригантов. Я, насупившись, молчала. Вот засада! Проснуться не получалось, потому послушно следовала за Актеоном. Можно было, конечно, еще побегать по лесу, но в его компании я чувствовала себя спокойнее. К тому же, когда перестал помогать, он показался мне вполне нормальным. По дороге попытался разговорить, спрашивал, как прошла поездка. Я отмалчивалась, надеясь, что скоро очнусь. Да и что ему ответить? Рассказать, как села за руль «Субару», решив

от тоски убится на Ведьминой Петле, а вместо этого очутилась незнамо где?

В глубине души я мечтала, что вот-вот проснусь, но надежда таяла с каждым шагом по влажному лесу, наполненному запахом хвои и молодых листьев. Да и порез на руке болел по-настоящему. Сильно так болел. Может, я сошла с ума? Вздыхнув, прислушалась к мужчине, пытаюсь определить степень своего помешательства. Пусть я не врач, но, кажется, дело серьезное. Актеон говорил не по-русски, но речь его, полную горловых гласных, я понимала как родную. И отвечала на том же языке. Как же все это странно!

Из рассказа следовало, что Аэлике пришлось спешно возвращаться с острова Англси во владения бригаантов. Причину Актеон не назвал. Сам же он со своими людьми спешил домой в земли караветтов, пока не пришло время для ночного привала. Только они решили отпраздновать Бэлтайн, как подоспели мои повозки. Актеон обрадовался: он не видел меня четыре года. Решили устроить общий лагерь, ведь бригаанты и караветты много лет как добрые друзья, поклялись хранить мир и забыть прежние распри.

Тут мужчина прервался, потому что мы наткнулись на парочку, занятую друг другом на разложенном под зеленеющей вербой плаще. Затем увидела еще одну. Хорошо же здесь отмечают праздники! Актеон бросил на меня укоризненный взгляд и, кажется, вздохнул. Наверное, я сплю, а мое подсознание, как по Фрейдю, выдает такие вот картинки. Поджала

губы. Что бы это ни было, в таком не участвую!

Наконец, под вздохи и стоны, мы вышли из леса на большую поляну. Горел костер, возле него сидели вооруженные люди. Пили вино из глиняных сосудов, разговаривали, смеялись. Поприветствовали нас. Я неуверенно махнула рукой, радуясь, что обошлось без сальных шуточек. Чуть поодаль виднелось несколько повозок, возле которых паслись стреноженные лошади. Рядом с костром в землю был воткнут странного вида столб, украшенный разноцветными лентами и цветами. Не то ли самое майское дерево, возле которого, как утверждал Актеон, мы танцевали? После чего он гнался за мной по лесу, уверенный, что если поймает, то я отдамся на теплом шерстяном плаще. В целях, так сказать, улучшения плодородия и увеличения поголовий скота. Только вот бежала я слишком быстро, да так, что он даже плащ потерял. И отдаваться отказалась, вместо этого чуть было не перерезала ему горло. Никакого уважения к традициям Бэлтайна! А ведь раньше...

Тут его прервали. Со стороны повозок к нам спешила полная пожилая женщина в длинном темном платье. На пышной груди, обтянутой платьем, болталась длинная седая коса. Намерения женщины я поняла сразу: она собиралась меня обнять. Кошмар, да и только! Стиснув зубы, стоически выдержала испытание. Не привыкла я к объятиям, охам-вздохам и прочим женским штучкам. Мама бросила нас, когда мне было семь, уехала за новым мужем в Америку. Меня вырастил

отец, и дружила я только с мальчишками. В старших классах села за руль. Автоспорт уж точно не располагал к нежностям.

– Аэлика, – женщина наконец меня отпустила и принялась выбирать из моих волос ветки и цветы. Я и не заметила, что на голове – клумба!

– Пусть Богиня пребудет с тобой! И с тобой тоже, король караветтов! Женщина кинула недобрый взгляд на моего спутника. Я растерялась. Король?!

– Пойдем, девочка моя, помогу тебе умыться и уложу спать. Как в детстве...

Кажется, она опять решила меня обнять, но я увернулась. Старушка, еще раз зыркнув на Актеона, пошла к повозкам, я последовала за ней. Неплохая идея – поспать. Быть может, закрою глаза и проснусь уже в своем мире, на уютной больничной койке, окруженная заботливым персоналом? Спортивная страховка давала надежду на профессиональную работу.

– Прощай, Аэлика! – произнес Актеон мне вслед. – Мы возвращаемся в свои земли.

– Прощай, – легко отозвалась я, оборачиваясь.

– Это все, что ты скажешь мне напоследок? Всего лишь «прощай»? – В голосе слышалась не только обида, но и... Словно своим легкомысленным ответом сделала ему больно. Пришлось остановиться. – Как же изменила тебя жизнь у друидов! – добавил мужчина.

– Что ты хотел услышать, Актеон?

Вот я, например, хотела знать: какие, к черту, друиды?!

– Хотя бы то, что ты рада меня видеть. Ведь я ждал твоего возвращения четыре года! Помнишь, что ты обещала мне, когда мы целовались под омелой?

Покачала головой. Ничего не помню и помнить не могу!

Из груди Актеона вырвался вздох разочарования:

– Ты обещала, что подумаешь.

– Над чем?

– Над моим предложением.

– Актеон...

– Знаю, сейчас не время. Мы были в вашей столице, теперь возвращаемся домой. Я оставил лучшего лекаря, которого отыскал в племени караветтов. Надеюсь, твой отец выздоровеет, и вот тогда я приеду за ответом. Буду ждать, что ты скажешь мне «да».

Глава 3

Проснувшись, я долго лежала, уставившись в полотняный верх повозки, прислушиваясь к скрипу колес и переговорам всадников, сопровождающих караван. Какая тут больничная койка! Либо я сошла с ума, либо и в самом деле очутилась в другом мире. Скажем, случилось экстренное переселение душ, или ускоренная реинкарнация, или... Тут моя фантазия закончилась.

Если это другой мир, то надо вернуться домой до того, как все поймут, что на месте Аэлики – самозванка. Нравы здесь простые, все с оружием ходят. Перережут горло и разбираться не станут, что за ерунда со мной приключилась! Интересно, куда же пропала настоящая принцесса? Неужели очнулась в моем теле за рулем «Субару»? Если так, я ей не завидую: Аэлике придется не легче моего!

Вскоре проснулась Бретта, старая няня принцессы. Потерла лицо, на запястье звякнули бронзовые браслеты с изображением дубовых листьев. Женщина поднялась и быстро организовала завтрак. Впихнула в меня полкаравая свежего хлеба с сыром, которые я запила молоком. Пока ела, Бретта говорила не умолкая. Пожилая женщина так соскучилась по своей воспитаннице, что без усталости делилась новостями. Она не видела Аэлику с тех пор, когда девушку в возрасте четырнадцати лет отправили на обучение к друидам.

Тогда, четыре года назад, Аэлика покинула земли бригаантов, пересекла территории враждебных племен, которые, по негласному договору, не трогали паломников. Ее племя жило в центральной части Альбиона, пришлось проехать через земли коритан и децианглов. Затем переправиться через Великое Море на остров Англси, где провела все эти годы – постигала мудрость друидов. На этом месте я растерянно почесала голову. Так непривычно носить длинные волосы... Какая, к черту, мудрость?! Еще спросят по пройденному материалу, а что я отвечу!

Бретта продолжала рассказывать. Аэлике не удалось закончить обучение. Неделю назад ее отец был ранен на охоте. Хоть друиды старались поставить короля на ноги, было ясно, что король Кэдерин – не жилец. Спешно послали за Аэликой, единственной дочерью. Правда, был еще приемный сын – Руэйд. Именно его прочили на трон. Воины скакали три дня и три ночи, пока не достигли крутых берегов Альбиона, с которых в хорошую погоду можно видеть остров Англси. Почти столько же времени мы возвращались домой. Нет, дольше, потому что Аэлика везла весь скарб, которого набралось на три повозки. Бретта с дополнительной дружиной поджидала королевскую дочь на границе земель бригаантов. Встретились. Затем остановились заночевать в лагере караветтов.

Слух о ранении Кэдерина встревожил племя. Старейшины знатных родов собрались в столице. Кому не хватило ме-

ста во дворце, стали лагерем у стен, ожидая провозглашения преемника. Только Кэдерин никак не приходил в себя. А тут еще король караветтов Актеон пожаловал... Лекаря привез, будто на землях бригантов своих друидов не хватает! Ходили слухи, что он приехал повидать принцессу. Бретта посмотрела на меня с сожалением и сообщила, что старейшины собираются выдать меня замуж за сводного брата, так как опасаются раскола в племени. Не все хотят, чтобы бригантами правила женщина. Многим подавай на троне смелого воина Руэйда!

В этом месте я слегка обалдела. Вернее, я давно уже пребывала в прострации. Кэдерин, старейшины, королевская дочь... А тут еще один жених нарисовался! Поняв, что мозг вот-вот вскипит от обилия информации, я выглянула из повозки. Оказалось, давно уже настал день, солнце вовсю прогревало влажную землю, от которой поднимался пар, смешиваясь с запахами весенней травы. Со всех сторон раздались приветствия. Я нерешительно кивнула воинам, затем жестом подозвала одного из них. Охраняли принцессу человек тридцать, не меньше, этот же выделялся огромным ростом и особенной статью. Длинные седые волосы зачесаны назад, кожаный ремешок охватывал лоб, изрезанный глубокими морщинами. Несмотря на пожилой возраст, в мужчине чувствовалась мощь. Он чем-то напоминал мне дядю Васю, моего инженера.

– Я хочу пересесть на лошадь, – сказала ему, когда воин

подъехал к повозке.

Решение было, несомненно, смелое, но верхом ездить я умела. Немного смущало незнакомое седло без стремян, но решила, что разберусь. Мне хотелось увидеть земли бригантов, потому что если не придумаю, как выбраться, придется остаться здесь.

Мне подвели небольшую пегую лошадку.

– Ее зовут Заря, – произнес Прасург. Пока воин отсутствовал, я спросила его имя у Бретты. К тому же он оказался начальником королевской дружины. Я усмехнулась про себя: чем не инженер в моей новой команде? – Твоя старая кобыла зимой околела, Кэдерин распорядился объездить новую.

Поблагодарив, выпрыгнула из повозки, взялась за поводья. Растерянно оглянулась. Помогать никто не собирался, это я уже поняла. Кажется, здесь к титулованным особам относились без особого пиетета. Принцесса принцессой, а на лошадь изволь сама! Я изволила. Тронув бока кобылы, поскакала в голову каравана. Затем ехала бок о бок с Прасургом, радуясь, что он не пристаёт с расспросами. За нами молча следовали воины. Все одеты в штаны и туники, поддерживаемые металлическими поясами в виде соединенных колец. Длинные мечи в ножнах приторочены к седлам, так же как и колчаны с дротиками.

Мы ехали вдоль распаханых полей. Недавний дождь превратил земляную дорогу в непроходимую грязь. Пару раз останавливались, и мужчины выталкивали застрявшие по-

возки. Я рассматривала местные виды, уговаривая себя не слишком ужасаться. Ничего, прорвемся! За сложным поворотом обычно следовала прямая, на которой и можно разогнаться.

Жили здесь в круглых деревянных домах с крытыми соломой крышами. В основном селились общинами. Деревенки были обнесены частоколом из заостренных бревен. Рядом с домами стояли прямоугольные хозяйственные постройки, возле которых в загонах хрюкали свиньи. На пастбищах паслись стада разномастных коровок и грязных после зимы овец. Я видела крестьян, обрабатывающих землю. Лишь у некоторых в плуги были впряжены малорослые лошадки. В основном сохи тащили люди. Закрывает глаза, тяжело вздохнула. Каменный век, честное слово! И как тут жить?

Вскоре добрались до большого перекрестка. Тут меня ждало новое потрясение. Я увидела дорогу метров шести шириной, с вырытыми вдоль нее параллельными траншеями. Земля из них, подозреваю, служила фундаментом, поднимая дорогу над окружающей местностью. Гладкая поверхность была вымощена большими плоскими камнями, делая дорогу похожей на современное шоссе.

– Земля бригантов изменилась за то время, пока тебя не было, – произнес хриплым голосом Прасург. – Тебя еще многое поразит, принцесса!

По голосу ясно: перемен он не одобряет.

– Эти дороги, словно ядовитые змеи, протянулись по все-

му Альбиону, – продолжал воин.

– Ничего плохого не вижу, – осторожно отозвалась я. – В разы лучше той, по которой ехали до этого.

– Они соединяют свои города и лагеря, чтобы их войска передвигались намного быстрее. Ты понимаешь, о ком я говорю, принцесса Аэлика! Эта дорога идет в Эборак, оттуда в Линд, затем аж до Лондиниума, что на землях триноваров.

Я прикусила губу. Конечно же, не понимала!

– Продолжай, – попросила Прасурга.

– Ты должна знать, принцесса, – помолчав немного, произнес пожилой воин. – Драконы заняли Эборак. Построили свою крепость, а в ней...

В этом месте я чуть было не упала с лошади. Какие, к черту, драконы?! Значит, я все же сошла с ума и скоро очнусь на больничной койке, а не окажусь в столице, Инсуриме, в дне езды от которого неведомые драконы изменили бывшую деревню бригантов, превратив ее, со слов Прасурга, в огромный город. Возвели внушительную крепость, возле которой выстроили свои дома, выкрасив их в небесно-голубые или же в желтые цвета.

Я вздыхала, слушая воина, и втайне надеялась, что мы не воюем со строителями каменных дорог. Спросить не решилась, подумав, что разберусь по ходу дела. А по ходу, больничная палата мне не светила. Вместо нее мы приближались к столице. Движение становилось все интенсивнее. Появились вооруженные всадники, которые приветствовали меня,

не забывая перекинуться парой слов с охраной. По дороге сновали крестьянские телеги, груженные хлебом и зерном. Я видела ремесленников, везущих свою продукцию на рынок Инсурима, встречались даже темнокожие купцы во главе караванов, из повозок которых выглядывали амфоры с маслом и вином.

Наконец за поворотом мелькнули каменные стены городского укрепления. Трое из охраны, послушные приказу Пра-сурга, получив также мое согласие, отделились от каравана и поскакали вперед, предупредить о нашем прибытии. Вскоре я разглядела не только стены, но и земляной вал перед ними. У последнего горели костры и сновал народ.

Мое появление не осталось незамеченным. Я неуверенно помахала рукой в ответ на приветственные вопли воинов, потрясающих оружием. Наконец сквозь большие ворота въехали в город. Широкая улица вела наверх, где на холме виднелись каменные стены внушительного строения. К моему удивлению, туда мы не поехали. Свернули вбок, двинувшись через ремесленные кварталы. Мастерские гончаров, ткачей и кузнецов были построены из дерева и покрыты соломой. Чуть получше дома оказались лишь у ювелиров. Затем мы пересекли квартал каменных домов знати, и... Когда на дневном солнце блеснула поверхность реки, рядом с ней я увидела нечто, не поддающееся разумению. Это было огромное, с колоннами, утопающее в зелени двухэтажное сооружение, вернее, даже несколько зданий, которые попросту

не могли быть построены бригантами, так как не вязались с местными понятиям архитектуры: «обтесал-положил».

Повернулась к Прасургу. Пожилой воин прочел в моих глазах вопрос.

– Подарок даррийского императора королю бригантов, – ответил он. – Построили два года назад. Они называют это «виллой».

Глава 4

На высоком мраморном крыльце, между колоннами, увитыми молодыми побегами плюща, нас ждали. Народу собралось много. Присутствовали старейшины, королевская стража и домашняя челядь. Особняком стояли двое. Один, в одежде воина, с массивным украшением вокруг шеи, подзреваю, приходился Аэлике сводным братом. Кому, как не Руэйдуну, встречать принцессу у входа во дворец? Мужчина был высок, статен, с крупными чертами лица и массивной нижней челюстью. Голова по бокам выбрита, длинные волосы, темные у корней, зачесаны назад и выбелены к концам, словно ему удалось достать новомодную осветляющую краску. Одному из моих механиков тоже нравились странные прически, и это служило неиссякаемым источником шуток.

Перевела взгляд на второго мужчину. Несомненно, это был представитель местного духовенства. Одет в длинный, до пят, балахон. Начинаящие сесть волосы спадали на плечи. Морщинистое лицо немного портили крючковатый нос и слишком цепкий, внимательный взгляд. В руках он сжимал посох из темного дерева. Сам друид, казалось, тоже был вырезан из крепкого дерева, которому не страшны ни ветра, ни житейские грозы. Станным образом он напомнил мне директора команды. Взгляд – один в один. Оценивающий, рез-

кий, словно друид размышлял: стоит мне доверять или нет. Если решит в мою пользу, будет стоять горой, как Семен.

Странно все это! Сердце заколотилось, когда увидела третьего мужчину, стоявшего позади сводного брата и друида. Вовсе не потому, что на него оказалось приятно посмотреть. Он был молод и привлекателен. Одет в балахон, как и пожилой друид. Длинные светлые волосы развевались на ветру. На губах – улыбка человека, знающего себе цену. Вылитый Гришка Адронов, второй механик. Черт! Либо я спятила окончательно, либо на крыльце собралась половина моей команды. Но тогда... Отец!

– Приветствую, сестра! – внушительным басом произнес сводный брат, когда я натянула поводья, и пошел ко мне навстречу. Толпа разразилась приветственными криками.

– И тебе доброго дня! – произнесла я в ответ, перекидывая ногу через луку седла. Думала спешиться раньше, чем подойдет Руэйд, тем самым избежав его приветственных объятий. Прыгнула, но он успел меня поймать. Прижал к себе, да так, что я едва смогла вздохнуть. Чужие руки стиснули ягодицы, горячее дыхание обожгло ухо. Не похоже на проявление братской любви! Неужели Аэлика и с ним тоже... отпраздновала Бэлтайн?

– Отпусти! – прошипела я, едва сдерживаясь, чтобы не заехать по ухмыляющемуся лицу.

Вырвавшись из чужих рук, заявила:

– Я хочу сейчас же видеть отца. Отведите меня к нему!

Поймала одобрительный взгляд старого друида. Дернула головой – потом разберусь, что это за птица. Толпа расступилась, пропуская нас с Руэйдом во внутренний двор. Со всех сторон полетели слова приветствия и поддержки. Я кивала, благодарила, здоровалась в ответ. Неожиданно наткнулась на внимательный взгляд молодого друида. Мужчина шел сбоку от меня, оттесняя посохом слишком рьяных из желающих приветствовать принцессу. Глаза у него были яркие, светло-серые, и вблизи он вовсе не походил на Гришку. А я-то напридумывала!..

Во внутренний двор за нами встречающие не пошли, оставив меня в компании Руэйда и двух друидов. Я ступала за мужчинами по выложенному мозаикой полу, поражаясь невиданным красотам – бассейну с голубой водой, зеленеющему саду, мраморной колоннаде и солидным стенам внутренних помещений. Заполосно крича, мимо пронесся павлин. Ого!.. Руэйд хотел было пнуть птицу, но та увернулась.

Вскоре к нашей компании прибился смуглый вертлявый человек в белых одеждах. Казалось, он был с ног до головы завернут в простыню, а помимо нее кутался в шерстяной плащ, хотя на улице было тепло. Приблизившись, мужчина почтительно поклонился. Попытался представиться, но его оттеснили.

– Потом, Люций! – грубо оборвал его брат. – Не до тебя сейчас!

– Кто это? – негромко спросила я у Руэйда.

Тот лишь поморщился и не ответил. Но мужчина в простыне не сдавался, бежал следом и вещал о поварах и садовых работах.

– Отстань от меня, Люций! – рявкнул Руэйд. – Теперь все хозяйственные вопросы решает принцесса Аэлика.

Я пожалала плечами. Раз надо, решим!

– Не доверяй виллану, – тут же услышала шепот пожилого друида.

– Кому? – не поворачиваясь, переспросила я.

– Люцию, управляющему виллы. Он шпионит на даррийского наместника Публия Тацита.

Я чуть было не споткнулась о ступеньку лестницы, ведущей к жилым помещениям. Да неужели?..

Продажный виллан на внешние раздражители не реагировал, хотя брат сделал еще одну попытку от него отвязаться. Оставив недружественного Руэйда, Люций атаковал меня. Приблизился с другой стороны и принялся рассказывать о чудесах виллы. Я кивала, слушая на ходу.

Королевский дворец насчитывал тридцать четыре комнаты. Он был разделен на два жилых крыла с несколькими бассейнами, банями, канализацией и даже центральным отоплением. Хороший такой домик! Мне отвели восточное крыло, но из-за наплыва гостей оставили лишь пять комнат. К тому же набрали новых слуг и докупили рабов. Правда, несколько из новоприбывших захворали. Не соизволит ли хозяйка осмотреть?

Я растерялась, так как не имела понятия, что здесь существует рабство. Больных осмотреть-то могу, но что толку? Как помочь в отсутствие привычных медикаментов? Сказала управляющему, что сначала навещу отца, а затем уж разберусь в... рабовладельческом строе.

Вскоре Руэйд распахнул дверь в комнату Кэдерина. Король лежал на большой кровати в окружении нескольких сиделок. По углам мялся непонятный народ, в мою сторону полетели негромкие приветствия. Я кинулась к отцу Аэлики, чувствуя, как бешено застучало сердце. Взглянула на короля бригантов. Затем нерешительно опустилась подле него на колени. Тронула безвольную руку, лежащую поверх одеяла из звериных шкур. Мужчина ничем не напоминал моего отца. Он был рыжеволосый, с широким лбом, квадратными мощными челюстями и крупным ртом. Неестественно бледное лицо, казалось, принадлежало не человеку, а восковой кукле. словно жизнь давно покинула это тело, но оно все еще дышало.

– Он с нами и одновременно не с нами, – произнес пожилой друид. Крепкая рука легла на мое плечо. – Уже на пути в Иной Мир, и мы не можем вернуть его обратно. Надеюсь, голос любимой дочери...

– Что надо сделать?

– Позови его. Скажи: у него еще есть дела в этом мире.

– Он должен назвать преемника, – раздался резкий голос брата. – Давай же, сестричка! Старейшины ждут! – Руэйд

указал в угол комнаты, в сторону пожилых бородачей с посохами. – Король должен объявить, кто из нас будет править бригаантами.

Ясно. Руэйд откровенно зарится на трон. Пусть подавится, мне это и даром не нужно! Наклонившись к уху Кэдерина, попросила короля очнуться, уверяя, что он нужен здесь. Мне, брату, народу бригаантов. Рассказывала, как спешила домой и что ужасно по нему соскучилась. Так что нужно встать и обнять любимую дочь.

Но король, кажется, уже пересек Предел, из-за которого нет возврата, поэтому на мою просьбу отзываться не спешил. Сводный брат, поняв, что ничего не вышло, недовольно что-то буркнул. Затем и вовсе покинул комнату, не забыв хлопнуть дверью. Я поднялась с колен. Покачала головой на немой вопрос старейшин, посмотрела на друидов.

– Позже навещу отца еще раз, – сказала им.

Не говорить же, что от близости к живому мертвецу мне стало плохо. Кружилась голова и безумно захотелось выйти на свежий воздух. Куда угодно, лишь бы прочь из этой комнаты!

Выйдя из спальни короля, я наткнулась на Люция. Виллан подкарауливал свою жертву – меня то есть – прячась за колонной. Собралась было позвать управляющего, но услышала голос молодого друида, который тоже появился из дверей королевской комнаты.

– Аэлика, подожди! Нам надо поговорить!

– Иди, Люций! – вздохнув, сказала виллану, который уже спешил ко мне без приглашения. – Встретимся позже. Думаю, этим вечером я захочу осмотреть дворец и позову тебя.

Виллан кивнул и удалился. Опять же, недалеко. Тут друид схватил меня за руку и увлек за другую мраморную колонну. Я приготовилась выслушивать, кому доверять, а кому нет, кто шпионит на брата, а кто на неведомых драконов, но вместо этого мужчина прошептал:

– Я так соскучился по тебе, Аэлика! Наконец-то ты вернулась!

Обнял меня и вознамерился было поцеловать. Вот так новости! Дернулась, отворачиваясь, затем заехала рукояткой кинжала мужчине в скулу. Друид разжал объятия и отшатнулся. Потер разбитое лицо, посмотрел на меня с изумлением. Думаю, я ответила не менее удивленным взглядом. Надо же, в этом мире всего лишь день, а одного чуть было не прирезала, второго послала, а третьему по лицу заехала. Что будет дальше – страшно подумать!

– Еще раз так сделаешь – сдохнешь, – на всякий случай предупредила его. – Кто ты такой? И по какому праву?

– Ты не помнишь меня? – растерялся мужчина. – Мы вместе учились, и ты любила меня.

– Так уж и любила? – засомневалась я. Слишком много за последнее время собралось тех, к кому принцесса проявляла благосклонность!

– Больше года, Аэлика! Я закончил обучение раньше и

ушел в земли караветтов, чтобы быть поблизости. Потом узнал, что ищут лекаря для короля бригантов, и воспользовался случаем.

Так и думала, именно его привез Актеон на мою голову!

– Что с тобой произошло? – допытывался мужчина. – Ведь ты клялась в любви! Я посылаю тебе вестников на Англси, но ты ни разу не ответила. Или все же решила выйти замуж за Руэйда?

Пожала плечами, решив не отвечать. По большому счету – не его дело. Лучше пусть думает, что я – безголовая кокетка, бросившая его еще на Англси, чем таскает целоваться за колонны.

– Любовь прошла, завяли... гм... – народную присказку про помидоры решила не договаривать, увидев, как друид изменился в лице. – Как зовут тебя, целитель? – вздохнула я.

– И этого не помнишь?!

Покачала головой.

– Ангус, целитель племени караветтов, к вашим услугам, принцесса Аэлика! – произнес он язвительно. Злится. Что поделаешь!

– Доброго здравия тебе и твоим пациентам, Ангус, – отозвалась я. И точно, пациенты! – Люций, Люций! – покликала виллана, уверенная, что тот прячется неподалеку. Управляющий тут же выглянул из-за соседней колонны. Подозреваю, ему явно не хватало внимания, и я решила исправить эту несправедливость.

– Люций, подойди ко мне! Целитель Ангус осмотрит заболевших рабов. У него как раз выдалось свободное время. Так что отведи его... куда надо.

– Да, госпожа, – отозвался виллан. – Огромное спасибо!

Рассыпаясь в благодарностях, Люций подхватил под руку друида и потащил прочь. Особого счастья в лице Ангуса я не увидела. Ну да ладно, пусть отрабатывает!

Пристроив к делу целителя, я задумалась, как мне попасть в свои комнаты. Не дергать же каждую дверь, извиняясь, что ошиблась номером? Оглянулась. Во дворе кипела жизнь. Слуги или рабы – уж не знаю кто – возились в саду, обрезают ветки у размашистых кустов, мели пол, тащили огромные корзины, полные земли для садовых работ.

– Я провожу тебя, дитя мое, – раздался негромкий голос. Обернулась. Пожилой друид, который так напоминал мне Семена, тоже покинул покои короля и жаждал общения.

– Как прошла дорога домой? – спросил мужчина. Я непроизвольно вздрогнула. Ведь он – вылитый директор команды, если волосы обрезать да костюмчик солиднее подобрать!

– Быстро, – ответила ему. – Ты не проводишь меня до моих комнат?

– Конечно. Нам сюда, принцесса Аэлика. Мы все еще не знакомы. Меня зовут Гахарит, – представился он. – Во время твоего отсутствия старый Арго умер, и совет выбрал меня Главным Друидом бригаантов.

– Поздравляю с назначением, – отозвалась я. Он вежливо

склонил голову.

Какое-то время мы шли молча.

– У тебя нет причин доверять мне, но поверь, Аэлика, я – на твоей стороне! – наконец произнес Гахарит.

– Рада это слышать, – коротко ответила ему.

– Сюда, принцесса, – друид указал на лестницу, ведущую в большой дом в противоположной стороне от того, где располагались покои Кэдерина.

– Что с моим отцом?

– Вепрь на нем живого места не оставил. Вряд ли король переживет эту ночь.

– Что будет, если король не объявит преемника? Не подумай, что я – бессердечная дочь. Мне жаль отца, но я должна знать, что ждет меня и народ, если король так и не придет в сознание.

– На все воля богов, – глубокомысленно отозвался друид. Мысль оказалась настолько глубокая, что я ее не уловила. Воля-волей, но что делать с рвущимся к власти Руэйдом?

– Замуж за сводного брата не пойду, – предупредила друида. – Говорю сразу, чтобы не стало неожиданностью.

Гахарит задумчиво склонил голову.

– Какой богине ты посвящена, принцесса Аэлика?

Я растерялась, так как не имела понятия, кто заправлял местным пантеоном. Вместо ответа решила промолчать.

– Спасибо за откровенность, – произнес друид.

Он выглядел довольным, словно услышал, вернее не услы-

шал, то, что хотел. Уж не приложил ли он крепкую, обветренную руку, сжимавшую посох, к тому, чтобы перенести меня в этот мир? На все воля богов, а он – верховный их жрец...

– Теперь моя очередь говорить открыто, – произнес Гахарит. – Если к власти придет Руэйд, будет война.

– С драконами? – спросила я.

Угадала. Гахарит кивнул.

– Руэйд выступит против даррийцев, и многие из старейшин его поддержат. Война будет, но... Он потерпит поражение.

– Категорично, – произнесла я, подумав, что надо поскорее выяснить расстановку сил. Кажется, бриганты находились под властью драконов, то есть даррийцев. Новая власть им – как кость в горле, но с ней приходилось считаться, потому что силы оказались неравны. Перевес явно был не в сторону бригантов.

– Если дело заранее обречено, зачем оно Руэйду? Неужели не нашлось того, кто раскрыл бы ему глаза?

– Наивный мальчишка, который никого не слушает!.. При этом – хороший воин, но не хочет учиться на ошибках других. Полвека назад восстали племена иценов и триноваров. Их войска насчитывали больше двух сотен тысяч воинов, превосходя даррийцев численностью втрое, а то и больше.

Гахарит взял паузу, словно вспоминая детали произошедшего. Я тоже прикинула масштабы восстания. Выходило

очень даже впечатляюще...

– Насколько понимаю, того войска больше нет? – опять догадалась я.

Друид кивнул.

– Оружие и воинское умение даррийцев превосходит то, что есть у нас. Пусть магия друидов сильна, но наша сила в любви к земле. В тот раз боги отвернулись от своих детей, а император не простил мятежа. Из племени иценов и триноваров почти никто не уцелел. Не пощадили ни женщин, ни детей.

– Боже... Но зачем тогда воевать?!

– Половину всего, что производит земля бригантов, мы отдаем даррийцам. Монеты, зерно, руда железная, оловянная и серебряная. Бриганты всегда были независимы, пока не пришли даррийцы, вынудив нас покориться. Твой отец научил народ жить в мире с драконами. Если мы соблюдаем договор, они позволяют нам жить по своим законам и традициям. Руэйд слишком молод и, как многие бриганты, соскучился по драке. Слишком мирным было царствование твоего отца.

– Всегда думала, что это хорошо.

– Возможно, Руэйду даже удастся выбить чужие гарнизоны с земель бригантов, но противостоять мощи даррийцев ему не под силу. Племена Альбиона его не поддержат. Твой брат уже разругался с караветтами, давними нашими союзниками, не поделив с Актеоном...

– Меня, не так ли?

Друид ответил быстрой улыбкой.

– У вождя караветтов свои планы на прелестную принцессу Аэлику. Коритане, с которыми наши земли граничат на юге, тоже с Руэйдом на ножах.

Продолжения не последовало, потому что мы остановились у больших дверей с резным орнаментом.

– Твои покои, принцесса Аэлика. Немало изменилось с той поры, как ты уехала. Надеюсь, сможешь насладиться подарками императора. Для многих новая власть оказалась не гнетом, а благом.

– Что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты чтитла богов и была покорна их воле.

Я пожала плечами. Я могла быть покорна чьей-то воле только в случае, если она совпадала с моей.

– Смою дорожную пыль и приду навестить отца, – сказала друиду.

– Твое присутствие ничего не изменит, – ответил Гахарит. – Лучше отдохни и наберись сил. Завтра будет важный день.

С этими словами он распахнул передо мной дверь. Сам внутрь не вошел, попрощался, пожелав хорошо отдохнуть с дороги. В огромной комнате, заставленной изящной мебелью, меня дожидались две служанки и Бретта, а также стол, накрытый к ужину. Под щебетание девушек, которые сопровождали принцессу Аэлику в годы обучения, я позволила

снять с себя мужскую одежду. Одна из служанок раскрыла огромный шкаф.

– Здесь даррийские платья, – сбиваясь на восторженный шепот, произнесла служанка. – Подарок императора.

– Пожалуй, надену что-то из местной одежды, – покачала головой, глядя на буйство красок в шкафу. Аж в глазах зарябило! Поймала удивленный взгляд няни. Девушки достали из другого шкафа зеленое платье в пол, с вышивкой по вороту и пояском на талии, помогли переодеться. Я предложила Бретте поужинать вместе со мной. Неуверенно покосилась в сторону служанок, но все же решила соблюдать субординацию. После еды, выслушав от Бретты, кто из знакомых Аэлики вышел замуж, родил или уже на сносях, попросила принести мне зеркало. Хотелось знать, что толкает местных мужчин на подвиги эротического характера.

– Принцесса, только взгляните, какая прелесть! – воскликнула вторая служанка, худенькая брюнетка, протягивая изящное зеркальце в бронзовой оправе. – Подарок императора!

– Я уже догадалась, – пробормотала в ответ. Такое чувство, что у меня случился день рождения, а он – заботливый дядюшка. Если бы так!.. Насколько я поняла, императору было выгодно, чтобы короли местных племен держали свой народ в узде, не противясь господству драконов на Альбионе. Отсюда и столь щедрые подарки.

Как и ожидалось, девушка в зеркале оказалась натураль-

ной блондинкой. Только я и не думала, что Аэлика настолько красива. У девушки был небольшой прямой носик, пухлые губы, поразительной глубины зеленые глаза и чистая кожа. Белокурые локоны выбились из косы и спадали на лоб. Ну теперь ясно!.. По мне, принцесса бригантов слишком уж хороша. На вид – нежна и невинна, словно первый весенний цветок. И как с этим жить, если толпа мужчин пытается то догнать, то поцеловать с намеком на продолжение?

Вздыхнув, отложила зеркало и попросила служанок раздобыть горячей воды и бадью побольше. Оказалось, бадья – пережиток прошлого, и меня ждал, опять же, подарок императора. Пройдя через гостиную комнату, попала в спальню с внушительной кроватью, по углам которой четыре резные колонны поддерживали полог из тончайшего кружева. Следующие двери вели – ого! – в отдельный санузел. Маленькая комнатка меня крайне порадовала: не придется бегать по огромному дворцу в поисках кустиков.

Рядом находился вход в банный комплекс. В личной собственности принцессы обнаружилось два огромных бассейна с холодной и горячей водой и выложенная белым мрамором парильня. Когда, распаренная, легла на мраморную лавку, я уже почти любила императора. На вилле оказался настоящий СПА-курорт. Постанывая от удовольствия, наслаждалась массажем, который в две руки делали служанки. Остаться бы здесь на денек-другой, а затем уже домой! Мне снова захотелось жить. И еще – найти способ, как вер-

нуться в свой мир. Ведь у меня гонки, команда, новый этап во Франции, договор с «Хондой», Семен, Пашка, механики, «Ситроен»...

– Принцесса, в дом завезли новых рабов, – склонилась к моему уху служанка, отрывая от размышлений. – Двое из них – такие красавчики, вам понравятся! Я могу сказать Люцию, чтобы позвал.

– Зачем? – зевнула я.

Мужчины, определенно, были бы лишними. Оказалось, для интимных утех. Принцессе Аэлике раньше нравилось веселое времяпрепровождение. Хмыкнув по поводу чужого образа жизни, от мальчиков отказалась. Зато, когда вернулась в покои, распаренная, завернутая в одну простыню, меня ждал сюрприз. Гостиную оккупировал совсем другой мальчик, а именно сводный брат.

– Пошли вон! – приказал Руэйд.

Служанки послушно бросились прочь, а мы с Бреттой остались. Наверное, после парилки я туго соображала, поэтому вместо того, чтобы сбежать с девочками либо кинуться к лежащему на столике кинжалу, ждала, когда сводный брат объяснит свое появление. Дождалась! В следующее мгновение оказалась в мужских объятиях.

Он принялся тискать меня, хоть я пыталась вырваться. Просила, чтобы отпустил, но Руэйд держал крепко, а потом полез целоваться. В этот момент я заехала ему коленом в место, которым тот думал, но пришел к неправильным вы-

водам. Ни братской и никакой другой любви у нас не будет! Мужчина выдохнул, лицо исказилось от боли. Отпустил меня на секунду, лишь затем, чтобы наотмашь ударить по лицу. Не рассчитал либо перестарался. Ударил так сильно, что я отлетела в сторону и упала, зацепившись за низкий столик, чуть было не потеряв сознание от боли. Рот наполнился кровью из разбитой губы. Тут я увидела, как пожилая няня кинулась на Руэйда. Оружия у нее не было, неужели решила задушить голыми руками? Терять сознание враз расхотелось. Он же зверь – убьет и не вздрогнет!

– Стой! – закричала Бретте. – Не подходи к нему! Сама разберусь.

Откинув мешавшую простыню, кинулась к кинжалу. Затем стояла голая, сжимая костяную рукоятку, чувствуя, как горячая кровь из разбитой губы стекает по подбородку.

– Ты – глупая, похотливая корова, – выдавил брат, смерив меня взглядом. – Решила править племенем? Не получится, сестренка! Если захочешь жить, выйдешь за меня замуж. Будешь сидеть под охраной и рожать каждый год по наследнику!

– Размечтался! – сказала ему в ответ. Настала моя очередь озвучить правила игры. – Слушай меня, братик. Еще раз распустишь руки, и ты сдохнешь! Войдешь в мою комнату без разрешения – сдохнешь! Замуж за тебя я не пойду. Будешь принуждать – тоже сдохнешь!

Он изменился в лице. В какой-то момент показалось, что

Руэйд на меня бросится. Я сильнее сжала рукоятку кинжала. Страшно не было, лишь сильно болела губа.

– Надо было жениться на тебе, как только вошла в возраст, – брат сплюнул на ковер. Варвар, ненавижу! – Жаль, отец не позволил. Старый дурак смотрел сквозь пальцы на твои блудливые похождения. Когда слухи расползлись за пределы племени, отправил к друидам, чтобы поумнела. Как ты могла изменять мне направо и налево, Аэлика? И с кем?! – в голосе слышалась не только ярость, но и обида.

Черт, так и знала! С этим тоже переспала!

– Отец поступил правильно, послав меня учиться. Я поумнела, Руэйд! Поэтому сейчас ты покинешь мою комнату, пока не позвала охрану. Замешкаешься, и тебя отсюда вынесут. Помни, я – единственная дочь короля, а ты... Ты – никто, мой сводный братик!

Я злила его специально, до конца не уверенная в расстановке сил во дворце. Била наугад и попала в цель. Руэйд постоял немного, сжимая и разжимая кулаки. Затем развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Я выдохнула спокойнее лишь в объятиях Бретты. Позволила вытереть кровь, затем велела позвать охрану. Мне нужен был Прасург, мой инженер. Тьфу ты, начальник королевской стражи! Наказала ему приставить стражу к моим дверям и никого не пускать. Попросила найти Ангуса – надеюсь, свою разбитую скулу он залечил, пусть займется и моей. Верховный друид несколько раз упомянул, что завтра – важный день, не хотелось щего-

лять с разбитым лицом.

Наконец, навестив еще раз Кэдерина и осмотрев с Люцием дворец, легла спать. В кровать взяла кинжал, сунув его под подушку. Позвала няню и двух служанок. Благо места всем хватило. Спала тревожно, а на рассвете принесли плохую весть. Король умер, не приходя в себя, так и не назвав преемника.

Глава 5

Короля похоронили этим же утром в большом кургане у реки, чуть поодаль от городских стен. Рабы вырыли большую могилу, куда поместили умерщвленного любимого коня Кэ-дерина и его боевую колесницу, на которую и поставили урну с прахом. Положили вдоволь оружия, чтобы путь в Иной Мир прошел без сучка и задоринки. Принесли еду и питье в дорогу, а также лучшую одежду и дорогие украшения, которые королю не стыдно было надеть в мире за Пределом.

Я стояла на холме неподалеку от могилы. Холодный утренний ветер трепал подол белого траурного платья, играл с распущенными белыми локонами. Неподалеку видела Руэйда, окруженного группой воинов. Сводный брат после вчерашнего хранил молчание и избегал встречи со мной. И не надо! Не до него...

Хоть я не собиралась плакать, но слезы катились из глаз и, подхваченные порывами ветра, падали на землю бригаентов. Рядом завывали женщины, словно наемные плакальщицы, но я верила, что их горе – искреннее. Пусть не знала этого человека, но он был хорошим королем. При нем не было войн и народ процветал. Что будет, если к власти придет Руэйд? А если выберут меня?..

Решив ни о чем не думать – не до этого сейчас, – стояла и плакала, словно хоронила собственного отца. Рядом выво-

дила траурную песню Бретта. Прасург тоже был подле меня, готовый поддержать и ободрить. Ангус крутился поблизости. Хоть он и был друидом, но не из нашего племени, поэтому к церемонии, которой руководил Верховный Друид с несколькими помощниками, его не допустили. После вечерней встречи, когда Ангус лечил мне разбитое лицо, нежно касаясь губ пальцами, из которых лилось тепло, а затем накладывая целебный бальзам, мне показалось, что его отношение ко мне изменилось. В его взгляде я больше не видела похоти.

Мимо полужасыпанной могилы шли люди. Сначала старейшины родов, затем простые бриганты. Несли листья, первые весенние цветы, небольшие дары в последнюю дорогу королю. Красивые вещицы, посуду, кто-то из детей положил грубую деревянную игрушку. Я вновь зарыдала, с трудом балансируя на грани истерики. Странно все это! Ведь не проронила ни слезинки на похоронах своего отца и Андрея. Я вовсе не была бездушным чудовищем, нет. Хотела плакать, но не смогла. Сейчас же, в чужом теле, не сдерживала слез.

Затем за мной пришли. Отвели к реке. Я не сопротивлялась, когда с меня сняли белые, похожие на саван, одежды. Обнаженная, зашла в воду, чтобы в ее потоках смыть прошлую жизнь – жизнь дочери умершего короля. За Кэдеринном придет следующий правитель. Не дай бог – Руэйд! Погрузилась с головой, не уверенная что вынырну: в таком холоде я едва могла шевелиться. Но – справилась! Дрожащая,

вышла из воды. Затем, не стесняясь наготы, направилась к Верховному Друиду. Люди бросали мне под ноги дубовые листья. Гахарит произнес молитву богам с просьбой, чтобы те подарили королевской дочери покой и мир в ее новой жизни, и возложил мне на голову дубовый венок.

Наконец, когда от холода я еле двигалась, а зубы стучали так, что не получалось связно мыслить, служанки завернули меня в полотенца, растерли до боли, затем облачили в белые одежды – цвета чистоты и смерти. Похоронная церемония закончилась. Мы вернулись во дворец, где в спальне я сразу же забралась под одеяло, решив, что сегодня не выйду из комнаты. Не только сегодня, но и вообще – никогда. Наивная! Вскоре пришли друиды и потребовали, чтобы я незамедлительно явилась в Священную Рощу на собрание племени. Не сказали зачем, но я и так поняла – там будет оглашена воля богов и назван новый король или королева бригантов.

Я все никак не могла согреться. Противный холод внутри грозил перерасти в тяжелую простуду. Глядишь, от нее помру, не мешая Руэйду править долго и счастливо. Хотя, по словам Гахарита, царствование, скорее всего, потянет на «коротко и кроваво». Бретта, оценив мое состояние, выставила мужчин за дверь, после чего затолкала меня в парилку. Лежа на мраморной скамье и вдыхая горячий пар, я наконец перестала трястись, а после массажа в две руки почувствовала себя человеком.

В гостиной ждало изумительной красоты зеленое платье, украшенное золотой вышивкой. Поверх него служанки надели прямоугольный шерстяной плащ, что застегивался на плече пряжкой-фибулой. Волосы решили оставить распущенными. Руки оттягивали тяжелые золотые браслеты, на ноги обули изящные кожаные сандалии с золотыми пряжками. Подозреваю, опять же – подарок дорогого дядюшки, императора Даррии. Вскоре я была готова. Бретта поцеловала меня в лоб и распахнула дверь.

Меня дожидались двое незнакомых друидов, Ангус и группа воинов, возглавляемая Прасургом. Кивнула присутствующим и последовала за ними к выходу из дворца. На большой площади уже толпился народ, который при нашем появлении разразился оглушительными криками. Руэйд, пришедшему следом, тоже кричали, и не скажу, что меньше моего. Быть может, даже больше.

На сводном брате была зеленая туника с парадным поясом и узкие, с завязками по низу, штаны. Волосы, щедро перемазанные раствором, напоминавшим глину, стояли дыбом, наподобие прически «ирокез». На шее – серебряный торк. Это украшение такое, похожее на строгий ошейник. За поясом – меч. Вид у Руэйда был устрашающий, но я его не боялась. Жалела, что не получилось поговорить нормально. После вчерашнего брат меня в упор не замечал. Я отвернулась и увидела, как к входу подъехала колесница, украшенная полевыми цветами и дубовыми листьями. Кажется, местные на-

зывали такие эсседами. В прямоугольную повозку с двумя перилами были впряжены две лошади. Неужели для меня?! Возничий уже дожидался, перебирая в руках поводья.

– Я поведу! – сказал Прасург молодому парню, и тот послушно спрыгнул на землю. – Принцесса... – воин протянул руку, помогая взобраться на повозку.

Прасург был верен королю Кэдерину и в споре за трон поддержал принцессу Аэлику. Кроме него на моей стороне, кажется, друиды, но я ни в чем не была уверена. Старейшины? Не имела понятия. Простой народ – откуда мне знать?! Править бригантами я не хотела, а хотела домой. Но понимала, что если выберут не меня... Замуж за Руэйда не пойду, значит, лежать мне в могиле. С перерезанным горлом!

– Принцесса! – раздался громкий оклик, когда я взялась за борт, с трудом отыскав место среди листьев.

Толпа расступилась. Ко мне спешила небольшая группа людей, более смуглых и низкорослых, чем светловолосые бриганты, в одежде другого покроя. Возглавлял их виллан, держащий в руках венок, в который были вплетены нежно-розовые бутоны, размером и красотой превосходящие скромную местную флору, украшавшую колесницу. В цветах, надо признать, разбиралась я плохо. Последним мне их дарил Андрей, который, смеясь, утверждал, что мой любимый цветок – красный.

– Слушаю тебя, Люций!

– Граждане Даррии, – шепнул мне на ухо Прасург. – Тор-

говцы и ремесленники, живущие в городе.

– Эти цветы из дворцовой оранжереи, – произнес виллан. – Мы отапливаем ее из котла, что дает тепло в ваши бани. Я лишь надеюсь...

Его речь прервал громкий вопль сводного брата, который, вскочив на лошадь, с гиканьем ускакал с площади. К нему присоединились человек пятьдесят молодых воинов. Показушник!

– Это мне? – вновь повернулась к Люцию.

– Да, принцесса. Если согласитесь принять.

Спустившись с колесницы, склонила голову, позволив виллану надеть венок. Люций отступил, но перед этим успел шепнуть, что во мне видят надежду на мир и благополучие. Ну что же, фигуры расставлены! Возмущенный брат первым ускакал в Священную Рощу. Я же, в традиционном платье бригантов, с венком из цветов, выращенных в даррийской оранжерее, взошла на колесницу. Мысленно пообещала, что если племя выберет королевой меня, то сделаю все, чтобы жить в мире. С драконами, с соседями – без разницы, лишь бы не «коротко и кроваво»!

И мы поехали. К тряске мне не привыкать, поэтому вскоре выпросила у Прасурга поводья, наслаждаясь тем, что вновь веду транспортное средство. Все равно, какое! Начальник стражи показал основы ремесла возничего, и скоро именно он держался за перила, а я правила, ощущая себя в родной стихии. Правда, вместо трехсот лошадиных сил под капотом,

повозку тянули две коняшки, вместо шин «Michelin» – деревянные колеса с железным бандажом. Но мне безумно нравилось!

Миновали городские ворота. Затем по подсказке Прасурга я круто забрала вправо, объезжая холм. За ним местная речушка выписывала очередную извилину. А вот чуть дальше, у самой кромки леса, стояли два огромных валуна-мегалита. Дернулась, вспомнив, где я уже их видела, и едва не потеряла управление. Не может быть! Прасург хмыкнул, затем подхватил поводья, придерживая лошадей. Сердце забило, потому что мы неслись во весь опор к месту, которое я знала в настоящей жизни. Та самая речушка – правда, моста нет; вместо шоссе – поле, за которым начиналась Священная Роща бригантов. Это была Ведьмина Петля, где мы попали в аварию с Андреем, а потом, два дня назад, я пыталась разбиться самостоятельно. Но ведь это... невозможно!

Как человек рациональный, в подобные совпадения я не верила. Хотя от моей рациональности за последние дни остались лишь рожки да ножки. Вернее, ничего не осталось. Я так и не смогла найти ответ, как из двадцать первого века провалилась в мир бригантов, живущих бок о бок с драконами. Вот пусть Верховный Друид и объяснит! Осталось осторожно расспросить, чтобы не принялся изгонять злых духов из тела принцессы. Меня то есть!

С друидом поговорить не удалось. Мы подъехали к квадратной, внушительных размеров площадке, обнесенной зем-

ляным валом, что начинался как раз около валунов. Народу собралось немерено, но люди продолжали подходить. Среди толпы мелькнул «ирокез» Руэйда. Конечно, как же без него! Мое появление на колеснице в сопровождении королевского отряда народ встретил одобрительными криками. Прасург протянул руку, помогая спуститься, и повел в святилище местного Трехликого бога – это я по дороге от Прасурга услышала.

Площадка святилища была утыкана каменными колоннами метра в три высотой, с высеченным на них цветочным орнаментом. Все колонны венчались каменными головами с тремя лицами. Грубые, почти безликие черты вызвали у меня отвращение. Посреди площадки находилось небольшое деревянное строение без окон, с одной лишь дверью, перед которой стояла полуметровая статуя человека, сидящего со скрещенными ногами, икры плотно прижаты к бедрам. Как и предполагала, у него оказалось три лица.

Растолкав людей, воины освободили пространство неподалеку от входа в хижину. Я стояла, ожидая представления, боясь даже предположить, что в нем будет. Молитвы? Хорошее пение? Возложение венков к ногам божества? Или же... Не придумав ничего путного, стала ждать.

Место оказалось не только странным, но и действовало на меня угнетающе. Вовсе не потому, что было заставлено каменными идолами, нет! Оно давило на голову, словно пыталось вжать в землю. Я с трудом стояла, затем и вовсе обло-

котилась на кого-то стоящего позади, благо народ напирал, хотя стража пыталась их оттеснить. Я же никак не могла отделаться от чувства, что трехликий хозяин этого места смотрел на меня сквозь белесые глаза каменных идолов. Поняв, что долго не выдержу, оглянулась, прикидывая, как бы сбежать. Оказалось, позади стоял Ангус, к которому я и прижималась. Друид поддерживал меня рукой, второй сжимая посох.

– Скоро все закончится, – шепнул он мне.

Я не поверила. Что может закончиться, если еще не началось?

– Это место силы вашего племени, – продолжал Ангус. – Те, кто получил высшее посвящение, ощущают здесь присутствие древних богов. Иногда, если богам нравится принесенная жертва, они отвечают на просьбы. Ты скоро привыкнешь, Аэлика, и научишься черпать магию...

Прежде чем послать подальше друида с его объятиями, магией и древними богами, я увидела, как из набалдашника его посоха струится синее свечение, словно к деревянной палке подвели электричество. Как такое возможно?! Тут по толпе прокатился громкий вздох. Перестав пялиться на посох, повернулась. Из дверей хижины вышел Гахарит в сопровождении двух друидов и направился в мою сторону. Люди послушно расступались, освобождая проход. Белоснежное одеяние друида было в крови, словно он только что провел хирургическую операцию в полевых условиях. Верхов-

ный Друид выглядел странно: лицо белое-пребелое, замершее, глаза остекленевшие, движения угловатые, неловкие. На миг показалось, что ко мне идет ожившая статуя трехликого бога. А еще... Руки друида тоже были в крови!

На этом мои нервные клетки закончились, решив больше не восстанавливаться. С меня хватит, не хочу! Попыталась сбежать, но Ангус обхватил за талию и прижал к себе. Держал крепко, не позволяя сдвинуться с места. Я впилась ногтями мужчине в руку и прошипела, что он сдохнет, если не отпустит. Он же обозвал меня дурочкой, заверив, что на одежде и руках Гахарита кровь жертвенного животного.

– Аэлика, еще немного, прошу тебя! Верховный Друид идет сюда, и это хороший знак.

Я перестала сопротивляться, потому что внезапно кончились силы, словно их высосало это место. Гахарит остановился и заговорил, указывая окровавленным пальцем на меня. Голос у друида был неестественный, пробирающий до дрожи, до нервных мурашек. Толпа замолчала, кажется, перестав даже дышать.

– Бог послал знак, который я разглядел во внутренностях жертвенного быка. Триединый говорил со мной. Он назвал имя нового правителя бригантов. Им станет Аэлика, дочь короля Кэдерина!

Народ вокруг охнул. В этом звуке слышалось как облегчение, так и возмущение.

– Вам решать, подчиниться ли воле древних богов или

пойти своим путем!

Голос прозвучал угрожающе, словно предостерегая людей от необдуманного шага. Народ заволновался. Я замерла, оглушенная, не понимая, что теперь делать и что ждет впереди. Братец тоже не собирался уходить, следовательно, у него был козырь в рукаве. Стоял чуть поодаль, но даже сквозь толпу я чувствовала его тяжелый взгляд.

– Хотите ли вы в королевы Аэлику, дочь Кэдерина? – громкий голос Гахарита словно ножом рассек шум толпы. Люди замерли, перестав переговариваться. Я чувствовала себя, словно у алтаря, где меня выбирали в жены. Возьмут, не возьмут?.. Волнительно!

– Да! – раздался нестройный ответ, потому что стоявшие вокруг Руэйда дружно закричали «нет».

– Боги, будьте свидетелями! Народ бригаентов, хотите ли вы в королевы Аэлику, дочь Кэдерина? – вновь выкрикнул Гахарит.

На этот раз число желающих увеличилось. Наконец в третий раз проголосовали почти единогласно. Восторженную тишину после третьего согласия разорвал рык Руэйда, похожий на рев раненого животного. Брат выкрикнул в мою сторону проклятие и кинулся прочь, расталкивая народ. Причем не один, а с группой соратников. По приказу Прасурга за ними бросилась стража. Правда, сначала пожилой воин перевел взгляд на меня, ожидая приказа, словно я уже была королевой. Кивнула, приказав задержать, но оказалось слиш-

ком поздно. Руэйд уже перебрался через вал, окружающий святыню, и вместе с верными воинами спешил к лошадям. Ясно, одной проблемой больше!

Несмотря на неразбериху со сводным братом, ко мне приближался старейшина с тяжелой золотой штукой в руках, которую передал Гахариту. Нет, ее не надевали на голову – это был торк, традиционное украшение бригантов, который носили на шее. Символ королевской власти... Опять стало тихо. Кажется, пришла очередь еще одного вопроса.

– Примешь ли ты, Аэлика, дочь Кэдерина, золотой торк бригантов? Будешь ли править мудро и разумно, чтя богов и уважая традиции предков?

Гахарит стоял близко, поэтому я прошептала:

– А что, если откажусь?

– Руэйд и война, – отозвался друид.

Он уже вышел из транса, выглядел вполне нормальным, все так же похожим на Семена. Я доверяла начальнику команды, как и самой себе, поэтому решила довериться и Гахариту. К тому же Ангус нашептывал в ухо слова одобрения. Я сделала шаг навстречу новой жизни.

– Да! – в тишине прозвучал мой уверенный голос.

Мужчина застегнул на моей шее королевское украшение. Я медленно повернулась, демонстрируя его народу. В ответ получила шквал восторженных криков. Бриганты, к добру или к худу, обзавелись новой королевой. Я же ощущала себя так, словно замерла на старте новой, неизвестной трассы.

Что ждет за первым поворотом? Хватит ли сил и умения добраться до финиша?

Люди приветствовали меня, когда в сопровождении королевской дружины шла к колеснице. Купаясь во всеобщем ликовании, я больше не сдерживала улыбки. В детстве, начитавшись романов, представляла себя Анжеликой, маркизой ангелов. Надо же, как повернулась судьба... Теперь я стала Аэликой, королевой бригаантов!

Глава 6

Я стояла на высоком холме у городских стен. Ветер раздувал подол длинного платья и трепал косы, складывая выбившиеся пряди в удобную лишь ему прическу. Золотой торк охватывал шею, холодил кожу, не давая забыть о том, кем я была и кем стала. Закрыв глаза, я наслаждалась выдавшейся спокойной минутой. Вдыхала запах влажной земли и молодой травы, радуясь тишине. Природа, казалось, замерла. Лесистые холмы, извилистая лента речушки и даже видневшиеся серые громады гор с белыми шапками ледников впали в дневную дрему. Это была обманчивая тишина, в которой все отчетливее слышался конский топот. К городу приближался отряд всадников. Наконец я смогла различить людей в блестящих доспехах. Шлемы некоторых из них были украшены красными и серебристыми гребнями. Человек пятьдесят, не меньше. В руках у знаменосца – штандарт с золотым драконом. Даррийцы... Только их не хватало для полного счастья!

С момента как Гахарит застегнул на мне золотой торк племени, прошло три дня. Я привыкала к новой роли, стараюсь не сойти с ума, хотя иногда очень хотелось. Так же сильно, как вернуться домой. Ничего не выходило: ни домой, ни свихнуться. Я по-прежнему просыпалась на рассвете в королевских покоях, носила местные платья и занималась делами. Вернее, в основном хранила молчание, слушала сове-

ты главного друида и скорбела по королю Кэдерину. На третий день, по подсказке советников, объявила о погребальных играх в честь отца. Правда, организовать их не успели, так как утром пришли тревожные новости из Эборака, где стояла большая часть девятого драконьего легиона.

Даррийцы!.. Именно из-за них мы мерзли на ветру, решив встретить гостей перед стенами города. Позади меня замерли ближайšie соратники и королевская стража, а еще Актеон, король караветтов, с тремя десятками воинов. Он приехал выразить сожаление из-за смерти моего отца, заодно поздравить с коронацией и намекнуть, что не прочь получить ответ на вопрос, заданный на Бэлтайн. Отказать ему сразу я не решилась. Мало ли, обидится, пойдет войной! Поэтому, сославшись на траур и на то, что мне сейчас не до брачных предложений, попросила подождать. Ага, когда рак на горе свистнет!

Актеон все не уезжал. А тут еще из Эборака выехал легат Квинт Октавий Варран, чтобы поздравить новоявленную королеву бригантов от имени сената и императора. Я волновалась, но старалась не терять голову и утихомирить особо воинственных из советников. В основном молодежь. Таковую, как Руэйд. Сводный брат стоял позади меня и отчетливо скрежетал зубами. Ну сколько можно!

Повернулась к нему.

– Руэйд, прекрати! Я все слышу! Не дай бог что выкинешь, и я тебя придушу.

Покосилась на здоровенную шею брата и засомневалась в собственных словах. Руэйда я простила, причем прилюдно. Наше примирение случилось в тронном зале, после возвращения из святилища. Перед этим я проехала через город, управляя колесницей. Дорогу расчищала группа воинов, а то народ от избытка чувств все норовил кинуться под колеса. Зато листвой и цветами меня закидали знатно. Затем свернули к дворцу, где в большом зале уже ждал накрытый к пиршеству низкий стол. Во главе него стояло огромное деревянное кресло, которое, полагаю, считалось здесь тронном. Стул достался только мне, остальные расселись на низкие лавки, многие – на подстилки из шкур. Кормили в основном мясом, к которому подавались хлеб и вино, так что вскоре пир стал походить на пьянку. Устав поднимать кружку с элем за собственное здоровье, но так и не сделав ни глотка – не хватало напиться с сотней полутрезвых мужиков! – я ковыряла свиное бедро и рассматривала выложенный замысловатой мозаикой пол и мраморные колонны тронного зала. Изящная архитектура дворца не вязалась с происходящим в его стенах безобразием.

За спиной у меня стоял Гахарит, улыбка у Главного Друида была довольная. Ангус сидел неподалеку, но пить – не пил. Когда думал, что не вижу, тоскливо смотрел в мою сторону. Мне было его жаль. Встретиться мне настоящая Аэлика, я бы пояснила веским словом, что думаю о ее поведении! Кстати, куда она пропала? Неужели очнулась за рулем спор-

тивного «Субару»? Додумать не успела – к трону стали подходить воины из знатных родов и, опускаясь на колени, проносить клятву верности. Представители городов и поселений называли, сколько копий приведут под мое начало в случае войны. Эх, надо бы записывать, но... Никого с бумагой и пером поблизости не наблюдалось. А все потому, что у бригаантов не было письменности.

Я старалась запоминать имена и лица. Отметила Веритакса, двоюродного дядю, решив присмотреться к нему повнимательнее. Рыжеволосый мужчина лет сорока внешне походил на отца Аэлики. А еще он походил на Пашку, только лет на пятнадцать старше. Такая же располагающая к себе улыбка и... Мое доверие он заслужил почти сразу, хоть я его знать не знала. Усмехнувшись, решила, что они с Пашкой одной крови: способны продать все, даже снег эскимосам.

Тут распахнулась дверь, и в зал ворвался Руэйд в окружении стражи. Воины, как один, покидали кружки и схватились за оружие.

– Всем сидеть! – прикрикнула я. Не видите, что ли: он без меча?

Подойдя к трону, брат произнес короткую, но пламенную речь, в которой покаялся в своей ошибке. Затем выхватил из рук стражника меч, протянул мне, встал на колени и потребовал прикончить его, если не приму извинений. Меч я не взяла. Приказала брату подняться и обняла его, чем заслужила одобрение знати. Негромко шепнула Руэйду, что таких

выходок больше не потерплю и в следующий раз перегрызу ему горло. В ответ он выдохнул «согласен», словно я сделала ему брачное предложение, и долго не отпускал. Слишком долго для братских объятий!

Подозреваю, какая-то скотина нашептала об отличном способе стать королем, раз в святилище не удалось – жениться на королеве и так занять ее деторождением, чтобы на власть не оставалось времени.

Прасург сводному брату не доверял, утверждая, что, погибни я, тот станет королем. Если, конечно, не заподозрят в покушении, а то лежать ему в соседней могиле! Поэтому меня повсюду сопровождали два телохранителя и Ангус. Пришлось смириться и делать вид, что не замечаю амбалов, следующих по пятам.

Я с головой погрузилась в королевские обязанности, да так, что загадка моего появления в стране бригантов отошла на задний план. Пока разбиралась в законах страны, нагрянул Актеон. Принес клятву дружбы и пообещал военный союз, произнеся нечто высокопарное из серии «твои враги – мои враги!» На что, с согласия старейшин, я ответила похожим заверением. Еще Актеон привез подарки – отрезки тканей, серебряные и золотые украшения: браслеты, гребни, заколки. Кажется, по дороге ограбил повозку заморских купцов, потому что внесли несколько амфор с ароматическими маслами, что были здесь на вес золота.

Старейшин Актеон в качестве мужа устраивал. А вот Ру-

эйд, вновь вошедший в совет, возражал. Зачем нам караветы, говорил он. Племя, конечно, большое, но не так чтобы сильное. Они обитали к северу, территории заканчивались у Аррианова Вала – огромной стены, тянувшейся через весь Альбион. Это была граница покоренных драконами земель. За ней жило таинственное племя кальзедонов – горцев, которые остались свободными от власти даррийцев. Как именно они выиграли решающую битву – об этом не знали даже друиды, но слухи ходили странные. Говорили, горцы обладали магией, способной убивать даже драконов.

Кальзедоны меня пока не интересовали, тут бы со своими «горцами» разобраться! Совету объявила, что замуж не собираюсь. Вежливо, кстати, объявила. Никого не послала, даже Руэйда. Хотя надоел он до чертиков! И на следующее же утро пошел в атаку. Смотрел орлом, извел на прическу полкило глины, все норовил подойти поближе и дыхнуть перегаром. Пьянствовал, вернее, пировал всю ночь. Затем, запинаясь, наговорил ерунды о нежном овале лица, длинных ресницах и высокой девичьей груди, что свела его с ума. Чуть было не звезданула братца посохом Ангуса – чтобы не сводил меня с ума глупостями! Покосилась на королевского старца-ватта, певца, поэта и знатока народного эпоса, и показала тому кулак. Знаю, с чьей подачи... Руэйд сам бы не додумался!

Кроме попыток очаровать, сводный брат изводил ревностью. Начал во время праздничного обеда, когда король ка-

раветтов склонился ко мне, чтобы сказать очередную шутку. Сидели мы рядом – важный гость, как-никак! Тут братец так врезал кулаком по столу, что особо нервные подскочили и схватились за оружие. Затем взревел, словно олень в период гона, и выбежал из тронного зала. Я задумалась, как поступить. Желательно отдать братца в хорошие, но цепкие руки. В общем, пора ему жениться. Конечно, можно еще отправить с инспекцией в отдаленные земли, проверять на крепость защитные частоколы в приграничных селениях, но как друзей, так и врагов я всегда держала поблизости. Решила спросить у Бретты, с кем проводил ночи брат, пока осваивала мудрость друидов. Оказалось, есть такая!

Звали ее Веледа, она была дочерью Веритакса. Жила во дворце и в прежние времена слыла подругой принцессы Аэлики. В нынешние мне было не до нее. Да и не умела я особо дружбы разводить. Хотя Веледа казалась симпатичной и покладистой. Улыбчивая, немного смугловатая, черноволосая девушка отличалась от бледных и светловолосых женщин бригаентов. Родила ее рабыня, которую Веритакс, как диковинку, купил у торговца из Четвертой Провинции, находившейся где-то на юге необъятной Даррийской Империи.

Полюбив рабыню, Веритакс не только освободил ее, но и женился. Мать Веледы несколько лет назад умерла при родах, но мальчик выжил. Теперь семнадцатилетняя девушка заботилась о маленьком брате, считая себя чуть ли не его матерью. Даже принесла на смотрины пухлого, черноглазо-

го малыша. Бухнула мальчонку мне на колени, спросив, не прелесть ли он. Неожиданно для себя я умилилась. Странно все это! Раньше дети интереса не вызывали. Кажется, пребывание в теле Аэлики вызывало у меня разжижение мозгов. Глядишь, скоро замуж захочу!

Нет, нет и еще раз нет! Решив придумать на досуге, как свести Руэйда с Веледой, я переключила внимание на Актеона. Как бы половчее и от него избавиться?! Король караветтов уезжать не собирался, чем бесил Руэйда. Да и с Ангусом вышла еще та история... Утром третьего после коронации дня, когда солнце просушило холодную от росы землю, мы отправились на охоту. Пока мужчины бегали с луками наперевес, я нашла сухую полянку, окруженную высокими соснами. Двое воинов привычно сторожили неподалеку, делая вид, что их нет. Я притворилась, что поверила. Закрыла глаза, затем и вовсе откинулась на спину, наслаждаясь выдавшейся спокойной минутой.

Украдкой зевнула. Выспаться не удалось – вчера засиделась допоздна, слушая сказания старца-ватта о деяниях славных предков. Встала на рассвете – дворец поднимался рано. Сейчас же лежала, нимало не заботясь, что земля холодила спину, а в волосах, наверное, полно прошлогодней травы и земли. Неожиданно услышала музыку. Вернее, это походило на хоровое пение – тонкое, звенящее, рассыпающееся на сотни, а то и тысячи нежных тихих голосов. Перевернулась на живот, пытаюсь разобрать, откуда приходили звуки.

Странно! Казалось, они шли от молодой травы и ярко-зеленых, полных силы побегов и недавно проклюнувшейся листвы. Этот лес, трава, листья – они пели... Пели!

– Ангус, – прошептала я, не поворачивая к нему головы. Знала, друид рядом. Он не оставлял меня никогда, даже комматушку ему отвели поблизости от моих покоев. – Лес поет. Твоих рук дело?

– Он говорит с тобой, – раздался мелодичный голос друида. Мужчина опустился рядом на траву. Этим утром он сменил белый балахон на обычную одежду и выглядел почти нормальным. Только вот посох с голубым свечением меня тревожил. – Сила природы, сила твоей земли поет песню для своей королевы. Я лишь помогаю услышать.

Я вновь закрыла глаза, наслаждаясь странной музыкой.

– Когда Гахарит даст тебе Высшее Посвящение, – произнес мужчина, – ты сможешь слышать сама.

– Музыку леса?

– Да.

Наверное, принцесса Аэлика не задавала бы подобных вопросов после четырех лет обучения, а он не отвечал без удивления, если бы...

– Скажи мне, Ангус, я ведь плохо училась?

Кажется, он усмехнулся.

– Тебя мало волновала учеба. Принцессу Аэлику заботили другие вещи.

– Какие именно?

Друид промолчал, но я почувствовала возникшее напряжение.

– Скажи мне, Ангус. Я хочу услышать.

– Наша любовь, – произнес он. В ту же секунду легкий ветерок коснулся щеки, лаская, целуя кожу, словно в подтверждение сказанному.

– Времена изменились, – сказала в ответ. – Прошлого не вернуть, и я стала другой.

Тоже своего рода признание. В знак уважения к тому, что решился произнести он.

– Для меня все осталось как прежде, – отозвался Ангус. – Я всегда буду рядом и смогу тебя защитить. Ты не должна бояться!

– Я давно уже ничего не боюсь, – устало произнесла в ответ. – Спасибо, Ангус! Но времена и правда изменились.

Хотела было подняться, но друид вложил мне в руку кусочек дерева, похожий на узелок от ветки, с продетым кожаным шнурком, Сжал пальцы, удерживая меня на месте.

– Это оберег, Аэлика, из дуба-защитника вашего племени. Он предупредит об опасности, если я не окажусь рядом. Носи его, не снимай! Но, клянусь, я буду с тобой долго – пока сама не захочешь меня прогнать.

В этих словах было намного больше, чем обещание защиты. В них слышалась искренняя, неподдельная забота. Нет, я обманывала себя! Это было чувство, на которое не могла ответить взаимностью. После смерти Андрея в груди обра-

зовалась дыра, что питалась моими эмоциями и надеждами. В ответ из нее веяло гробовой тишиной и могильным холодом. Я не собиралась никогда больше влюбляться, но... Прогонять друида не хотелось. Я поняла, что мужчина мне нравится. Или Аэлике?

Слава богу, Ангус поднялся на ноги и ушел, давая время прийти в себя и привести в порядок мысли. Когда вернулся, на ладони были ягоды. Спелая земляника!

– Позволь, – произнес он, – я накормлю тебя.

Он протянул руку к моим губам.

– Ангус, – покачала головой.

– Тебе нравилось, когда я кормил тебя.

– Я сама!

– В первых весенних ягодах заключена древняя сила леса, сила пробуждения природы.

– Ангус, не надо!

– Закрой глаза!

Голос прозвучал уверенно, и я почему-то послушалась. Позволила положить ягоды себе в рот. Затем мужчина, словно невзначай, коснулся моих губ пальцем, провел по контуру ласково, нежно. И тело ответило, пробуждаясь. Я чувствовала, как от чужого, ласкового прикосновения внутри разгорается желание. Сильное, до боли, такое, что я едва сдержала стон. Это все магия или же тело Аэлики узнало бывшего любовника?

Не надо мне такого! Я подскочила на ноги, и в этот мо-

мент на поляну вышли женихи. Оба обвешанные куропатками, словно пулеметчики лентами с патронами. Вид, подозреваю, у меня был слегка ошалелый, если не сказать виноватый. Рот, наверное, красный, в землянике, как и руки Ангуса. Руэйд посмотрел подозрительно, Актеон – укоризненно, а позже, по возвращении, когда мы гуляли по саду, король караветтов попытался меня поцеловать. Наверстать, так сказать, упущенное. Надоели, сил нет! В монастырь уйду! Открою на землях Альбиона лично для себя и уйду.

Затем прискакал вестник, лишь на пару часов опередивший драконов. Меня ждало первое серьезное испытание, из-за чего я немного нервничала. Во дворце служанки помогли снять испачканную в земле одежду. На встречу с даррийцами я надела традиционное платье бригантов. На шею – золотой торк, символ королевской власти. В уши – серьги, на руки – золотые браслеты. Между ними – кожаный шнурок с подаренным Ангусом амулетом. На голове – сложная прическа из переплетенных кос. Бретта постаралась. Я была готова, но... Уговаривала себя не волноваться. Ну и что, что прибудет посланник Даррии!

Пусть мы бедные и покоренные, но гордые. И... золото у нас тоже есть. А еще – железная руда, олово и медь в горах около Инсурима. Наши реки полны рыбы, в лесах в изобилии водится дичь. Наши поля, благодаря стараниям друидов, всегда урожайны. Правда, половину всего, что производила земля бригантов, мы отдавали драконам. Их столи-

ца – Дарр... Словно огромный спрут, империя опутала щупальцами земли Альбиона, душила каждого, кто осмеливался поднять голову или же бросить взгляд, в котором могли углядеть непокорность. Если я поведу себя достойно, но вежливо, нам оставят глоток свободы.

Поймав себя на такой мысли, я испугалась, решив, что схожу с ума. Ведь так могла думать Аэлика, королева бригантов, а уж никак не российская гонщица, чемпионка по авторалли Лика Арсеньева. В чужом теле ко мне приходили чужие мысли, непонятные ощущения и ненужные желания. Что с этим делать?..

А что тут сделаешь? Отправилась со своими воинами встречать даррийцев. Стояла на холме, чувствуя, как насквозь продувает холодный майский ветер. Прикрикнула на Руэйда, чтобы не дергался. Братец пребывал в отвратительном настроении, и, кажется, не только приезд драконов был тому виной. Ему не понравилось увиденное в лесу, уж точно. Ну и пусть! Быть может, посмотрит в правильную сторону. На Веледу, например.

Вздохнув, вспомнила слова из глупого мультфильма про пингвинов: «Улыбаемся и машем!» Именно так собиралась встречать даррийцев, поклявшись себе, что не потеряю твердость духа ни при каких обстоятельствах. Как же я ошибалась! Отряд остановился, спешил. Наступила тишина, в которой я явственно слышала, как колотится мое сердце. Руки вспотели: легат и двое центурионов – Актеон посвятил

меня в знаки различия даррийской армии – направлялись к нам.

Высокий мужчина замер в нескольких шагах от меня. У него были черные, до боли знакомые глаза, короткие волосы. Холодное, словно выточенное из мрамора, лицо. Татуировка на шее. Значит – дракон. Настоящий, не полукровка. Бордовая солдатская туника, блестящие на солнце доспехи. Плащ, сандалии «калиги» – форма даррийской армии. Меч, кинжал... Боже, я все-таки сошла с ума!

– Я, Квинт Октавий Варран, приветствую тебя, королева Аэлика, от имени императора Авелия и сената Даррии!

Я смотрела на мужчину и понимала, что пропала. Умерла и попала в рай. Нет, в ад! На меня смотрел Андрей, мой любимый... В даррийской одежде, в доспехах и с оружием за поясом. И он – мой враг. Хищный и опасный. Одно неловкое движение – вцепится в горло, а за ним придет даррийская свора и растерзает всех, кто живет на земле бригаентов.

Глава 7

Я рыдала на плече у Бретты. Женщина поглаживала меня по спине, бормоча в утешение что-то ласковое. Раньше я не нуждалась в сочувствии, да и теперь тоже, но... Почему тогда плакала в объятиях старой няни? Я всегда держала удары судьбы, но в этот раз надо мной издевались особо изощренным способом. Засунули в слезливое тело местной красотки, а затем еще и столкнули лицом к лицу с человеком, которого любила, но он умер! Запрещенный удар и – нокдаун.

Но я поднялась. И этот... дракон оказался вовсе не Андреем, хотя я так на это надеялась. Смотрела в безразличные глаза Квинта Октавия Варрана, пытаюсь заметить хоть малейший знак того, что он вспомнил меня. Мечтала, что Андрей не погиб. Пусть тело умерло, а он непостижимым способом перенесся в этот мир... Ничего подобного! Дарриец оказался вежливым и корректным. И все! Безликая, бездушная гора мышц. Ни одна эмоция не коснулась его идеально-красивого лица, каждую черточку которого я знала и любила. Это не был мой мужчина! Пусть и походил на Андрея как брат-близнец, он был другим. Чужим, холодным, незнакомым. Опасным.

Он смотрел. Просто смотрел. На пир, что закатили во дворце, а наши повара превзошли самих себя. На музыкантов с инструментами, похожими на балалайки. На стар-

ца-ватта, что затянул песню о старых добрых временах, когда драконы еще не пришли на земли Альбиона. Вот так, прямым текстом! Гости уедут – придушу собственноручно!

Но легат не отреагировал, хотя два центуриона и горстка солдат, что сопровождали его на пиру, заметно нервничали. Казалось, Квинта Октавия не интересовали ни песни, ни неловкая моя благодарность, когда ввели двух белоснежных кобылок и внесли два короба дорогого хлама – подарки императора. Не произвела впечатления огромная вилла, показывать которую я повела его сама. Он просто смотрел. Иногда задавал вопросы. В основном – стелющемуся, словно ковыль на ветру, виллану Люцию, что преданно заглядывал легату в глаза. Я шла рядом и ждала. Быть может, за поворотом к большому саду, что террасами спускался с холма, либо за хозяйственными помещениями – амбарами, птичниками, бараками для рабов или слуг – он наконец узнает меня? Обнимет, поцелует и расскажет невероятную историю, похожую на мою. О том, как оказался в чужом мире, в другом теле. Приспособился, адаптировался, но всегда помнил меня и жутко скучал. Переживу, даже если полюбил другую. Только бы это был он!

Дракон ничего не сказал. Лишь однажды увидела проблеск интереса, когда мы поднялись на холм, с которого открывался вид на дворец. Квинт Октавий окинул виллу взглядом. Затем произнес, обращаясь даже не ко мне, а к виллану, но на языке бригантов:

– Эта вилла похожа на мой дом в Антиохии.

После чего опять замолчал. И я поняла, окончательно осознала, что это не Андрей, а насмешка судьбы. Ошибка природы. Человек, как две капли воды похожий на умершего возлюбленного, но не имеющий к нему отношения. Ненавижу! Нелюдь!..

А ведь и правда, нелюдь! Гахарит рассказывал, что давно, много поколений назад драконы пришли из другого мира, рассорившись с темными богами. А быть может, поплатились за гордыню и непослушание. Почти всех их уничтожили, но часть племени спаслась, пробив проход сквозь миры. Случилось это как раз на праздник Самайн, и друиды почувствовали мощнейшее возмущение в природе. Они ничего не могли поделать – проход, соединивший миры, был далеко от наших земель. Драконы захватили власть на континенте, отделенном от Альбиона лишь узким проливом, поработили одно за другим местные племена, ассимилировались и дали начало Даррийской Империи, которая разрасталась с каждым поколением, захватывая все новые и новые земли, превращая их в провинции. Кто сопротивлялся – вместо страны получал пустыню, вместо народа – кладбище.

Дошли до Альбиона. Посмевших восстать – уничтожили, остальные племена покорились. Кроме кальзедонов, от которых даррийцы отгородились стеной через всю страну. Альбион стал очередной провинцией на задворках империи. Так и назывался – Пятнадцатой Провинцией, Седесимой. Им-

ператор посадил своего наместника на юге, в городе Лондиниум, а покорным племенам даровал видимость свободы. Правда, душил непомерными налогами, но за это обещал покровительство и защиту. От кого? От воинственных соседей и набегов с материка племен ютов.

В общем, жилось на Альбионе весело, задорно, и, главное, было чем заняться. Удержать королевство, не разругаться с драконами, отбиться от соседей и захватчиков. А еще этот, зараза, Квинт Октавий Варран... Какого черта он так похож на Андрея?! Я было всхлипнула, но услышала звук открывающейся двери. Приказала же: никого не пускать! Кто вошел без разрешения – сдохнет без разговоров!

Оглянулась. Нет, пожалуй, этот еще поживет. Ко мне направлялся Ангус. Иногда про себя я называла его Гришкой. Гришкой Андроновым, вторым механиком. В руках друид держал глиняный горшок, который источал легкий травяной запах.

– Что это? – спросила у него, отводя взгляд. Знаю, глаза красные, заплаканные. В прошлой жизни команда никогда не видела моих слез. Мне стало стыдно.

– Успокоительная настойка. Листья мяты, цветы ромашки и горный чабрец.

– Спасибо, – взяла горячий горшок, грея об него руки. Кажется, с непривычки меня колотило, да и зуб на зуб не попадал. Нельзя так много плакать! – Я...

– Ты великолепно держалась с даррийцами, – похвалил

друид. – Достоинно и уверенно. Никто бы не справился лучше, Аэлика! Твой народ гордится своей королевой.

Я покосилась на него с сомнением. Врет или в самом деле хорошо вышло? Главное, не кинулась к легату на шею с криком: «Ты жив, любимый!» Хотя, видят боги, мне пришлось нелегко!

– Они скоро уедут, – заверил Ангус. Я покачала головой и поманила друида к одному из окон, выходящих на большой холм у реки. Даррийцам мы отвели пустующее крыло виллы, так как многие из старейшин отправились восвояси, но гости уже разбивали лагерь за стенами дворца – ставили палатки, разжигали костры, огораживали колышками территорию. Кажется, даже легат, несмотря на то что Люций выделил ему роскошные покои, решил заночевать с солдатами.

– Никуда они не собираются, – обреченно произнесла я, заметив в центре лагеря Квинта Октавия Варрана. Провалиться ему на том самом месте! – Им у нас понравилось.

Похоже, в Инсуриме медом намазано. Актеон тоже заго-стился...

От настойки стало заметно спокойнее. Переодевшись, отправилась на ужин. Сидела во главе стола. По правую руку – легат с приближенными, по левую – король караветтов. Друиды застыли позади меня, словно деревья в белых одеяниях. Руэйд напивался в центре огромного низкого стола, заставленного кушаньями. Я попросила дядю Веритакса и Прасурга присмотреть, чтобы брат не буянил. Если что, разреши-

ла бить по бритой черепушке. Время от времени воины поднимали тосты, в основном за здоровье молодой королевы. Со всех сторон долетало чавканье и икание, девушки-рабыни едва успевали подносить блюда с мясом и уносить обглоданные кости. В общем, хорошо сидим! Даррийцы, правда, вели себя не в пример культурнее.

Мне было все равно, главное, чтобы не дрались. Говорили в основном об урожае, лошадях, достоинствах и недостатках оружия. Даже Квинт Октавий увлекся беседой с одним из знатных воинов. Отлично! Глядишь, все пройдет спокойно. Я кивнула старцу, с которым до этого провела разъяснительную беседу, и тот затянул песню. Про любовь, и не надо нам войны! Актеон посматривал на меня со значением, норовя подложить на блюдо лучшие кусочки. Ухаживал, как мог. Я, кстати, решив сделать ему приятное, надела подаренный королем караветтов браслет.

Вскоре принялись обсуждать завтрашние Игры, и тут легат выразил желание не только взглянуть – да пусть смотрит! – но и попросил разрешения – вежливый какой! – его ребятам поучаствовать. Повисла тишина, даже не гробовая, а какая-то замогильная. Я перевела взгляд на Руэйда. Не дай бог что-нибудь ляпнет!

– Правильно ли я поняла, легат Варран, что ваши солдаты хотят принять участие в Играх?

Он кивнул и посмотрел мне в глаза. Я спокойно выдержала взгляд. Хорошая настоечка у Ангуса, забористая!

– Зачем? – спросила у легата. – Это погребальные Игры в память о моем отце, с которым вы не были знакомы.

– Нам нужен мир, – ответил он.

– Желательно весь, – пробормотала я, уверенная, что никто не услышит. Но он услышал! Услышал! Как такое возможно? Дернул головой. Кажется, удивился.

– Мир? – заорал Руэйд, подскакивая на ноги. – О каком мире идет речь? Вы захватили наши земли! Мы платим вам дань, вы диктуете нам законы!

– Руэйд, заткнись! – вежливо улыбаясь легату, произнесла я.

Вцепилась в металлический кубок, размышляя, самой запустить его в брата или приказать Прасургу утихомирить. Вино у нас крепкое, а мозги у некоторых слабые. Веритакс тоже хорош – не усмотрел!

– Мы принесли порядок на ваши земли, – произнес легат. Голос у него был такой... Неприятный голос. Зато сразу стало тихо. – Защиту. За последний год уничтожили шесть отрядов ютов на границах бригантов.

Бросила взгляд на Прасурга. Старый воин кивнул.

– Мы построили по вашей стране дороги и крепости. Ваш народ богатеет, продавая руду купцам из даррийских провинций. Мы принесли вам письменность, строим школы для ваших детей. За это просим уважения. Мне надоело видеть ненависть и презрение в глазах бригантов. Я хочу, чтобы солдаты и ветераны могли свободно выходить за стены Эборака,

не боясь очутиться в канаве с перерезанным горлом. Мы – такие же люди, как и вы!

– Твои солдаты – такие же люди, как и мы, – тихо поправила его я, пораженная его страстной речью. Оказывается, легат может что-то чувствовать, а не только смотреть, словно каменный истукан из святилища Трехликого бога.

– Да, – согласился дракон. – Я принадлежу к другому племени, но мы все – граждане Даррии.

Я промолчала, не зная, что ответить.

– Знаешь ли ты, молодая королева, что вокруг Эборака на три часа езды нет ни единого поселения бригаантов? Землю никто не обрабатывает, ваши пастбища простаивают.

– Люди ушли, – за меня ответил Веритакс. – Бриганты сдернулись с мест, где жили из поколения в поколение, где похоронены их предки. Они не хотели повторения того, что было. Резня, насилие, грабежи...

– Это была война. Вы не сразу приняли новую власть, – возразил легат. – Но те времена прошли. За последние двадцать лет...

– Будь я королем... – заорал Руэйд, перебивая легата.

– Выведите его! Живо! – приказала я. – Прасург, Грехем!..

После небольшой стычки Руэйда выволокли из зала.

– Продолжай, – попросила я. – Можно подробнее о резне, грабежах и насилии?

Тоже нарывалась, но не так сильно, как Руэйд. Легат усмехнулся, но вопрос оставил без ответа.

– Война закончена, королева Аэлика. Мы хотим жить в мире. Многим ветеранам некуда возвращаться, и они решили остаться на Альбионе.

Я удивленно подняла брови.

– Обзавелись семьями. С согласия императора Авелия дети, рожденные в таких браках, получают даррийское гражданство.

И понеслось... На меня обрушился шквал голосов. Некоторые из присутствующих негромко предлагали послать Даррию, императора и гражданство туда, куда я раньше посылала спонсоров. Большая часть хотела мира, и демоны с ними, с даррийцами! Пусть живут, земли бригаентов обширные, места всем хватит. Главное, чтобы чтили традиции и подчинялись древним законам. Не творили безобразия, потому что судить будем по нашим законам. Услышав все, что хотела, я встала, дожидаясь тишины. Свое же решение приняла давно.

– Я, королева бригаентов Аэлика, приглашаю легата Квинта Октавия Варрана и его людей на Погребальные Игры в память о моем отце, короле Кэдерине. И лично подам пример моим людям, участвуя в гонках на колесницах.

Народ слегка растерялся, затем заорал, зашумел восторженно. Ну что же, погоняем! Шансов выиграть мало, вернее, никаких, но я соскучилась по соревнованиям. Хотела заново почувствовать скорость, драйв, адреналин в крови. Как же мне не хватало своей команды и гоночного «Ситроена»! На-

верное, замечталась, потому что заметила, что легат посматривает на меня с удивлением. Надо же, я вызвала у даррийского посланника целых две эмоции за вечер...

– Дракон умеет править колесницей? – захлопав ресницами, спросила у него.

Провались все пропадом, откуда я знаю, как кокетничать?! Никогда раньше так не делала, а теперь, в теле Аэлики, вышло само собой. На то у меня была веская причина. Я хотела, чтобы он тоже участвовал в состязаниях. Губ мужчины коснулась улыбка. Затем легат вспомнил, что сделан из камня. Холодного такого, гранит называется.

– Конечно, – отозвался он.

– Тогда принимай вызов королевы бригантов! – улыбаясь, сказала ему, заглядывая в черные глаза. Черт, ну почему он так похож?!

– Почту за честь, – Квинт Октавий вежливо склонил голову. – Завтра утром, Аэлика!

Народ заорал так, что стало страшно за барабанные перепонки. Затопали ногами, застучали кулаками по столу, грозя опрокинуть на пол недоеденное. Сразу же принялись делать ставки, причем в основном на меня. Я прикусила губу, стараясь сдержать довольную улыбку. Надеюсь, завтрашняя гонка, в которой сойдутся королева бригантов и дарриец, позволит остальным забыть, что в Играх участвуют наши враги. А там, глядишь, вместе из луков постреляют, дротики с копьями покидают. Ну, лица друг другу набьют в честных по-

единках. Главное, чтобы без кровопролития!

– Те лошади, что прислал в подарок император, – начал было легат, – они приучены ходить в колеснице. Думаю, стоит пробовать. Быть может, королеве...

Его прервал Актеон, причем довольно резко:

– Уверен, в конюшнях бригаантов полно лошадей, и Аэлика обойдется без даррийских... Без даррийских подарков! – рявкнул он.

Я нахмурилась. Какая муха его укусила? Уверена, хотел сказать «подачек», но передумал. Странно, Прасург говорил, что караветты давно уже смирились с властью драконов. Отец Актеона одним из первых подписал договор с императором. Сейчас же, взглянув в недовольное лицо короля, растерялась. С чего возбудился-то? Понятно, вино у нас крепкое, но... Странная мысль пришла в голову. Неужели ревнует? К кому? К этому чурбану бесчувственному, с татуировкой на шее? Эротично, конечно, но... Мне такого не нужно, легату – тем более.

Погонять на эсседах не удалось. Ужин явно затянулся, тосты ближе к ночи поднимались уже совсем непристойные. Актеон от слов перешел к делу, начав хватать меня за руки. Руэйд давно вернулся и молча напивался в дальнем углу, а даррийские легионеры перемешались с бригаантами и вели разговоры мирные, не вспоминая дела минувших дней. Тогда я поняла, что пора идти спать.

Тут в тронный зал ввалился запыхавшийся и пыльный

вестник. Я поднялась, кивнув Прасургу и старейшинам. Попрощалась с даррийцами, пожелав хорошего вечера, заодно спокойной ночи, ну и чтобы боги были благосклонны. И так далее по тексту. Новости узнала уже вдали от чужих ушей. Они были так себе, неважные. Этим утром на одно из южных приграничных селений напали. Крестьяне, работавшие на полях, успели спрятаться за частоколом. Зато молодчики из племени коритан убили троих пастухов и угнали скот – более сорока голов. Под горячую руку попались еще девушки, стиравшие белье в реке. Так что вдобавок и позабавились.

С южными воинственными соседями отношения у нас были не сказать что хорошие. Молодой король Вентурий, говорят, еще тот отморозок! Головорез, как и покойный папочка. Воевали последний раз при моем отце, короле Кэдерине, положили кучу народу с обеих сторон, после чего заключили перемирие. Сохраняли его больше двух лет, не считая небольших набегов на приграничные поселения. Я надеялась, это именно тот случай, а не провокация, за которой последует война.

Обвела взглядом советников, разрешив им высказываться. Молодые требовали собирать армию. Идти войной, отбить наших коров, отомстить за пастухов, заодно разграбить пару деревень, а то засиделись без дела. Старейшины, что поумнее, советовали уладить дело мирным путем.

– Воевать не будем, – согласилась я. – Потребуем объяс-

нений, затем извинений. Но народ все же поднимайте, мало ли!

И пошла я собираться в военный поход. Обалдеть! Все, Лица, доигралась... Угнанный скот, убитые пастухи, поруганные селянки. Может, наябедничать легату, пусть приведет Девятый Легион? Будем вместе коров искать... Нет уж, сами разберемся!

Глава 8

Я почти дошла до «женского» крыла, когда услышала ни с чем не сравнимый стук подбитых гвоздями даррийских солдатских сандалий, ступавших по мозаичным плиткам внутреннего двора. Спиной чувствовала, кто это, но не собиралась останавливаться. Пусть догоняет! Поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Квинт Октавий предпочитал носить простую солдатскую одежду вместо положенной по рангу.

Он все же окликнул, когда я поднималась по ступенькам в дом. Пришлось повернуться. Что надо уважаемому посланнику? Ведь попрощались уже, а еще Веритакс по моей просьбе деликатно намекнул даррийцам, что Игры откладываются. Как только вернемся – коров отобьем, за пастухов отмстим, – так сразу придем в Эборак вестника с приглашением.

– Что произошло? – спросил легат.

Факельщики замерли на приличном отдалении, не мешая нашей беседе, поэтому я с трудом различала мужчину. Ночи здесь темные и холодные, да и ветер доносил с предгорий влажное дыхание болот. Я поежилась, но не только от ветра, что продувал насквозь, несмотря на теплый шерстяной плащ. В полутьме Квинт Октавий походил на демона – устрашающий, но невероятно красивый. В который раз поразила сходству с Андреем. Черт побери этот долбаный мир!

– Что у вас произошло? – повторил дарриец свой вопрос.

– Где произошло? – наигранно спросила с интонацией «глухой блондинки» и картинно оглянулась.

– У вас, – терпеливо пояснил легат.

– У нас? – вновь удивилась я. – У нас все в порядке.

Мне понравилось над ним издеваться, но легат не был настроен шутить.

– Известие, из-за которого отменили Игры, – холодным тоном произнес он. – Твои воины седлают лошадей, готовясь к походу. Что случилось, Аэлика?

– На пограничное поселение напали коритане, – пояснила я, перестав дурачиться. – Угнали скот. Плюс несколько трупов, – про девушек говорить постеснялась. – Но это наше дело, и оно не касается вашего племени.

Думала, Квинт Октавий примется возражать, уверяя, что они должны нас защищать и охранять. Ну и так далее... Заранее решила, что пошлю его далеко и без факела. Не вышло! Потому что он взял и ушел. Кивнул, развернулся и, стуча по камням железными гвоздями в подметках, ушел. Обалдеть! Мне стало обидно. А как же – послать?! И даже не попрощался!

Обижалась я недолго – служанки помогли переодеться в мужскую одежду, заплели косы. Наверное, чтобы волосы в бою не мешали. Внезапно я осознала, что ввязалась в серьезные неприятности. Какая еще война, если только и умею, что гонять на машине?!

Когда спустилась, сопровождаемая телохранителями, у входа во дворец меня ждали. Не только сотня воинов королевской дружины, Актеон с тридцатью ребятами, трое друидов, в полутьме походившие на белых призраков, но еще и легат Квинт Октавий Варран с отрядом даррийской кавалерии.

Странно, но посланнику императора и Сената я обрадовалась. Правда, похоже, только я одна. Пока ждали лошадей из королевских конюшен да воинов из ближайших поселений, подходили старейшины и негромко интересовались, зачем нам даррийцы. Хотела бы я тоже это знать!

Пришел Ангус, пожал руку, хотя в его сочувствии и поддержке я не нуждалась. Пока одевалась, успела прийти в норму. Верхом ездила я неплохо, да и тело Аэлики оказалось привычным к седлу, но когда через несколько часов езды по отличной даррийской дороге, затем по пересеченной местности наконец добрались до Кармолиума – злосчастного поселения, из-за которого начался весь сыр-бор, – я была едва живой от усталости. Упала на руки Актеону, который помог мне слезть с лошади. Если бы король караветтов не подсуетился, упала бы к его ногам. Актеон оказался проворнее протрезвевшего Руэйда. Поймал, прижал, успел потискать, после чего поставил на землю. Подозреваю, Руэйд хотел того же самого, но опоздал, и поэтому довольно громко послал правителя дружественного племени к демонам.

По дороге к нам присоединялись отряды из близлежащих

городов, так что войско собралось внушительное, несколько сотен, как здесь говорили, копий. Подтянулось и пешее народное ополчение из местных поселений, которое привел седобородый старейшина Кармолиума. Мы стали лагерем на опушке леса, но костров не зажигали. Перед нами лежала низина, поросшая густой травой. Посреди нее и проходила граница, за которой начинались холмистые земли коритан. Конечно, пограничных столбов со шлагбаумом не наблюдалось. Честно говоря, ничего не наблюдалось. Я не видела ни низины, ни холмов, хотя первые вестники наступающего дня уже окрасили небо в серый цвет. Было пасмурно, с тяжелых низких облаков то и дело срывался дождь. Низину затянуло густым, клубящимся туманом. Он пугал неестественностью, потому что походил на живую субстанцию, которую, казалось, можно было потрогать и даже зачерпнуть ведром.

– Друиды коритан, – вынырнув из тумана, произнес Гахарит. Подозреваю, ничего хорошего это нам не сулило, так как Главный Друид выглядел озабоченным, – их рук дело! Высшие тоже есть. Как только будете готовы – скажите, мы развеем.

Гахарит подозвал Ангуса и еще одного друида. Они ушли к кромке тумана, где, под присмотром вооруженных людей, начали не знакомый мне ритуал. Я косилась в их сторону, но в полутьме видела лишь мелькание фигур в белых одеяниях, которые двигались словно в танце. В тишине это смотрелось настолько странно, что я поежилась.

Вернулись лазутчики из местных, которых еще до нашего прибытия отправили на разведку. Новости они принесли так себе. По ту сторону холма, скрытое живым, дышащим туманом, стояло войско коритан. Сколько их, разведчики сказать не могли, так как повсюду стояли посты.

Тут подошел легат. Снял оружие, сунул в руки легионеру и шагнул в туман. Клянусь, я услышала шум огромных крыльев! Затем в лицо полетели разорванные клочки тумана, осели на коже противной субстанцией, которую я поспешила вытереть рукавом. Б-р-р! Неужели дракон полетел на разведку?

Вернулся он минут через пять, и на опушке леса я держала первый военный совет. Вернее, молчала, решив не лезть в то, в чем не разбиралась, но следила, чтобы «мои» не слишком огрызались на даррийцев. Вернее, на одного из них, так как остальные офицеры слушали своего легата и помалкивали. Новости Квинт Октавий принес тревожные. Да, войско есть, причем довольно крупное. Несколько сотен копий – как конница, так и пешие. Лучников нет. Воевавшие против коритан еще с моим отцом согласно закивали. Мужчины принялись обсуждать тактику ведения боя, говорили о конных отрядах на флангах, опытных воинах в центре, за ними – народ, вооруженный кое-как. Тут я не выдержала, заявив, что воевать мы будем лишь в крайнем случае.

Но, кажется, он подходил, стремительно и неизбежно, этот случай. Накатывал товарным поездом, который уже

не остановить. Больше всего мне хотелось вернуться в Инсурим, принять ванну, отмыться от собственного и конского пота, а еще и от липкого тумана вражеских друидов. Ну и черт с ними, с этими коританами! Неужели из-за стада коров начнется война?

Нет, уже никуда не сбежишь! Я в очередной раз осознала это, заметив, как деловито расставляют войска Квинт Октавий и Прасург, как поправляют оружие и доспехи даррийцы и раздеваются наши. Что?! Обалдеть! Они что, решили идти в бой голыми?! Тут я заметила в руках воинов-бригантов небольшие горшочки. Мужчины деловито опускали в них пальцы, затем рисовали полосы и спирали. Выводили узоры на лице и теле. Краска в тусклом утреннем свете казалась почти черной, вернее темно-синей. Ко мне подошел Актеон, тоже раздетый, правда, лишь до пояса. Я уставилась на его раскрашенное лицо. Вид у мужчины был устрашающий.

– Аэлика, позволь мне, – произнес он, показывая горшочек.

Я пожалала плечами. Если уж росписи не миновать, тогда лучше король караветтов, чем сводный брат! Села на корягу и закрыла глаза. Актеон опустился рядом. Пальцы мужчины коснулись моего лица, выводя на лбу и щеках спиральные узоры. Влажная краска холодила кожу, щекотала и, казалось, проникала сквозь поры вовнутрь. Наконец попала в кровь, побежала по венам. Странно все это! Я чувствовала, как тело наполняется легкостью, исчезают усталость, тревога, уступая

место неестественному восторгу. Я была готова на все. Дайте оружие, покажите врага, и... Черт!

– Это наркотик? – спросила у Актеона, который, разрисовав лицо, наносил узоры на мою шею.

– Вайда, – отозвался он. – Древесная краска, которую боги подарили племенам Альбиона.

Я усмехнулась. Как же, боги! Местные наркодилеры в белых простынях...

– Только высшие друиды знают рецепт ее изготовления, – продолжал Актеон, подтвердив мою догадку. Тут мужчина потянул меня за ворот, пытаясь стянуть тунику.

– Ты что, сдурел? – рассердилась я. – Руки убери!

– Твоя одежда, – терпеливо произнес Актеон, кивнув на коричневую льняную тунику, поверх которой красовалось золотое королевское украшение. – Мешает.

Я растерялась, но ненадолго. Хорошая вайда вышла у друидов, забористая! Наркотик в крови толкал на безумства. Раз мой народ щеголял раздетым, чем я хуже?! Мы – дикое племя, а я – королева этого безобразия!

– Да пожалуйста, – с легкостью отозвалась я, скидывая тунику, затем еще и короткую сорочку. До этого я куталась в плащ, теперь же не ощущала холода. Наоборот, внутри разгоралось пламя. Под действием вайды обострились слух и обоняние – я слышала негромкие разговоры, вздохи, треск сучьев под ногами воинов, всхрапы лошадей. Ощущала запах сырого леса и влаги от ручья, сладость спелых ягод на

краю поляны. Поморщилась, когда мимо прошел потный легионер. И еще в нос лез липкий, приторный на вкус туман.

Тут я поняла, что Актеон слишком увлекся росписью по телу, вернее, по моей груди. Особенно его занимали затвердевшие на ветру соски, и искусства давно уже переросли в эротический массаж.

– Дурак! – сказала ему. – Еще раз за грудь схватишь, останешься без...

Объяснять не стала, решив показать наглядно. Выхватила кинжал и приставила к тому, чем, подозреваю, он думал, пока занимался росписью. Актеон издал протестующий вопль, но руки убрал. Я посмотрела вниз, на результат его художеств. М-да, какая-то я вся... частично синенькая! Король караветтов изобразил скромные спирали на животе и на плечах, зато на грудь краски не пожалел.

Тут почувствовала взгляд. Холодный, тяжелый. Обернулась, засовывая кинжал за пояс. Оказалось, легат стоял рядом и смотрел на наши забавы.

– В бой не лезть, кольчугу надеть! – приказал Квинт Октавий. Тон холодный, в голосе – металл, остывший до температуры абсолютного нуля. Затем, видимо, вспомнив, с кем разговаривает, добавил с сарказмом: – Королева Аэлика!

Я подскочила.

– Ха! – сказала ему. – Ты забываешься, дракон! Это земли бригаентов, и не тебе здесь командовать!

Да пошел он! Почему смотрит так, словно перед ним вар-

вары? Ну да, даррийцы построили дороги, принесли письменность, открыли школы для наших детей. Вон сами в кольчугах из колец или же доспехах из металлических пластин красуются, а мои «гаврики» в одних штанах в бой рвутся, и королева им под стать. Но это наша территория, наш лес, воздух и наши коровы, в конце концов! Мы – дома и можем вести себя так, как захотим. А еще мы – люди дикие, и нравы у нас простые! То, что я провалилась сюда из другого мира, меня уже не смущало. Меня больше ничего не смущало: ни нагота, ни то, что Прасург прицепил к железным кольцам пояса ножны с мечом, которого я ни разу в руках не держала, ни то, что Руэйд закинул меня в седло под приветственный вопль армии. Было лишь обидно, что я тут вся голенькая, ну, ладно, в штанах и с золотым украшением на шее, и еще сиенькая... Вон, Актеон не знает, куда глаза деть. Без бинокля видно, о чем думает. Сводный брат рядом облизывается, воины глядят восторженно и одобрительно, а этому Квинту Октавию Варрану... Хоть бы хны!

– Готовы? – спросила у Прасурга, и тот ответил кивком. Рядом, верхом на лошадях, застыли военачальники – Прасург, Руэйд, Веритакс. А еще этот легат, видеть его не хочу! Повернулась к Гахариту: – Теперь ваш черед!

Трое друидов направились к кромке леса. Меня не удивило, когда из набалдашников посохов полился ярко-синий свет. Разрезал туман, словно лазерным лучом уничтожая его по частям. Диким зверем набрасывался на мечущиеся в воз-

духе белесые ключья. Затем поднялся ветер, унося погибающее белое воинство. Уверена, Гахарит вызвал, не зря же друид руки к небу поднимал и завывал диким зверем. Скоро в молочном мареве появились просветы, сквозь которые я разглядела гребень высокого холма по ту сторону низины. Там стояли люди, много людей. Без сомнения, армия коритан. Перед ними на огромном черном коне гарцевал полуобнаженный мужчина. Кто же еще, как не король Вентурий!

Моя лошадь тоже пританцовывала от нетерпения, да и я чуть ли не подпрыгивала в седле. Хотя знала, что если начнется бой, то погибну быстро и бесславно, потому что никакого оружия сроду в руках не держала, не считая разве что кухонного ножа и монтировки. Мне было все равно. Хорошую вайду делают наши друиды! Страх не чувствовала, наоборот, накатывало безудержное, бесшабашное веселье. Правда, для начала я собиралась разговоры разговаривать. Если же не выйдет – тогда силой отобьем наших коров!

Тут подъехал легат. Я обернулась, уставившись ему в лицо. Черные глаза мужчины смотрели напряженно. Губы сжаты, тяжелый шлем надвинут на лоб.

– Выслушай меня! В бой не лезь, – повторил он. – Держись позади войска.

Тряхнула волосами. Как бы не так!

– Я уважаю ваши традиции, – продолжал дракон, – но твои военачальники – дураки, если пустят тебя в схватку. Это не Игры, а война! На той стороне – армия, и тебя будут убивать

первой.

– Ну и пусть, – легкомысленно отозвалась я. – Боги защитят!

Заставить меня отступить мог только один человек, но его здесь не было. А этот – лишь пародия на Андрея, модифицированная крылатая копия, одетая по военной моде этого мира.

– Аэлика, вашей богине войны Мориган все равно, за кем прийти и над кем раскинуть черные крылья!

– Убьют так убьют! – ответила ему, заглядывая в глаза. Что ему от меня надо? – Тебе-то какая разница?

Легат медлил с ответом.

– Глупая женщина! – наклонился он ко мне. – Что ты хочешь от меня услышать?

– То, что думает легат Квинт Октавий Варран о безрассудном поведении королевы бригантов!

– Императора устраивает такая королева, – со злостью произнес легат. – Больше ничего!

– Я польщена, – с вызовом ответила ему. – Благодарю за честность!

– Неужели не понимаешь, я пытаюсь тебя защитить, а ты не даешь мне возможности!

Нет, не понимаю! Пусть катится вместе со своим императором туда, куда Макар коров не гонял! Это не его война и не его Девятый Легион, сами разберемся!

Сопровождаемая военачальниками, выехала вперед, за-

мерла перед войском. Решила взять Прасурга, Руэйда с десятком воинов и съездить к коританам. Быть может, еще разойдемся, уладив все миром? Приказать не успела – мощный рык пронесся над низиной, потерялся в сонной лесной чаще, откуда с криками вылетела стая разбуженных птиц.

– Я, король Вентурий, хочу поговорить с королевой Аэликой! – раздался мужской голос. – Один на один. Я приеду безоружный!

Не дожидаясь ответа, король коритан отцепил от пояса меч, поднял над головой и бросил под ноги лошади. Та же участь постигла длинный кинжал. Затем, пришпорив лошадь, он нырнул в остатки тумана, все еще сопротивляющегося друидам. Воины заволновались. Я взглянула на Прасурга. Тот пожал плечами, перекладывая выбор на меня.

– Аэлика! – предупреждающе произнес легат.

Ха!..

– Я, королева Аэлика, буду говорить с королем Вентурием! – закричала в ответ. – Приеду одна, без оружия!

Демонстративно вытащила меч. Тяжелый, зараза! Бросила к ногам лошади, и он вонзился в землю. Та же участь постигла кинжал. Народ заорал восторженно – не только бриганты, но и коритане на той стороне. Далеко не уехала – меня схватили за руку. Квинт Октавий сжал запястье до боли, оставляя синяки.

– Останешься здесь! Я поеду вместо тебя.

– Руки!.. Что тебе надо, дарриец?

– Король коритан неуравновешен и опасен, как гремучая змея. Он хочет войны. Я встречался с ним. Вентурию нельзя доверять. Он воспользуется тем, что ты приедешь одна.

Попыталась вырваться, но Варран держал крепко. Ненавижу!

– Это не твоя земля и не твоя война, так что убери руки, посланник императора!

Он замер. Вовсе не из-за моих слов, а потому, что, вытащив мечи, нас окружили воины. Как бы не порубили легата в капусту, со всеми крыльями и доспехами...

– Прасург! – повысила я голос. – Уберите оружие. Уважаемый легат ошибся адресом, но он меня уже отпустил. Не так ли? – это Варрану.

– Хорошо, – согласился тот, разжимая руки. Поднял ладонями вверх. – Хорошо! Молодая королева решила умереть? Уважаю ее выбор! Но куда смотришь ты, старый дурак?

Прасург, обозванный дураком, оскалился и вновь потянулся к оружию.

– У королевы есть выбор, – ответил за него Веритакс, – когда и где умереть. Но я уверен, Вентурий сдержит слово и не причинит ей вреда.

Стало смешно. У меня есть выбор? Несколько дней назад уже выбрала: «Субару», ночную дорогу и Ведьмину Петлю, но кто-то решил по-другому, закинув в этот мир, в это тело. Но раз легат думает, что меня прирежут в этом тумане, то... Повернулась к воинам:

– Если меня убьют, королем станет Веритакс! Слышали? Веритакс!

Мне казалось, это правильный выбор, ведь Пашка... тьфу ты, Веритакс сможет договориться и с вашими, и с нашими... Тут народ возмущенно заорал, затопал. Странно! Дядя был лоялен к императору и уважал законы бригаантов. Почему же оказался непопулярен среди воинов? Мне было не до размышлений, главное, не Руэйд! Оставалось произнести напутственное слово, и можно отправляться к неуравновешенному Вентурию.

– Если я не вернусь, то порвите их в клочья, ребята!

Последнюю фразу бригаанты встретили с большим воодушевлением, чем известие о преемнике. Кажется, меня любили, голенькую и синенькую! На этой оптимистичной ноте можно и умереть. Я повернулась было к низине, собираясь пришпорить лошадь, как... Сколько можно?! Утомил уже за руки хватать!

– Отпусти, сейчас же! – сказала легату. – Прасург, нет! Мы сами разберемся, – это уже пожилому воину.

– Наденешь вот это! – судя по тону, Квинт Октавий Варран пребывал в гневе. Как же, не послушалась его два раза. Даже целых три! Сунул в руку золотой медальон. – Почувствуешь опасность – рви цепочку.

– Что это? – спросила подозрительно, разглядывая круглый медальон.

– Знак Митры, бога Солнца. Я приду на помощь, если

успею.

– Зачем это тебе? – опять спросила у него, надевая на шею кулон, который оказался горячим, будто все еще хранил тепло мужского тела. – Неужели императору так дорога жизнь королевы одного из покоренных племен?

Он промолчал. Затем склонился ко мне.

– Хотела знать, что я думаю о безрассудном поведении королевы бригантов? Будет тебе ответ! Я не хочу, чтобы ты умерла.

Глава 9

Туман метался клочьями, бил по лицу. Казалось, я ощущаю его липкие, приторные прикосновения. Хотелось вытереть лицо рукавом, но я опасалась размазать «художества» Актеона, решив показаться королю коритан в боевой раскраске. Ругаясь про себя, пробиралась сквозь белую напасть, которую так и не развеяли друиды. Лошадь нервничала, всхрапывала, трясла головой, будто предлагая повернуть обратно, в лес. Как я ее понимала! С каждой секундой бесшабашный задор уступал место тревоге. Вайда медленно, но верно переставала действовать, но я продолжала двигаться вперед. Подбадривая Зарю, приближалась к видневшейся в тумане фигуре.

Наконец подъехала. Король Вентурий восседал на огромном черном коне. Мужчина был молод, не старше тридцати. По мне – красив, но хищной, звериной красотой. Высокий, мощный; черты лица правильные, но резкие. Черные глаза смотрели цепко. Улыбнулся мне, показав ровные, белые зубы. Светлые с рыжеватым отливом волосы падали на широкие плечи. Хорош, еще как хорош! Мой взгляд скользнул по мощной шее, двинулся ниже, по обнаженной груди, застряв на накачанном торсе. Ого!

Король коритан был одет по последней боевой моде – лишь в штаны и кожаные сапоги. На бедрах пояс с пусты-

ми ножнами, на шее – золотой, похожий на мой, королевский торк. Вместо плаща – черная шкура неизвестного зверя. Робкий внутренний голос пробормотал что-то про медведя. Вентурий тоже перестал меня разглядывать и решил перейти к разговору.

– Королева бригантов! – произнес он. – Вот мы и познакомились!

Улыбнулся, но улыбка мне не понравилась. Слишком плотоядная. А я – словно ежик в тумане, одна и без оружия. Не считая, конечно, цепочки легата. Усмехнулась про себя. Да уж, Лика! Раньше надо было бояться, когда Квинт Октавий предлагал ехать вместо меня!

– Король коритан! – рявкнула в ответ. – Быть может, при других обстоятельствах и в другом месте не отказалась бы с тобой познакомиться. Но не сейчас!

– Я давно наслышан о красоте молодой королевы, – продолжал он, не обратив внимания на резкий тон. Я знала, что наглела, но имела полное право: коритане первыми нарушили перемирие, заключенное отцом Аэлики. Так что причина у меня была вполне уважительная. – Слухи давно уже вышли за пределы земли бригантов. Но в самых смелых мыслях я представить не мог, насколько радуется глаз то, что вижу сейчас!

Ясно, еще один пал жертвой чар Аэлики! Мужчина тронул ногами бока лошади, объезжая меня кругом. Разглядывал, оценивал. Я не шевелилась. Пусть смотрит, главное, чтобы

руками не трогал. К тому же голенькую и синенькую королеву видели несколько сот воинов. Одним больше, одним меньше...

– Ради этого ты просил встречи? Чтобы я услышала от короля коритан еще один простенький комплимент?

– Нет, – ответил он. – Я здесь потому, что не хочу войны с бригаантами.

– Тогда почему на склоне я вижу твою армию?

Король улыбнулся:

– Я здесь потому, что не хочу, чтобы бриганты разграбили мои селения.

– Да неужели?! – картинно удивилась я. – Тогда почему мои пастухи убиты, а скот угнан?

Про девушек говорить не рискнула. Подозреваю, мысли короля давно свернули в неправильную сторону. Мужской взгляд, казалось, проникал в кровь, щекотал изнутри, вызывая горячую поземку в позвоночнике. Он хотел меня и не скрывал этого.

– Те, кто напал, уже наказаны, – отозвался Вентурий, отрываясь от вида моей голой, торчащей в стороны, груди. – Я перерезал горло двум, шестерых отдам вам. В твоей власти убить или пощадить их, королева Аэлика!

От его слов стало нехорошо.

– Мы не собирались нарушать соглашение, – продолжал Вентурий. – Кто это сделал – поплатился жизнью. Нам не нужна война с бригаантами, мы хотим мира.

– Для начала верните стадо.

– Да!

– В тройном размере.

– Да?

– Сто двадцать голов, – подсказала ему. С мускулами тут все в порядке, но не факт, что с математикой хорошо. – За три жизни пастухов хотим девять крепких, молодых рабов.

– Королева Аэлика торгуется, словно купец с востока, – пожаловался Вентурий, но я видела, что мужчина улыбается.

– И не думала торговаться. Это условия нового перемирия. Еще не все, Вентурий! Ты убережешь войско с нашей границы.

Мне понравилось, как звучит его имя. К тому же я была уверена, что король не причинит мне вреда. Им, как и нам, нужен мир. Зря легат нервничал!

– Слушаю и повинуюсь, Аэлика, – он назвал меня по имени, забыв добавить «королева». – Мы уйдем сегодня же, после нашего разговора.

– Каждой девушке, пользованной твоими молодцами, подарите по сундуку с украшениями. На приданое и чтобы утешились, – добавила я.

– Ты даже можешь выдать их замуж, – оскалился он. – У меня полно молодых парней в дружине.

– Не надо, Вентурий! Браки на моей земле заключаются по любви, а не из-под палки.

Ой, зря я подняла эту тему! Король окинул меня внима-

тельным взглядом и потом заявил и так уже известное:

– Но ведь королева Аэлика тоже вошла в брачный возраст, а все еще одна!

– Возможно, – согласилась я. – Но это не касается короля коритан.

– Любая женщина мечтает о сильном мужчине в своей постели.

– Ха! – усмехнулась ему в лицо. – Мне никто не нужен, Вентурий!

– Любая женщина мечтает о сильных и красивых детях. У тебя будет и то и другое. Ты не пожалеешь, если...

– Нет, Вентурий! Я не собираюсь замуж. Никогда!

И что такого сказала? Почему он смеялся долго и громко? Я обиделась, хотела послать подальше, но решила не ссориться из-за ерунды. Ведь мы договорились и о перемирии, и о стаде, даже с выгодой для бригаантов. Осталось лишь придумать, как быстрее распрощаться.

– Твое сердце свободно, и это меня радует, Аэлика! Когда выйдешь за меня, у тебя будет все, что пожелаешь. Драгоценности, меха, золото, – продолжал Вентурий. – Коритане – богатое и сильное племя, такое же, как и бригаанты.

– Ты прав, – согласилась я. – Золота и драгоценностей у нас и своих хватает. Мне от тебя ничего не нужно.

– Наши племена объединятся, – он говорил так, словно это уже решенное дело. – Мы станем силой, с которой придется считаться всем. Всем! Подумай об этом, королева

Аэлика, прежде чем дать ответ.

Я понимала, о чем он говорит. Квинт Октавий упоминал, что не доверяет Вентурию. И не зря!

– Бриганты будут жить в мире с Даррией, – отозвалась я. – Мы не собираемся воевать.

– Мы тоже. До поры до времени, – добавил король. – Коритане не ввязываются в бой, если не уверены в победе. Но если...

– Мне это неинтересно! Я возвращаюсь к своему народу. К тому же показалось, что над нами промелькнула огромная тень. Я поежилась. Либо глюки, либо легат спутником-шпионом присматривал за мной с высоты.

– Аэлика, не спеши отказывать! Я брошу к твоим ногам сокровища мира...

– Вентурий, – вздохнула я. – Это становится утомительно. А еще прохладно! Вон кто-то в шкуре, а я совсем го... Ну ладно, это и так все видели. В общем, домой пора! К тому же накатила страшная усталость, и я стала поглядывать в сторону леса, где стояли войска бригантов.

– Я положу к твоим ногам Альбион, и ты выйдешь за меня замуж! – не сдавался король.

Это был даже не вопрос, а утверждение.

– Попробуй, – вздохнула я. Знаю, проходили! У меня было много ухажеров до Андрея, что обещали «подарить звезду». И не только мне. Все звезды на месте, а сколько женских голов заморочили? – Положишь, тогда и поговорим.

– Ловлю тебя на слове, – произнес он. Я устала на мужчину. Лицо довольное, словно я только что согласилась и на постель, и на детей. Он что, сбрендил?! – А теперь у меня есть для тебя подарок!

Мужчина открыл седельную сумку и достал оттуда... О, боже! Это были мужские головы. Две отрубленные головы! Не тех ли коритан, кого собственноручно казнил Вентурий? Обалдеть! Я с трудом удержалась в седле, когда король, схватив за светлые, длинные волосы, протянул их мне.

– Двое зачинщиков, – произнес он спокойным голосом, словно происходящее было в порядке вещей или же мы случайно встретились на овощном рынке. – Остальные схвачены, и теперь их жизнь принадлежит бригадам. Я пришло пленных в твой лагерь.

Дальше я уже не слушала, уставившись в серые лица мертвых. Мне казалось, они смотрели осуждающе. Мне стало дурно. Вентурий что-то говорил о мирном договоре, похожем, как у нас с племенем Актеона; напрашивался в гости, я же с трудом сдерживала тошноту. Меня волновали лишь головы, которые он явно намеревался всучить.

Я все же решила их взять. Подарок, как-никак! Заставила себя глубоко дышать, чтобы не грохнуться в обморок. Вдох, выдох! Протянула руку, уговаривая себя, что они не кусаются. Это лишь мертвые головы, мертвые волосы! Наконец схватила за длинные пряди, почувствовав мимолетное касание пальцев Вентурия. Нашел время для нежностей!

Бормоча проклятия на языке бригаантов, разбавляя их еще и на русском, я пыталась удержать в руке подарок. Тяжелые-то какие!

– Прощай, королева Аэлика! – произнес король. Окинул меня взглядом, словно стараясь запомнить мой «светлый» образ. Увиденное ему нравилось, определенно! А мне? До чего я докатилась? По чьей воле попала в этой кровавый, дикий мир? Быть может, Трехликий истукан бригаантов, усмехаясь, как раз смотрел на меня с затянутых дождевыми облаками небес? Да пошел он!

С трудом выдавив слова прощания, дернула поводья и направилась в сторону леса, стараясь не смотреть на то, что держала в руках. Вот уж подарили, так подарили! Уж лучше бы Вентурий покупал благосклонность королевы бригаантов золотом и драгоценностями...

Наконец вынырнула из тумана на своей стороне. Мое появление войско встретило изумленным молчанием. Я осталась и, словно по наитию, подняла подарок короля высоко над собой. Чтoб Вентурию икалось! Глотки бригаантов исторгли восторженный вопль. Могу представить – королева, без оружия, уехала в туман, а вернулась с головами врагов!

Мертвые волосы казались противными змеями, выskalывали из рук. Не могу так больше! Бросила дар Вентурия под ноги Прасургу. Головы покатались, словно мячики. От этого вида мне опять стало дурно, тошнота подступила к

горлу. Захотелось прилечь на траву рядом с убитыми коританами. Силы закончились, мир поплыл, словно я попала в калейдоскоп, который отказывался складываться в правильную картинку. Организм собирался в обморок, и я была с ним солидарна. Еще немного, и...

– Аэлика! Королева Аэлика! – доносились мужские голоса.

Я смотрела на легата. Что даррийский посланник подумал обо мне, дикой королеве бригаентов, вернувшейся с двумя отрезанными головами? Мужчина молчал, на красивом лице не отражалось ни единой эмоции. Ну и пусть, пусть! Я все сделала правильно. Главное, войны не будет, а остальное... Что мне его презрение?!

Но все ли я сделала правильно? Меня тревожили слова Вентурия об Альбионе, который он бросит к моим ногам. Такого подарка не хотелось, поэтому я решила поговорить с королем еще раз, когда тот явится в гости.

– Прасург, войны не будет, – повернулась к начальнику стражи. Голос прозвучал странно, словно принадлежал не мне, а безжизненному автомату. – Позовите старейшину Кармолиума, пусть заберет головы и покажет в деревне. Коритане вернут им стадо и дадут рабов. Вентурий согласился увести войско. Все!

И правда, все! Я поняла, что падаю. Посмотрела на легата, стоявшего неподалеку. Он держал лошадь под уздцы и тоже смотрел на меня. Мне опять показалось, что это Андрей. Я

протянула руку.

– Ан... – начала я. Затем оборвала себя на полуслове. Какой, к черту, Андрей? – Ангус, – повернулась к друиду, стоявшему около дерева. – Ангус!..

Это было последнее, что смогла произнести, прежде чем сползла с лошади. Друид оказался проворным. Отбросил посох, кинулся ко мне, но не успел. Прежде чем мир потемнел, я поняла, что меня подхватил на руки Квинт Октавий Варран. Откуда он взялся? Почему?..

Глава 10

Мир пропадал, затем появлялся вновь. Уносился разноцветным хороводом образов и запахов, оставляя меня в месте, где не было времени, одно лишь пространство – густое, холодное, равнодушное. Но и оно отторгало меня, выкидывая обратно – туда, где опять были цвета, звуки и встревоженные люди; где Гахарит пытался напоить из глиняной кружки, объясняя обморок действием вайды. Говорил, так бывает с непривычки. Я не собиралась привыкать, а зелье пить тем более не стала. Мало ли, опять потянет раздеться и отправиться на войну с коританами. Оттолкнула заботливую руку и послала друида... Нет, послать не успела, потому что опять потеряла сознание. Очнулась, когда заботливый старейшина Кармолиума предлагал везти королеву в Инсурим на своей повозке. Зато этого послала. Сказала, что сама доеду. Верхом. Еще немного полежу, и сразу же поедем.

Встать все не получалось, но я чувствовала, как меня несли, затем посадили на лошадь, и мы поехали. Мужчина позади поддерживал меня за талию, я же прислонилась к его плечу. Задремала. Сны видела настолько живые, что, казалось, они давно перешли грань между былью и реальностью. Я потерялась в них, не желая возвращаться. Снилось мне, что плыву с Андреем по Средиземному морю. Жарко, яхта покачивается, особо упорные волны норовят запрыгнуть на

палубу. Я лежу в объятиях любимого, а ветер треплет над нами разноцветный спинакер. Андрей любил ходить под парусами...

Затем оказалась в другом сне, в котором ехала верхом, прижимаясь спиной к легату Квинту Октавию Варрану. Вернее, он меня обнимал – так же, как Андрей. Держал крепко, закутав в шерстяной плащ. Мне было спокойно и приятно. Черт, а что это еще за нарушение субординации? Почему рядом со мной Варран, а не Прасург, Веритакс или, на худой конец, Актеон? Жених, как-никак, одобренный старейшинами! Или же в этом мире – кто поймал, того и девушка? Попыталась вырваться, но легат прижал сильнее, пробормотав, что все хорошо. С чего бы это?! Они что, все с ума походили? Как даррийскому посланнику, которому нормальный бригаант и паршивой овцы не доверит, позволили везти королеву?

Вспомнила. Нет, они не сошли с ума, сама виновата. Дракон не собирался меня отпускать. Ему возражали многие. Вернее, все. Тут пришла в себя я и послала тех, кто возражал. Захотела, чтобы он меня вез. Так и сказала!

Я могла только догадываться, что подумали о моей выходке ближайшие соратники. Актеон, ясное дело, и так ревновал к каждому встречному, а на легата еще со вчерашнего вечера косился с подозрением. Теперь хоть повод будет! Ангус, наверное, расстроился, что не поймал первым. Руэйд, скорее всего, убежал в лес порычать от злости в одиночестве.

Прасург? Смирится с дуростью молодой королевы, что ему еще остается! Еще меня занимало, что думал о происходящем молчаливый даррийский посланник. Понятия не имею! А пока что, откинувшись на мужскую грудь, закрыла глаза, пытаюсь представить, что нежусь в объятиях Андрея. Представлялось слишком уж легко, словно так оно и было.

Когда вернулись в Инсурим, Квинт Октавий донес меня до покоев, где сдал на руки служанкам. Попрощался и ушел, словно ничего и не было – ни этой скачки к южным границам, ни дороги домой, когда он прижимал меня к себе и шептал, что все будет хорошо. Чего хорошего-то? Андрей давно умер, легат, подозреваю, ушел писать доклад императору. Пусть мы не враги даррийцам, но и не друзья. Замерли по разным сторонам баррикад, ожидая, кто выстрелит первым.

Затем был горячий пар бани, теплые, жесткие полотенца, заботливая Бретта, которая все норовила накормить меня с ложечки. Не удалось – я опять заснула, уже до рассвета. Встала со слугами и отправилась посмотреть, как тренируются воины на плацу перед дворцом. Решила упросить Прасурга научить меня обращаться с оружием.

Потом ходила по дворцу, словно лунь, чувствуя себя в высшей степени мерзко. Ну и гадость эта вайда! Думалось плохо, но дела никто не отменял. Прибыли вестники с южной границы. Король Вентурий слово сдержал – войска убрал, пленных прислал. Наши под горячую руку собирались им головы рубить, но я запретила. Коритан отпустили, ведь

жители Кармолиума получили обещанное стадо и рабов, а девушки – подарки.

Подарки привезли и мне – два ларца с драгоценностями, меха и отрезы тканей. Как и ожидала, они прибыли вместе с брачным предложением. Советники сразу же возбудились, словно это их ждала сладкая брачная ночь. Король караветтов, за которого до этого уговаривали меня выйти замуж, отошел на второй план. Вентурий казался интереснее, ведь племя коритан было больше, богаче и воинственнее. Вот бы породниться!

Актеон, кстати, обиделся. Устроил дикую сцену ревности, допытываясь, чем мы занимались в тумане с Вентурием, после чего я получила брачное предложение. Ну и дурак! Затем долго извинялся и клялся в вечной любви. В общем, обычный сумасшедший дом, который уже становился привычным. Переговорила с Люцием, познакомилась с его женой, осмотрела до конца дворец и сад. Присутствовала при разборе тяжбы между горшечниками и суконщиками, которые не поделили место на завтрашней ярмарке. Съездила за город, к святилищу, осмотрев поле, где должны были состояться Игры. Плотники возводили шатры и трибуны рядом с огромными безразличными камнями-мегалитами.

Присела отдохнуть в тени деревьев. Я чувствовала себя странно, не только физически, но и... Будто многочасовая тряска на лошади что-то изменила внутри организма, перестроив его на Квинта Октавия Варрана. Меня тянуло к нему,

но и он тоже... Постоянно оказывался рядом. Смотрел задумчиво, спокойно. Бывало, видела в его глазах одобрение, даже интерес. Или же, сказав в лесу, что не даст мне умереть, исполнял обещание? Хотя о какой опасности могла идти речь, если за мной постоянно таскались телохранители и Ангус с посохом наперевес?

Несмотря ни на что, Варран постоянно был поблизости. С утра встретила легата на плацу – он смотрел на тренировки воинов-бригантов. Поздоровался вежливо, выразил одобрение увиденного. Сопровождал на прогулке, оставив только у дверей зала, в котором мои законники принимали обиженных и оскорбленных. Присоединился по дороге в конюшню, где я решила выбрать лошадей для завтрашней гонки. Самолучно запряг подарок императора в мою эсседу.

Я смотрела, как он управлялся с животными. Говорил слова одобрения, похлопывал по бокам, ласково поглаживал длинные морды. Дивилась тому, как слушают его лошади, кивают, косят влажными, влюбленными глазами. Черт! Я, пожалуй, воздержусь от подобных взглядов. Не хватало еще втюриться во врага народа! Пусть даррийцы нам не враги, но недруги, определенно. Захватчики, завоеватели, а этот так вообще – мифическое существо.

Все же жаль, что так сложилось – Андрей, Ведьмина Петля, бриганты, драконы... А то, несомненно, попробовала бы. Завлекла, очаровала – улыбкой, обещающим взглядом, выдающимися прелестями Аэлики. Опутала, сделала своим,

стала бы его. Пусть ненадолго, но... Нет! Такого не надо ни ему, ни мне. Легат пробудет два дня и уедет, а мне давно уже никто не нужен! Взяла поводья из его рук. Поблагодарила холодно, вздернула голову. Кажется, мужчина удивился. Ну и пусть!

На двух тренировочных кругах безбожно от него отстала. Правда, я не гнала в полную силу. Привыкала к скорости, к тому, что новые лошади оказались резвее прежних. Смотрела, как колесница входит в повороты. Наконец, остановились. Квинт Октавий шел ко мне, улыбаясь. Я робко улыбнулась ему в ответ, позволила снять себя с повозки. Скорость и ощущение гонки кружили голову так же сильно, как и прикосновение мужских рук.

– Хорошо, Аэлика, очень хорошо! – похвалил он. – Чувствуется, у тебя твердая рука. Часто тренируешься?

– Да, – отозвалась я. – Уже целых два раза. Прасург учил. Улыбнулась в ответ на его удивленный взгляд.

– У меня врожденное чувство скорости, – отозвалась я. Не говорить же, что в прошлой жизни была гонимой. – Только времени не хватает.

Развить тему не успела – подъехали отставшие эсседы Руэйд и Актеона. Эти двое явно предпочитали колесницам верховую езду. Мужчины поспешили к нам, вернее ко мне, лица недовольные из-за того, что успела целую минуту поговорить с даррийцем один на один. После этого Актеон и Руэйд не отходили от меня ни на шаг до самого вечера. Так как

праздник у нас каждый день, то на сегодняшнем пиру отмечали удачный поход к южным границам и мир с коританами.

Я позвала Веледу, за столом посадила девушку по правую руку, как раз рядом с Руэйдом. Попросила сводного брата рассказать ей в лицах о походе в Кармолиум. Пусть развлекаются! Заметила одобрительный взгляд легата, легко улыбнулась в ответ. Роль свахи мне понравилась. Осталось придумать, куда бы пристроить ревнивого Актеона.

Короля караветтов, к сожалению, интересовала лишь королева бригантов. К середине вечера Актеон стал невыносимым, перейдя от слов к действиям. Полез целоваться, за что получил ногой в голень. Чуть было не заехала ему кружкой по голове, но передумала. Сидевший по ту сторону стола легат схватился за оружие. Сзади шумно дышал Ангус, и я чувствовала, как вибрирует в его руках посох. Мои телохранители подсобрались, караветты из охраны короля напряглись. Прасург уже поднимался из-за стола. Не хватало еще массовой драки – достойного завершения вечера! Я встала. Затем, сославшись на усталость, ушла. Надеюсь, ума хватит... А если нет – пусть делают, что хотят, надоели!

С самого утра меня навестили старейшины, чтобы в который раз уговорить выйти замуж. Попеняли вчерашним происшествием, которое, к счастью, обошлось без кровопролития. В общем, лучше поскорее выбрать мужа, да такого, чтобы остальным неповадно. А зимой бы наследника родить... Я покосилась подозрительно, затем прикрыла глаза, прики-

дывая. Правильно все рассчитали, седобородые!

Меня продолжали уговаривать. Если не могу выбрать, так можно еще одни Игры устроить. Созвать достойных, как в старые добрые времена. Старейшины блаженно жмурились, раскрывая передо мной фантастические перспективы по выбору мужа. Кандидаты сперва сойдутся на стрельбище, затем в кулачном бою, после чего можно либо на мечах, либо на колесницах – по моему желанию. Послала всех, вместе с перспективой. Замуж не пойду, потому что не хочу!

Затем пришел казначей и показал несколько новых монет с моим изображением. Я разглядывала тонкий женский силуэт, правящий колесницей. Распушенные волосы развевались на ветру, руки сжимала вожжи. Красиво!.. Жаль, не успели отчеканить, так что победителям Погребальных Игр придется раздавать серебряные монеты с профилем короля Кэдерина.

Игры! Толпы оживленных людей заполнили поле под стенами Инсурима. Думаю, пришли все, кто в состоянии ходить; тех, кто не мог – принесли и усадили на трибуны. Да и из других поселений тоже подтянулись. Я шла сквозь толпу, кивала в ответ на приветствия, улыбалась громким крикам и взрывам смеха, доносившимся с площадок. Хорошо-то как, беззаботно! Словно в детстве, когда отец брал меня на карусели и праздник начинался еще до того, как выходили из дома. Вокруг сновали лоточники со сладостями, торговцы разной всячиной. Ярмарочные шуты веселили детей, се-

добородые ватты заунывными голосами повествовали о деяниях предков. Народ переходил от стрельбищ к огороженным площадкам для кулачных боев. Я же, в кольце охраны, поздравляла победителей, принимала угощения от лоточников, букеты весенних цветов от детей и женщин.

Посмотрела, как воины кидали дротики, стреляли из лука, метали копья. Кивнула знакомым ребятам из королевской стражи, караветтам из свиты Актеона. Заметила промелькнувшие бордовые и серые солдатские туники даррийцев среди толпы. Зря я опасалась провокаций со стороны радикально настроенной молодежи, совместный поход к южным границам изменил настроения в лучшую сторону. Даррийцев воспринимали на редкость спокойно.

Искренне порадовалась, что в стрельбе из лука победил легионер Квинта Октавия. Поздравила темноволосого солдата и под одобрительные вопли зрителей щедро отсыпала призовых монет. Попросила подержаться за лук. Тяжелый, зараза! Тетиву и вовсе натянуть не удалось. Горожане мои старания встретили смехом. Я пошутила над своим бессилием, чувствуя, что меня любили такую, как есть – в мужской одежде, с уложенными вокруг головы косами. Из украшений – только золотой торк племени. Оделась так, потому что готовилась отстоять честь племени в гонках на колесницах.

Противников своих я знала. Мы с Прасургом успели обсудить сильные и слабые стороны каждого. На победу серьезно претендовал лишь легат. Поискала взглядом Варрана. Он

оказался поблизости, беседовал с одним из легионеров. Я кивнула приветственно, дожидаясь, пока мужчина подойдет. В его присутствии, как обычно, у меня начинало колотиться сердце. Аритмия налицо! Особенно сильно развивалась в моменты, когда нам удавалось поговорить без свидетелей. Как, например, сейчас. Навязчивые женихи разбрелись кто куда: Руэйд застрял на площадке для кулачных боев, Актеон показывал молодецкую удаль в метании дротиков. Даже Ангус испарился, отправившись встречать друидов с острова Англси. Только вот телохранителей сплавить не удавалось.

– Почему даррийский посланник не продемонстрировал свое мастерство? – спросила у него, кивнув на стрельбище. – Неужели почтенный Квинт Октавий Варран не умеет стрелять? Или решил, что Погребальные Игры – развлечение для простых воинов?

– Королева Аэлика! – возмутился он. Знаю, занесло не в ту степь, но я не виновата, что он стоит каменным истуканом, а у меня сердце колотится, ладони потеют, и... вообще! – Ничего подобного и в мыслях не было! Я знаю, с какой стороны берутся за лук, но решил, что это будет нечестно по отношению к остальным.

– Твое племя превосходит людей в силе и ловкости, – вспомнила я слова Гахарита. Он кивнул, но рассказывать про драконов не спешил. Вот и поговорили! Я повернулась и пошла к королевской палатке. Утро выдалось суетным, поэтому хотела отдохнуть перед гонкой. К тому же знала, что ле-

гат последует за мной. Не ошиблась.

– Ты права, мое племя превосходит людей во многом, – наконец произнес мужчина. – Только лошади об этом ничего не знают. Так что состязание будет честным.

Не только лошади, но и я о нем ничего не знала. Лишь то, что командовал Девятым Легионом, половина которого стояла в Эбораке, вторая – в Лондиниуме. Слышала о доме в Антиохии, но понятия не имела, где это. И еще – он был так похож на Андрея, что если закрыть глаза и заставить себя не думать, то в его объятиях я вновь ощущала себя живой и любимой.

– Аэлика, эти Игры для меня очень важны, – неожиданно произнес мужчина. – И не только Игры. Все, что я увидел в Инсуриме. Все, кого я встретил в Инсуриме.

Я растерялась.

– Ты вернула мне надежду, – добавил мужчина.

Интересно, о чем он? Неужели о личном? Или же о легионерах-ветеранах, которые хотели поселиться на землях бригаантов, но боялись очутиться в канаве с перерезанным горлом?

– Рада, что легат и его воины почтили своим присутствием Погребальные Игры, – отозвалась осторожно. – Они прошли спокойно, без провокаций. Кровь пролилась только на площадках для кулачных боев. Это хороший знак.

– Да, – согласился он, уставившись на меня. – Знак и в самом деле хороший. Один из лучших, что посылали боги за последние годы.

Почему меня не оставляло чувство, что мы говорим о разных вещах?

– Я хочу, чтобы соревнования проходили честно. Поэтому, – повернулась к нему, отвечая взглядом на взгляд, – в гонках и не вздумай поддаваться! Проиграю так проиграю.

– Я собираюсь выиграть, – отозвался он.

Голос странный, словно он говорил не о состязании колесниц, а... Что за ерунда?

– Не думай, я так просто не сдамся, – предупредила его. Мы говорим о гонках, ни о чем больше!

– Знаю, – отозвался он. – Уже догадался, что легко не будет.

Пока размышляла, одной ли мне разговор кажется слишком двусмысленным, как мужчина добавил:

– Аэлика, я уезжаю этим вечером.

«Так быстро?» – чуть было не вырвалось у меня. Вместо этого пожелала ему удачной дороги. Ну и чтобы боги были благосклонны. Уезжает? Ну и пусть!

– У меня дела в Лондиниуме. Две недели, не больше. После чего вернусь в земли бригантов.

Я пожала плечами. Он не должен передо мной отчитываться. Его дела меня не касались, так же как и его – мои. Тут мужчина взял меня за руку. Я замерла, от неожиданности задержав дыхание. Увидела, как скривились телохранители, но просто стояла и смотрела на свое белое и тонкое запястье в смуглой мужской ладони.

– Перед отъездом хочу осмотреть защитные сооружения и крепостные стены Инсурима. Ты поедешь со мной, – даже не вопрос, а утверждение.

– Отпусти! – сбрасывая наваждение, рассердилась я. – Люди смотрят! К даррийцам не настолько привыкли, чтобы позволить одному из них безнаказанно хватать королеву за руки.

Он послушался. Какое-то время мы шли молча. Я пыталась успокоить колотящееся сердце. «Ты была права! Права! – отстукивало оно внутри. – Ты ему небезразлична. Небезразлична!» Но правда ли это?!

– Аэлика!

– Я подумаю.

– Подумай, – согласился он. – Только это уже ничего не изменит.

– Почему?

Он не ответил, потому что к нам, рассекая толпу, словно ледокол, шла группа друидов. Их было пятеро. За Гахаритом следовал Ангус, рядом с ними – двое седобородых старцев. Один держал на вытянутых руках дубовый посох, украшенный разноцветными лентами. Чую, по мою душу. Либо бить, либо вручать. Я застонала, даже не мысленно, а вслух.

– Держись, королева Аэлика! – одобряюще произнес легат. Улыбнулся еще шире. С чего я решила, что он – истукан каменный? – Не сомневаюсь, ты окажешься не по зубам детям лесов и священным рощ.

– Еще скажи «детям цветов», – пробормотала я. Мужчина ответил удивленным взглядом. Ясное дело, не понимает!

Кивнула в сторону друидов.

– Надеюсь, это ненадолго.

– Я буду рядом, – подбодрил меня легат. – Тот, что справа – Верховный с острова Англси. С ним поаккуратнее: характер у старца тяжелый и рука еще крепкая.

– Откуда ты знаешь?

Было так спокойно стоять плечом к плечу и... разговаривать.

– Было дело, чуть не приложил меня посохом.

– Увернулся?

– В последний момент, – усмехнулся легат. – Мы – довольно ловкое племя.

– За что? – неверяще спросила я, разглядывая седобородого «божьего одуванчика».

– Мы поспорили, – отозвался мужчина. – Когда у него закончились аргументы, в ход пошел посох. Верховный не любит даррийцев с тех пор, как Девятый Легион захватил остров и вынудил согласиться на мир.

– Ты им командовал?

– Нет. В то время я служил в Третьей Провинции, но для Верховного все даррийцы на одно лицо. Приезжал на Англси подписывать новый мирный договор. Видел тебя мельком. Тогда уже подумал, что у бригантов будет красивая королева.

– Спасибо! – отозвалась я. Compliment оказался на ред-

кость приятным.

– Ты прошла мимо и не обратила на меня внимания, – с улыбкой закончил он. – Так что пришлось приехать еще раз.

Судя по рассказам Ангуса, голова принцессы Аэлики во время обучения была занята исключительно молодым друидом. Легата вскоре оттеснили стражники, да и Актеон с Руэйдом подоспели. Он ушел, а я осталась принимать посох и заверения в том, что друиды Англси поддержат королеву бригантов во всех начинаниях.

Глава 11

Я дожидалась начала гонок в королевской палатке. Сидела, закрыв глаза, прислушиваясь к шуму толпы за тонкими полотняными стенками. Барабанила пальцами по бедру, уговаривая себя, что нисколько не волнуюсь. Вот еще! Не в первый раз стартую и даже не в сотый, а... Какая в принципе разница?!

Остальные состязания уже закончились, но народ и не думал расходиться, дожидаясь гонок. Занимали трибуны, выстраивались вдоль трассы, которая проходила по полю рядом со святилищем, делая довольно крутой, на троечку, поворот возле мегалитов. В заезде стартовали десять колесниц. Вскоре начали представлять участников. Меня как гвоздь программы приберегли напоследок. Шквалом криков приветствовали Руэйда, затем двух воинов из племени бригантов. Легату тоже покричали, но не с таким энтузиазмом. Заслышав его имя, улыбнулась. Главное, что не освистали! Тут открыла глаза, потому что в палатку вошел Гахарит и опустился рядом со мной на лавку. А старцев-друидов куда дел? Оказалось, они захотели увидеть гонки, теперь дожидались на трибунах.

– Верховный Друид шлет тебе благословение, – с этими словами Гахарит положил мне руку на плечо. Не успев толком удивиться, почувствовала, что из его ладони полилось

тепло, уносящее усталость и нервозность дня. Вновь закрыла глаза – хорошо-то как!

– Спасибо ему за заботу, – пробормотала я когда Гахарит убрал руку. Словно телеграмму передал, честное слово! – Только скажи Верховному, что целоваться с ним больше не буду.

И обниматься тоже! Вручив посох, старик заключил меня в кольцо рук, при этом ущипнул за бедро и заглянул в вырез туники. После чего еще и троекратно облобызал. Не зря Квинт Октавий предупреждал меня о Верховном! Только характер у того оказался не столько тяжелый, сколько игривый. Дернулась, вспомнив, как скользнули по щеке старческие влажные губы. Брр!

– Ты великолепно держалась, – улыбнулся Гахарит. Кивнула. В самом деле, я держалась неплохо. Даже улыбалась через силу, хотя хотела отобрать посох и надавать им по шаловливым рукам старца.

– Мне не хватает слов, чтобы предать глубину и силу моей радости, – продолжал друид. Я открыла один глаз, покосилась подозрительно. К чему этот официоз? – и выразить то, насколько племени бригантов повезло с королевой!

– Так сам же выбрал, – зевнула в ответ и опять закрыла глаза. Он вновь напомнил мне директора команды. Семен обратился с похожей речью, после того как выиграла первую гонку, на что я ответила... В принципе то же самое и ответила! – Только не говори, что боги нашептали. Я ведь знаю,

что ты не хотел Руэйда на королевском троне.

– Аэлика, не подвергай сомнению силу древних богов! – пожурил меня друид. – Они всесильны и всеобъемлющи и, бывает, прислушиваются к смиренным просьбам своих детей.

– Как скажешь, – отозвалась я. – Боги так боги! Хорошо хоть не демоны.

Спорить с ним я не собиралась – все равно ничего не докажешь, да и нервы поберегу перед стартом. К тому же услышала: представляли Актеона. Кажется, скоро моя очередь. Судя по реакции толпы, молодой король караветтов снискал любовь народа, после того как выиграл соревнования по метанию дротиков.

– Именно к Трехликому я обратился, когда пребывал в отчаянии, – тем временем бормотал друид. – Именно он исполнил мою просьбу, когда понял, к чему приведет неразумное правление Руэйда или же взбалмошной, порочной принцессы Аэлики!

Я чуть было не упала с лавки. Хотела подскочить, но запуталась в руках, ногах и мыслях. Получается, он знал?!

– Мне известно, что ты – не Аэлика, – спокойным, даже обыденным голосом продолжал Гахарит. – Несколько месяцев назад я попросил помощи у Трехликого в святилище под стенами Инсурима, и Он меня слышал.

Черт! Оказывается, Гахарит не только знал, но и приложил к этому руку! Я все же подскочила. Заметалась по па-

латке. Выходит, это он засунул меня в этот мир, в тело Аэлики! Значит, сможет отправить обратно. Взглянула на охранников, которые чуть поодаль резались в кости.

– Всем выйти! – приказала им. – Сейчас же! Никого не пускать.

– Но... королева! – раздались удивленные голоса. Взглянула на друида, который первым засобирился к выходу. – Куда?! Ты останешься! Все остальные – вон! В каком месте, непонятно?!

Наконец они поднялись, подхватили оружие и потопали к выходу. Задернули полотняную стенку, оставив нас с Гахаритом одних. Вернее, через секунду друид наслаждался обществом кинжала у горла. Не зря Прасург меня с рассвета натаскивал! Схватила мужчину за седые волосы, прижала его голову к своему плечу, провела лезвием по горлу. Убивать не собиралась – он был мне нужен.

– Брось посох, – приказала ему. – Хорошо! Теперь говори. Кто еще знает, что я – не Аэлика?

– Верховный из Англиси... – прохрипел Гахарит. – Он приехал... на тебя посмотреть. Одобрил то, что я сделал. Отпусти, королева...

– Что ты сделал? Вернее, как ты это сделал?

– Просил Трехликого...

– Не ври, Гахарит, а то сдохнешь!

– Клянусь, принцесса Аэлика!..

– Ты знаешь, что я не принцесса.

– Я знаю, что ты – истинная королева бригаантов, посланная Трехликим...

Дальше он захрипел. Кровь из пореза давно уже окрасила белый балахон красным. Ведь сдохнет же, зараза!

– Ты вернешь меня обратно, – приказала ему. – Сейчас выйдешь и объявишь, что перед гонкой тебе надо задобрить бога. Придумашь!

Тут в палатку вошли – я услышала удивленный возглас. Приказала же никого не пускать!

– Аэлика!

– Уйди, Прасург! Не видишь – я занята.

Угу, как раз собираюсь перерезать горло Верховному Друиду бригаантов.

– Оставь его, королева. После гонок прикончишь, – отозвался начальник стражи. – Твоя колесница на старте, люди ждут.

– Подождут! – рывкнула на Прасурга. – Уйди, прошу тебя!

Пожилой воин потоптался, вздохнул и вышел.

– Сейчас отправимся к Святилищу, – объявила друиду. – Ты вернешь меня обратно так же, как вызвал сюда.

– Я не могу!

– Сможешь, – уверенно произнесла я. – Как ты это сделал? Как уговорил Трехликого?

– Жертвы... Я принес ему жертвы.

– Хорошо, будут тебе жертвы! Сколько быков тебе надо, друид? – спросила я, прикидывая, где достать животных. Как

это все мерзко, но...

Друид молчал. Слишком долго для того, чтобы вспомнить, скольких он прикончил. Тут я испугалась, да так, что лоб покрылся испариной, руки затряслись.

– Это ведь не быки были?! Ну же, говори!

– Это были люди, – прохрипел друид. – Отпусти меня, королева!

Я разжала руки, поняв, что проиграла. Сдалась без боя, а он... Он победил. Я не вернусь домой, никогда! Опустилась на лавку, отбросив кинжал. Закрыла лицо ладонями. Сидела, без мыслей, без чувств, пока друид не коснулся моего плеча. Открыла глаза – он протягивал мне оружие.

– Это были отбросы, а не люди, Аэлика! Без семей, опустившиеся пьяницы и попрошайки. Возьми свой кинжал, соберись с духом и выходи наружу. Твой народ ждет свою королеву! Мы, друиды Альбиона, пойдем за тобой в любом случае, по любому пути, по которому поведешь. Ты отмечена милостью Трехликого. Верховный Друид увидел то же самое, что и я.

Скорее, он понял это на ощупь.

– Ты – чудовище, Гахарит! – выкрикнула в лицо друиду. – Моральный урод! Я никуда не пойду. А вот ты... Пошел ты!..

Сказала, куда именно. Но, вместо того чтобы отправиться в озвученное место, мужчина присел рядом на лавку.

– Решила поговорить со мной о морали? Давай посчитаем или взвесим – как угодно! На одной чаше весов – жиз-

ни четверых, которые я отдал Трехликому, чтобы получить тебя, на второй – жизни сотен, а то и тысяч бригаентов, что сгинут в кровавой резне, если племенем будет править слабый король.

– Я тебя ненавижу, – выдавила в ответ. – У меня было все! Все! Целая жизнь впереди, а ты...

Свою жизнь, в которой было все, я хотела закончить, разбившись на Ведьминой Петле. Так почему же рвусь обратно?

– Это не наказание, Аэлика! Ты будешь вознаграждена, и награда окажется несоизмеримо высокой.

Хотела послать его еще раз, но промолчала.

– У меня было видение. Я знаю, что Трехликий принял и твою жертву. За это обещал исполнить твоё желание. Все, что ты у него просила...

– Я никого не убивала и ничего не просила у твоего бога. В моем мире живут по другим законам. О Трехликом я узнала лишь в Святилище.

Лучше бы не узнавала, честное слово! Гахарит заунывным тоном принялся пересказывать свое видение. В нем были разноцветные железные колесницы, что бегают сами, без упряжи и лошадей. Внутри одной из них он разглядел меня. Рядом – мужчина. На нас светлые, облегающие одежды, головы скрывают круглые штуки, похожие на даррийские шлемы. Ясно! Значит, привиделась гоночная машина. Мне стало нехорошо, потому что поняла, о какой жертве пойдет речь. Гахарит продолжал. Это произошло у древнего заброшен-

ного святилища Трехликому. Ведьмина Петля... Скорость, удар, кровь, стекло, металл... Мужчина умер, но Древние меня услышали.

– Ты сошел с ума, Гахарит! – воскликнула я. – Это был несчастный случай! Авария, роковая случайность... Я любила этого человека и не собиралась его убивать.

Слезы хлынули из глаз. Он все врет, врет! Его мерзкий бог неправильно все понял!

– Трехликий услышал, – произнес друид. – Он выполнит то, о чем ты просила.

– Я ни о чем его не просила!

– Вспомни, Аэлика.

Размазывая слезы ладонью по лицу, балансируя на краю истерики, пыталась выудить из памяти тот день. Да, я собиралась выиграть гонку. Еще мечтала, что Андрей сделает мне предложение. Знала, он собирался, но почему-то медлил, хотя мы давно уже жили вместе. И еще я всегда, всегда хотела, чтобы мой отец был жив! Как уродский каменный истукан собирается исполнить хоть одно из этих желаний?! Невозможно! Те, кто дорог мне, – мертвы, соревнования остались в прошлой жизни. Значит, друид бредит... Ему все привиделось!

– Тебе надо идти, – сказал Гахарит. – Слышишь, толпа ревет?! Они ждут!

Поднялась на ноги, не понимая, что делать и как жить после сказанного.

– Помни, на тебя смотрят не только бриганты, но и боги! – произнес напутствие друид. Наверное, старался подбодрить, но у него не вышло.

Ах, значит, боги смотрят?! Хорошо, будет им гонка! Вышла из палатки, и... Меня чуть не сбило с ног ревом толпы. Оглушило, уж точно! Гахарит оказался прав – королеву ждали. У входа в палатку собралась целая манифестация из приближенных. На лицах – тревога. Кинулись ко мне, но я лишь покачала головой. Никого не хочу видеть, а говорить – тем более! Закусила губу и пошла к полю. Охрана расталкивала народ, отгесняя особо настойчивых, пытавшихся лично пожелать мне удачи. По пятам следовали Прасург, Веритакс и Руэйд. И конечно, Актеон, как без него! Легат тоже был рядом. Смотрел напряженно, словно пытался взглядом пробуровать череп, чтобы изучить мои мысли. Определенно, ему бы не понравилось то, что он увидел.

– Я готова, – сказала пожилому распорядителю Игр, когда дошла до эсседы. Лошадей придерживали двое слуг. Животные нервничали, да и я была на пределе. Старалась глубоко дышать, ожидая, когда утомится беснующаяся толпа и объявят старт, а то из-за моего долгого отсутствия участники разбрелись кто куда. Народ заново рассаживался на трибунах. Я заметила среди толпы белые одеяния друидов. Усмехнулась. Будет вам гонка!

– Аэлика!

Не стала оглядываться, и так знала, кто пришел. У них с

Андреем даже голоса похожи.

– Передумал участвовать? – спросила у легата. – Решил сбежать?

– Что произошло в палатке? – он не повелся на глупую провокацию. – Я видел следы слез на твоём лице. Дурная весть?

– Даже если и плохая весть, она тебя не касается! – резко ответила ему. – Оставь меня, Квинт Октавий Варран. Вернись к колеснице, и начнем гонку. Народ заждался.

– Народ подождет. Рассказывай! – приказал он.

Тоже мне, командир нашелся! Я принялась нервно накручивать вожжи на руку. Отвечать не собиралась. Хотелось, чтобы он поскорее ушел, в его присутствии я уже не была так уверена в том, что собиралась сделать.

– Ты никуда не поедешь в таком состоянии! – холодно произнес он.

– Сгинь! – душевно посоветовала ему. – Какое тебе до меня дело? Испугался проигрыша – так и скажи.

Он попытался возразить, но я уже взобралась на эсседу. Подняла руку, показывая, что готова. А он пусть убирается! Никто не помешает королеве бригантов на земле бригантов, даже если она решила разбиться на колеснице!

– Раз меня не слушаешь, быть может, прислушаешься к Прасургу! – по голосу было понятно, что дарриец злится. Он все еще стоял подле моей колесницы, хотя остальные участники уже заняли свои места.

Он что-то говорил начальнику стражи, но я не слышала слов из-за рева толпы. Почувствовала внимательный взгляд пожилого воина. Покачала головой в ответ:

– Я поеду. Со мной все в порядке!

Легату пришлось уйти, хотя я видела, что он мешкал. Что он мог сделать?! Не похитить же меня посреди гонки, перекинувшись в дракона?

Наконец взмахнули флагами, и мы стартовали под оглушительный рев и свист трибун. Азарт гонки захватил меня с первой же секунды. Я сжала вожжи, хлестнула, подгоняя, лошадей. Быстрее, быстрее! Хорошие лошадки, сильные! Нужно вырваться в лидеры, чтобы не дышать пылью из-под чужих колесниц, но для начала пришлось от них уворачиваться. На старте образовалась давка из желающих выскочить первыми в огороженное пространство гоночного круга. Видела, как рванул легат, за которым увязалась колесница кожевника. Я тоже погнала вперед, подрезая Актеона, чья эсседа стартовала справа от меня. Удалось!

Усмехнулась, краем глаза заметив растерянную физиономию Руэйда. Сводный брат пытался избежать столкновения с повозкой воина из королевской стражи. С другого бока в них влетело еще две эседы. Ух ты! Сама едва увернулась, когда из мешанины колесниц и коней вырвалась упряжка Руэйда, но уже без повозки и возницы, и ринулась в мою сторону. Черт! Натянула вожжи, пропуская чужих лошадей, затем послала вскачь своих. Оглянулась – сводного брата при-

ложило о трибуны, и он лишь чудом избежал столкновения с обломками собственной колесницы. Вот это старт! «Формула-1» отдыхает!

Понадеявшись, что все выжили, понеслась дальше, подгоняя лошадей. Быстрее, еще быстрее! Набирала скорость, увеличивая отрыв от замешкавшегося на старте Актеона. На длинной прямой обогнала еще две эсседы. Мои лошади, Беляночки, явно превосходили многих в скорости, но впереди маячили еще две колесницы: легата и молодого кожевника. Ничего, скоро поворот у святилища, затем еще полкруга. Нагоню!

Повозка подпрыгивала на рытвинах и неровностях поля, и порой мне казалось, что вот-вот развалится. Я почти ничего не слышала, кроме стука копыт, собственного дыхания и порывов ветра. Он бил в лицо, трепал волосы, нес запах пыли и лошадиного пота. С каждым метром дистанции чувствовала, как оживаю. Скорость наркотиком бурлила в крови, принося с собой желание бороться. После разговора с Гахаритом я собиралась разбиться у мегалитов, похожих на Ведьмину Петлю, закончив начатое в своем мире, но теперь поняла, что хочу жить. И выиграть эту гонку, в конце концов!

Поворот приближался. Я все отчетливее видела огороженную площадку святилища, хижину в окружении каменных идолов. Чуть поодаль – гигантские мегалиты и россыпь камней поменьше, то ли отходы, то ли заготовки местных скульпторов для изображений Трехликого. Трасса заворачи-

вала влево, но перед поворотом я увидела, как сцепились лидирующие повозки. Кожевник явно пытался вытолкнуть легата за пределы ограждения. Мне стало тревожно за Варрана, но я мысленно приказала себе заткнуться. Большой мальчик, разберется! Так и случилось: именно колесница легата осью подцепила эседу кожевника, заставив того вылететь за пределы трассы. Он сделал круг по полю, возвращаясь в гонку, но уже позади меня. Пусть попробует догнать!

Тут в голове зазвучал голос отца. Он позвал меня столь громко и явно, что я чуть не выпустила вожжи. Сомнений не осталось – отец появился вновь, опять на большой скорости, когда грань между реальным и потусторонним миром становилась слишком тонкой и до Предела оставался лишь шаг.

Мне казалось, отец говорил мне слова одобрения, заверял, что он – рядом и мы скоро встретимся. Как такое возможно?! Ведь он умер и похоронен в другом мире! Затем голос раздался вновь, но в нем больше не было обещания встречи. Он предупреждал меня! Я и не заметила, как пролетела поворот. Лошади разорвали веревку ограждения и во весь опор неслись к мегалитам. Из-за всех сил натянула вожжи влево, понимая, что успею. Успею! Не сбавляя скорость, заворачивала, возвращаясь на трассу, пока правое колесо эседы не налетело на большой камень. Меня выбросило из повозки за секунду до того, как она перевернулась. Черт!..

Прежде чем узнала, как закончится жесткое приземление на усеянную камнями и обломками колесницы землю, в ме-

ня врезалось нечто огромное и черное. Хищное, без сомнения, потому что у самой земли меня перехватили огромные лапы, чуть не переломив пополам, выбив дыхание. Взмах гигантских перепончатых крыльев, и мы взлетели в воздух. Обалдеть!..

Глава 12

Нет, черт побери, это не избушка на курьих ножках, отрас- тившая крылья, а огромный дракон! Крылатый ящер разме- ром с двухэтажный дом, с длинной шеей, заканчивающей- ся узкой, вытянутой головой. И мы летели! Длинный хвост подрагивал на ветру, ритмично работали здоровенные пе- репончатые крылья. Я не могла поверить в происходящее. Неужели Квинт Октавий Варран превратился в черное, от- дающее в металлик, мифическое существо? Я знала от Пра- сурга, что правящая верхушка даррийцев – драконы, теперь убедилась на личном опыте. Сначала он меня спас – да как ловко! – затем, выходит, похитил. Вместо того чтобы поста- вить на землю там, где взял, сноровисто махал крыльями. Интересно, куда он меня тащит?

Докричаться до хозяина не удалось. Так и болталась под брюхом, зажатая в тисках передних лап. Задние были кокет- ливо поджаты, но лишь до поры, пока дракон не зашел на посадку. Надеюсь, не забудет выпустить шасси... Пролетев примерно полкилометра от святилища, ящер свернул в лес, позволив полюбоваться макушками деревьев, пока наконец не выбрал для приземления просторную поляну. Закрыла глаза. Полеты я в принципе не любила, посадки – тем более. А уж сегодняшняя, со мной в когтистых лапах, вызывала се- рьезные опасения.

Сели! Вместо принятых у россиян аплодисментов летчику обхватила здоровенную лапу и не спешила открывать глаза. Какие тут аплодисменты, когда пассажир еле живой от стресса? В следующий миг уже висела на легате, вцепившись в его одежду. Мужчина в долгу не остался, одной рукой обнял меня за плечи, второй подхватил под колени, отрывая от земли. Он что, опять собрался меня нести?!

Попыталась вырваться, но тут он и правда меня отпустил. Вернее, положил на землю, устроился рядом и принялся водить надо мной руками. Из его ладоней струилось тепло, похожее на то, что исходило из рук Ангуса.

– Не надо! Со мной все в порядке!

– Лежи смирно, – приказал легат. Голос недовольный. Глянула на него – вид тем более. – Сильно ушиблась?

– Не успела, – призналась я. – Ты ведь меня спас, спасибо! Только зачем украл?

Наверное, Прасург и другие ответственные лица волнуются. Волноваться они умели лишь с оружием наперевес, так что лучше нам вернуться, пока не объявили всеобщую мобилизацию и охоту на драконов.

Отвечать никто не собирался. Хотела было подняться, но мне не дали. Квинт Октавий прижал рукой к земле, вторую положил мне на ребра, где, подозреваю, всюю расцвели синяки от жесткой стыковки с лапами дракона.

– Не дергайся. Полежи спокойно еще минуту.

– Да, но...

– Придумай, как объяснишь свое поведение!

Он разговаривал со мной так, будто... Был моим мужем, а я растратила половину семейного бюджета на новую шубу.

– С чего ты решил, что я вообще буду что-то объяснять? – поинтересовалась у него. И тут же задышала легко, свободно. Давление в области груди исчезло. Он уже держал руки над моей головой. Интересно, ею тоже приложилась об лопы? Вроде бы нет...

– Глупая женщина! Почему ты решила убить себя?

Кажется, мужчина меня ругал, но в голосе не чувствовалось гнева, наоборот. Лечить перестал, вместо этого убрал с лица выбившуюся прядь, провел по щеке, коснулся королевского украшения. Затем вытянул из-под золотого торка два амулета: свой, с кулоном в виде солнца, и оберег молодого друида.

– Как я могу уехать и оставить тебя, зная, что ты...

– Не собиралась я убиваться! – чуть было не выкрикнула в ответ. Но поймала скептический взгляд.

– Вначале хотела, потом решила, что оно того не стоит. Это был несчастный случай. Не успела свернуть, наехала на камень, ну а дальше... Дальше ты знаешь.

И вообще, почему мне надо оправдываться и выслушивать короткую, но емкую лекцию: «Не умеешь водить колесницу – не берись за вожжи»? Как-то все это подозрительно знакомо! словно я вернулась в свой мир и Андрей отчитывал меня за то, что вновь разбила новую машину. Я же

смирненно выслушивала, кивала, дожидаясь, когда закончится лекция и он примется меня жалеть. Обнимет, поцелует. Ну и так далее...

– Что сказал Гахарит? Из-за какого известия ты решила свести счеты с жизнью? – допытывался легат, не подозревая о посетившем меня видении. В нем вместо Андрея почему-то был он, и мы... Одежды на нас не было. Совсем. Он знал, что делал, и я ему отвечала не менее страстно.

– Какая тебе разница? – рассердилась не на него, а на себя. Вернее, на то, что с трудом утихомирила разбушевавшиеся гормоны. Меня допрашивают, а я тут... о всяком разном думаю! Нашла же время.

– И вообще, почему ты вмешиваешься в мои дела? Бриганты – свободный народ. Пусть платим дань Дарру, но в своей стране я вольна делать, что хочу!

Хочу – бьюсь на колеснице, хочу – вредничаю! Ожидала еще одной лекции на тему: «Королева не должна вести себя безответственно», но ничего подобного он не сказал. Рука ласкала мой затылок, поднимаясь выше. Дарриец вновь коснулся щеки. Я замерла от неожиданной ласки. Уставилась на мужчину. Глаза у него были черными-черными, словно угли, лицо напряженное.

– Аэлика...

Кажется, легат собирался сказать что-то крайне личное.

– Не говори ничего! – испугалась я. – Не надо!

Вскочила на ноги. Даже если он и пал жертвой белоснеж-

ных локонов и очаровательного лица Аэлики, я не собиралась это узнавать. Меня тянуло к этому мужчине, но мы не могли быть вместе. Вовсе не из-за того, что в этом мире у нас слишком разные роли: я – королева бригаантов, он – один из даррийцев, захвативших Альбион. Нет! Я не хотела новых отношений. Никаких! Серьезных, несерьезных – это не для меня. Слишком больно было после смерти Андрея, чтобы снова на те же самые грабли!

Не послушал, сказал:

– Однажды я потерял близкого человека. Это было больно. Ты очень на нее похожа.

Пусть и ожидала чего-то подобного, но это оказался удар под дых. Вернее, апперкот, за которым последовал нокаут. Я растеряла умение дышать и связно мыслить. Подлые слезы воспользовались замешательством, полились из глаз. Разве может быть такое совпадение?! Или наоборот, это просто-напросто совпадение...

– Не плачь, – попросил легат, касаясь моей щеки. – Я не собирался тебя расстраивать. Хотел сказать, что всегда буду оберегать. Но и ты должна мне кое-что пообещать. Что бы ни случилось, ты должна выжить! – приказал он. – Оставишь любые мысли о смерти.

– А... не слишком ли много обещаний? – я решила поторговаться.

– Если почувствуешь опасность, рви цепочку моего амулета. Я приду на помощь.

Тут он меня оставил. До слуха донесся топот лошадиных копыт. В просветах между деревьями, со стороны, где началось поле, замелькали всадники. К нам, с громким гиканьем, приближался отряд бригантов. Если у кого-то и был хороший шанс умереть в ближайшем будущем, так это у легата. Почему-то мне казалось, что спастись бегством он и не подумает.

– О, боже! – воскликнула я. – Вот зачем ты меня похитил?! Спас бы и оставил на поле! Тебя бы назвали героем, а я бы тебе орден вручила...

– Хотел поговорить с глазу на глаз. Не волнуйся, я объяснюсь с твоими людьми.

– Нет уж, это я объяснюсь! – рявкнула на него. – Прошу, не вмешивайся! Дай возможность все уладить. Это – мой народ, и они послушают меня.

– Что ты собираешься сказать? – спросил мужчина и принялся выбирать из моих волос траву и хвою. Спокойными, обыденными движениями, словно делал много раз до этого.

– Правду, – ответила ему, заглядывая в глаза. Доверится или нет?! – Я скажу им правду.

– Хорошо, – сказал он.

Тут на поляне появились всадники. Королевская стража – знакомые все лица. Впрочем, не все, нервный Руэйд отсутствовал, да и ревнивый Актеон тоже. Зато суровый Прасург походил на демона-мстителя. Воины окружили нас, затем, словно спелые яблоки, посыпались с лошадей. Оружие в ру-

ках, на лицах – жажда даррийской крови.

– Стоять! – заорала я. – Всем стоять! Сейчас же! Оружие. Положить. На место!

Я не была уверена, где находилось это место. Пусть сами разбираются.

– Прасург, тебя тоже касается. И головорезам своим объясни, раз меня не понимают. Вас что, Трехликий слуха лишил? Сурдопереводчик нужен? – заорала на самых активных, кто пытался оттеснить от меня легата. Ладно, с сурдопереводчиком перестаралась, но меня услышали. Замерли растерянно. Хорошо хоть Варран молчал, как и обещал. Наблюдал за происходящим с невозмутимым выражением на лице.

Тогда я произнесла Речь. Именно так, Речь с большой буквы. Случалось, раньше выступала на пресс-конференциях перед публикой. Говорила о команде, спонсорах и планах на будущее. Тексты придумывал Пашка. Сегодняшний же экспромт превзошел все сказанное ранее. Наверное, из-за того, что он был вдохновлен тревогой за легата.

Призналась, что не справилась с управлением, из-за чего эсседа налетела на камень. От близкого контакта со вздыбленной копытами землей меня спас огромный дракон. Слава Трехликому! Не только ему, но и легату. Дальше шел спорный момент, но я была непреклонна. Даррийский посланник унес королеву, чтобы осмотреть на предмет травм и повреждений. Магия драконов столь же сильна, как и друидов. Я жива и здорова благодаря Квинту Октавию Варрану. Кто со-

мневается в моих словах – пусть идет туда, куда раньше уже ушел спонсор.

Похожую речь произнесла перед народом, вернувшись на поле для Игр. Затем, под одобрительные крики бригаантов, вручила легату огромную золотую цепь, украшенную медальоном с изображением Трехликого. Награду за спасение королевы. Увидела, как взметнулись от удивления брови даррийца. Могу представить – штука тяжеленная, золота не пожалели!

– В случае опасности разорвать будет сложно, – сказала ему, надевая украшение на шею, – но, по крайней мере, будешь помнить о вздорной королеве бригаантов.

– Не забывал о тебе ни на миг с тех пор, как увидел на острове Англси, – признался легат. Уверена, говорил искренне. Пусть он встретил принцессу Аэлику до того, как я попала в ее тело – все равно приятно!

Затем вручила Актеону награду за победу в гонке. Мужчина особой радости не проявил, но подержать меня за руку не отказался. Ну да ладно! Странная гонка получилась, скомканная! Руэйд, кстати, выжил, но вид имел перевязанный. Хоть и приложился головой о трибуну, это не помешало ему притащиться на совет старейшин. Там я пересказала свою историю в третий раз. На этот раз аудитория была настроена скептически. Наконец, когда закончила, вынесли вердикт – замуж! Причем срочно. «За Руэйда», – подал голос сводный брат. Я ухмыльнулась. Как же, размечтался!

Старейшины оказались непреклонными. Родить наследника, лучше двоих, а потом уже на колесницах гонять и с драконами посторонними летать! Если уж Руэйд не нравится... Я подтвердила – не нравится. А король караветтов Актеон не вызывает ответных чувств... Покивала – не вызывает. Тогда Вентурий! С помощью этого брака мы не только помиримся с сильным соседом, но и, вполне возможно, заключим союз с племенем децианглов – верных союзников коритан. К тому же говорят, Вентурий – мужчина хоть куда. В полном расцвете сил и так далее... Слухи о любвеобильности короля бродили по землям Альбиона вместе с его незаконнорожденными детьми. Двоих он признал, но, поговаривали, что их намного больше. Я покосилась на советников. И за этого они хотят меня выдать замуж?!

Все же не сказала старейшинам, куда им идти вместе с брачным предложением Вентурия. Они и так сегодня переволновались! Стояла у окна и смотрела, как сворачивают лагерь даррийцы. Кажется, видела фигуру легата, хотя... Разве отличишь, если он носил такую же бордовую тунику, как и остальные солдаты? Но я чувствовала, он там. И скоро уедет, а я?! И так ясно – в мою кровать всячески будут пихать короля коритан, который не замедлит явиться.

Но пока что легат был в Инсуриме. Мы встретились с ним после обеда. До этого я упросила Прасурга придержать парней из охраны, позволив остаться наедине с Варраном. Ненадолго, чтобы попрощаться. Внимательный взгляд вои-

на пробурил меня насквозь, затем без ножа вскрыл черепную коробку. Я молчала, сдерживая нервную улыбку. «Ах вот как!» – наконец пробормотал Прасург, словно понял то, что мне самой еще невдомек. Кивнул, но лицо недовольное, словно у отца, не одобрявшего выбор дочери.

Наконец после долгих сборов выехали. Легат был при полном параде, в белоснежной тунике, с тяжелым поясом, увешанным оружием, но без доспехов и сопровождения. Выглядел не менее сокрушительно, чем в первый раз, когда мы встретились. Сердце мое работало с перебоями, ускоряя бег, когда он смотрел в мою сторону. Смотрел он часто. Вернее, постоянно.

На мне тоже была мужская одежда. Не в платье же верхом ехать? Украшений я не надевала, только попросила Бретту покрасивее завязать волосы. Сказала и смутилась. Кажется, няня тоже что-то заподозрила. Женщина принесла из сада белые цветы, вплела мне в косы, которые уложила вокруг головы. Я покрутилась перед зеркалом. Нет, определенно сошла с ума! Ведь никогда не интересовалась собственной внешностью. Лишь на первые свидания с Андреем бегала красивая и в юбках. Потом решила, что если любит, то любую – даже в вечных джинсах, простых футболках и с короткой стрижкой. Теперь же хотелось хорошо выглядеть. Зачем? Пока не знала.

Легат ждал меня у входа во дворец, разговаривая с моим отрядом охраны. Выехали. Осмотрели крепостные стены

Инсурима, реконструированные с помощью даррийских мастеров. Затем пришла очередь рва и земляного вала. Поговорили о бедственном положении поселений бригантов на юго-востоке страны, страдающих от постоянных нападений ютов. Их отряды приплывали на небольших суденышках с материка. Грабили, убивали и угоняли людей в рабство. Еще при короле Кэдерине мы начали укреплять пограничные поселения, перестраивая их в крепости. Квинт Октавий предлагал еще и возвести длинную защитную стену, наподобие Аррианова Вала на севере Альбиона, что отделял даррийские завоевания от племени кальзедонов. Так им будет легче охранять нас от ставших регулярными нападений.

Я не видела в стене никаких минусов, кроме одного. Нам это влетит в копеечку! Поэтому собиралась выторговать у Наместника Альбиона послабление в налогах на время строительства. Также подумывала увеличить рынок сбыта железа, олова и меди, понизив пошлины для купцов. Пусть едут, да побольше, побольше! Одним словом, вытянем. Собиралась написать письмо в Лондиниум, но все не хватало времени. Легату о своих планах решила не сообщать. Не его юрисдикция, ведь он больше по военной части.

Затем мы отправились на строительство новой дороги из Инсурима в Эборак. Когда она будет закончена, до крепости даррийцев можно будет добраться за три часа. Конечно, если лошадь достаточно быстра.

– А на крыльях?

Оказалось, в разы быстрее. Еще не проверял, но скоро узнает. Так и сказал! Наконец поехали обратно в Инсурим. Варран рассказывал о даррийских технологиях по прокладыванию дорог. Я слушала и кивала, пока он не замолчал. Почему?! Интересно же! Оглянулась. Мы так увлеклись разговором, что не заметили, как остались без сопровождения. Прасург выполнил мою просьбу.

– Они оставили нас наедине, – объяснила удивленному мужчине. – Дали мне время еще раз поблагодарить за спасение.

– Подарок богов, – прокомментировал легат. Спешился, подошел ко мне. Я, улыбаясь, прыгнула в его распахнутые объятия. Думала, поставит на землю и отпустит. На землю-то он меня поставил, а вот отпустить и не собирался.

– Аэлика, – произнес он, заглядывая мне в лицо. – Ты – мой подарок богов! Ты появилась в моей жизни, когда в ней не осталось больше надежды.

– О чем ты? – спросила у него. Он молчал.

Сердце колотилось, билось о ребра так, что, наверное, он мог почувствовать, ведь держал меня крепко. Тут я загадала, что если меня поцелует, то... Нет, не буду, и так все ясно! Закрыла глаза, потому что вместо ответа мужская рука легла мне на затылок, затем его губы накрыли мои.

И стало все равно, похож он на Андрея или нет. Мысли исчезли, мир сузился до нас двоих, а потом и вовсе перестал существовать. Остался лишь поцелуй. В нем не было неж-

ного узнавания и постепенного привыкания, потому что мы узнали и привыкли сразу же. В нем были страсть и безумное желание, на которое откликнулись наши тела. Огонь разгорелся моментально, грозя уничтожить остатки моего разума. Хорошо хоть Квинт сохранил трезвую голову, а то у меня мозг отключился напрочь!

Застонала от разочарования, когда мужчина отстранился, но отпускать меня не спешил. Заглянул в лицо. Глаза у него – черные-черные – полыхали демоническим огнем. Прижал к себе, вздохнул. Уверена, хотел продолжения не меньше моего. Чужое сердце колотилось так же быстро, как и собственное. Я прижималась к мужской груди, позволяя гладить себя по спине. Квинт Октавий что-то шептал на языке драконов, которого я не знала. Нечестно! Наконец перешел на мой:

– Аэлика, две недели! Я вернусь через две недели. Обещай, что будешь осторожна. Не забывай об охране. Не ввязывайся в сражения. Мы здесь для того, чтобы охранять твой народ. В Эбораке остается мой трибун...

– Хорошо, – с легкостью отозвалась я. – Охрана и так пацется вокруг меня круглосуточно. Да и воевать я не собираюсь.

Я – за мир, так сказать, во всем мире. Главное, чтобы он первый не пошел на нас войной.

– И никаких колесниц! – суровым голосом приказал легат.

– Еще один! – картинно вздохнула я, вспомнив о советниках. Затем о наследниках.

Программа минимум, разработанная старейшинами: выйти замуж и родить двоих и только потом заниматься опасными видами спорта. Но как ее выполнить, если меня тянуло к мужчине, которого совет, определенно, не одобрит? Скажи им о легате, уверена, начнут рвать бороды, завывать и гневно стучать посохами. Напомнят, что дарриец Варран – недруг и захватчик из другого племени. К тому же не совсем человек.

– Не собираюсь я больше убиваться, обещаю! – вздохнула в ответ на собственные мысли.

– Аэлика!

– Честно-пречестно!

– Выезжать только под наблюдением Прасурга, – наконец сдался легат. – Желательно, чтобы правил он.

– Значит, ему доверяешь, а мне?

– Тебе тоже. Иди ко мне, еще ненадолго...

Наконец выпуталась из его объятий. Смогла произнести:

– Ты тоже постарайся, чтобы не подстрелил из кустов особо меткий лучник.

Он засмеялся. Что я такого глупого сказала? Вновь обнял меня, быстро поцеловал в губы. Пообещал. Отпустил, когда на поляне появились всадники из моей охраны.

Может, легат и доверял Прасургу, зато начальник королевской стражи не был в восторге от легата. Свое отношение не замедлил высказать сразу, как проводили даррийцев. Платочком вслед Варрану я не махала и «в светлице у окна» и не думала «садиться ждать его одна». Слишком много дел,

к тому же я знала, что он вернется ко мне, за мной. Невидимая связь, возникшая между нами, была крепче золотой цепи, что вручила ему за свое спасение. Если я – подарок богов, то он – моя плата за моральный ущерб. Меня перенесли в этот мир без спроса, но он больше не казался мне убогим и кровавым. И все потому, что здесь я встретила Квинта Октавия Варрана.

– Аэлика! – остановил меня пожилой воин по дороге в мои покои.

Хоть и наступил вечер, но я не думала расслабляться. Конечно, можно работать в зале для приемов, но мне хотелось тишины и покоя, а не надоедливого народа, постоянно сующего нос не в свое дело. Я вызвала Люция со списками дворцовых рабов. Хотела знать, кто из них родился в рабстве, был военным трофеем или же происходил из разоренных, спившихся семей. Рабов думала освободить, если, конечно, захотят. Затем оставить на тех же самых местах на королевской вилле. Опять же, если захотят. Вряд ли удастся изжить рабовладельческий строй, существовавший на Альбионе испокон веков, но... Я собиралась начать с собственного дворца. А потом – посмотрим!

К тому же начала подыскивать толкового писаря, личного секретаря и учителя даррийского языка. Несколько кандидатов уже толклись около входа в покои, потому в планах на этот вечер еще был и кастинг. А тут Прасург! Кивнула охране, чтобы оставили нас одних. Замерла у колонны, рассмат-

ривая сад. День выдался жаркий, солнечный. Хотелось искупаться и чтобы со мной рядом был Квинт Октавий. Скорее бы пролетели две недели...

– Аэлика, скажи мне, старому воину, что глаза его лгут! – начал он патетично, если не сказать поэтично. – То, что они видели, не укладывается в моей голове!

Вздохнула. Не укладывается? Может, постучать?

– И что же они видели, Прасург?

– Страстные поцелуи с даррийцем.

Нечего подглядывать, чтобы потом не удивляться!

– Быть может, я люблю новую власть, – ответила ему.

Повернулась и пошла, не собираясь ни перед кем отчитываться.

– Аэлика, я был лучшим другом твоего отца. Трехликий не дал мне детей, но ты всегда была мне как дочь, – начал он. – Я радовался, что обучение у друидов изменило тебя. Ты повзрослела и научилась держать мужчин на расстоянии. И вот опять!

– Что «опять»? – поинтересовалась у него. Как долго будут вспоминать распутное поведение Аэлики?

– И ты еще спрашиваешь?! Дракон! – громогласно возвестил Прасург. Стайка соек, облюбовавших деревья во внутреннем дворике, взмыла ввысь. Напуганный павлин, что крутился возле бассейна, издал протестующий вопль. Ну вот, распугал весь зоопарк!

– Зачем так кричать-то? Чем тебя не устраивает Квинт

Октавий Варран?

– Всем! – отрезал Прасург. – Не забывайся, Аэлика! Даррийцы – наши враги. С ними надо держать ухо остро, а сердце – на замке.

– Я так не думаю...

– Но так и есть! – перебил он. – Одно неверное движение, не угоди мы Наместнику Альбиона, и он натравит на нас Девятый Легион. И поведет его... Кто? Ответь мне, королева Аэлика!

Я промолчала. Прасург был прав. Если начнется война с даррийцами, командовать армией будет Квинт Октавий Варран. Что я знала о легате, кроме слов и поцелуев? Ничего! Могла ли быть уверенной, что он поддержит меня, предав интересы своей страны? Смешно!

– Тебе надо думать о замужестве, а не о развлечениях. Если уж так хочется, – воин поморщился, – раздели с ним постель, но слухи о вашей связи не должны выйти за пределы твоей спальни. Затем выкинь его из головы.

– И кого мне туда засунуть? В голову-то? – спросила с усмешкой. – Уж не Вентурия ли, с выводком незаконнорожденных детей?

Настроение испортилось окончательно.

– Если не нравится коританин, так выбери достойного из бригаантов! Чем тебе не угодили мужчины собственного племени? Хочешь, подыщу лучшего среди воинов?

– Не надо, – отозвалась я. На вкус и цвет, как говорится,

фломастеры разные.

– Тогда созови Игры, – гнул свою линию Прасург, – и пусть золотой торк короля получит достойнейший, отмеченный богами.

– Отмеченный богами, говоришь? – усмехнулась я. Боги в этом мире «отмечали» людей исключительно с подачи Гахарита. Не сомневаюсь, в снах друида, расцвеченных вайдой, на королевском троне сидел Вентурий.

– Я подумаю. Сейчас же мне надо идти. Благодарю тебя, что был другом моего отца, а теперь заботишься обо мне.

Попрощалась и отправилась по своим делам. Замуж я не собиралась, потому что единственный, кто не оставил меня равнодушной, не прошел бы фейс-контроль племени.

Глава 13

Откормленный черный кот с глухим стуком соскочил с подоконника. Лениво прошел через комнату, примерился, подсобрался и запрыгнул на колени Наместнику Альбиона, одетому в белую тогу с пурпурной полосой. Улыбка на миг украсила властное мужское лицо с внушительным мясистым носом и полными губами.

– Ну же, Гораций, нашел время! Бездельник, – пожурил Публий питомца глубоким, бархатным голосом, но скинуть – не скинул. Позволил улечься поудобнее. Рука, украшенная золотыми перстнями, погладила кота по толстому боку, почесала за ухом. Наместник вновь склонился над картой, на которой красными чернилами были отмечены границы территорий племен Альбиона. – К Хаосу все! – пробормотал Публий, откидывая лист пергамента. Последние донесения лишили его покоя.

Он уставился в окно, за которым жил своей жизнью город. Уже не такой грязный и вонючий, каким увиделся в день приезда. Публий многое перестроил за полтора года. Оставалось отслужить столько же, и тогда одна из трирем, охранявшая суетливый порт, полный торговых кораблей, отвезет его домой. В Дарр! Вечный Город – не чета этому сараю Лондиниуму!

Первым делом Публий забраковал дворец предыдущего

наместника. Приказал построить двухэтажную виллу на холме вдали от центра – стены украшены изображениями богов, комнаты обставлены изящной мебелью из красного дерева. Затем велел рабам и слугам снести все лачуги в округе, чтобы жилища местного населения – Лондиниум стоял на землях триноваров – не портили вид из окна. Теперь он мог любоваться высокими и красивыми домами купцов и знати, построенными на даррийский манер, с портиками и галереями, арками и колоннами. Вдалеке виднелся форум и величественный храм Митры, главного бога его племени. У реки возвышался внушительный амфитеатр для игр и гладиаторских боев. Конечно, до Дарра далеко... Пусть Альбион – часть Великой Даррийской Империи, но Пятнадцатая Провинция – такое захолустье!

Публий вздохнул. Видят Боги, он не имел права жаловаться. Из-за дворцовых интриг он оказался в немилости и едва не был казнен. Нашлись те, кто заступился за молодого сенатора, который играл, но проиграл, поставив не на ту партию. Теперь ему приходилось довольствоваться жалкими крохами власти в бедной провинции. Но когда срок службы подойдет к концу, он вернется, и тогда...

В дверь постучали.

– Входи же, Варран! Входи, мой друг, – возвестил наместник, кивнув высокому подтянутому мужчине, одетому на солдатский манер: бордовую тунику до колен и шерстяной плащ.

Оружие в этой стране носили все. Всегда. С оружием спали, с оружием ели. Полвека назад восстали ицены, к которым примкнуло еще несколько племен. В затяжной войне погибли почти весь Девятый и Десятый легионы, но даррийцы подавили восстание. Несмотря на последовавшие жестокие расправы, на Альбионе до сих пор было беспокойно.

– Прости, не могу подняться, чтобы поприветствовать тебя как следует. Посмотри на это наглое животное, – наместник почесал питомца за ухом. – Гораций, у нас гости! – мужчина ласково ткнул кота в толстый бок, но тот зажмурился и сделал вид, что умер.

– Как видишь, меня взяли в плен, – усмехнулся наместник. – Но проходи же, мой друг, чувствуй себя как дома.

– Благодарю, Публий! – произнес легат, не отреагировав на «друга». Подошел, сел за стол, уставился на карту.

– Альбион, – прокомментировал Публий. – Ничтожная крупичка в песке даррийских земель. А мы с тобой – лишь точки вот здесь, – мужчина постучал указательным пальцем с золотом перстнем по юго-восточной части острова.

– Ты вызвал меня, чтобы поговорить о строении мироздания? Или показать карту провинции? – отозвался легат спокойным, даже безразличным голосом.

– Как прошла поездка? Все ли племена выказали достаточно уважения и преклонились перед властью императора? – спросил Публий, переводя разговор, раз собеседник не был настроен на философские беседы.

– Я подробно изложил увиденное в отчете. Уверен, ты читал его.

– Читал, – согласился Наместник, – но мне мало сухих фактов. Я бы хотел узнать твои личные впечатления.

– Они полностью совпадают с изложенным. Я спешу, Публий! Если нет веской причины меня задерживать, позволь тебя покинуть. Этим вечером я возвращаюсь в Эборак.

– Эборак, Эборак... Дыра на краю Хаоса! – поморщился Публий. – Ты всегда спешишь, милый друг. Остайся, выпьем вина, поговорим о старых добрых временах. Нам ведь есть что вспомнить.

– Я бы многое отдал, чтобы забыть, – холодно отозвался легат.

Публий покачал головой. Варран раздражал его со времен совместной учебы в Академии. Затем они стали соперниками в Сенате, а теперь вместе оказались в захолустье Даррийской Империи. С какой бы стороны ни пытался он подбратиться к легату, каждый раз натыкался на стену вежливых, безличных ответов. Хотя после того, что довелось пережить Варрану...

– Бедный, бедный друг! Но послушай, у меня новые рабыни. Две малышки из Ниберии. Дикие, словно неприрученные кобылицы. Им едва исполнилось тринадцать. Быть может, с ними ты сможешь забыть о Ливии?..

– Не надо, Публий! – ответил легат. – Такие развлечения меня не интересуют. Позволь уйти.

Не дожидаясь разрешения, мужчина встал. Рукоять меча-гладиуса стукнула о край стола. Публий поморщился. Он не любил военных, поэтому избрал политическую карьеру. Почти выиграл, дойдя до самого верха, но... все же проиграл.

– Из тебя плохой собеседник, Варран. Мы едва ли не единственные на Альбионе из нашего племени. Могли бы поговорить или же полетать вместе.

Легат не ответил. Склонил голову, прощаясь, и отправился к выходу. Публию это не понравилось. Старый знакомый опять забылся. Пусть его род знатнее и богаче, но они-то не в Дарре! Здесь, на Альбионе, именно Публий был Наместником, чью волю должен исполнять легат Квинт Октавий Варран.

– Вернись, Варран! – резкий оклик остановил Варрана в дверях. – Игры в гостеприимство закончились. Я вызвал тебя для серьезного разговора. Речь пойдет о молодой королеве бригантов. Ты встречался с ней?

– Да.

– Что ты думаешь об Аэлике?

– Все изложено в отчете.

– В нем ты все так же скуп и скучен, дорогой легат! Я хочу узнать твоё мнение. Насколько королева верна мирному договору?

– Публий, у меня не было повода усомниться в лояльности молодой королевы.

– Женщины коварны, милый друг, – с усмешкой произнес наместник. Потряс за голову кота, словно тот пытался обмануть бдительное око даррийской власти. – Они лживы и во всем ищут свою выгоду.

– Ты заблуждаешься, Публий, но сейчас не время для такого разговора.

– Твой идеальный брак не научил тебя видеть истинную природу женщин. Большинство из них, – поправил себя наместник. – Не злись, Варран! Я знаю, что Ливия была твоей Парой и ваш брак осветили боги.

– К чему этот разговор, Публий?

– Мне жаль, что твоя жена погибла, но...

– Ее убили, – оборвал его Варран. – Не будем об этом! Королева Аэлика верна императору. Твои подозрения безосновательны. Мне больше нечего добавить.

Он вновь взялся за ручку двери, но его остановил вкрадчивый голос Публия:

– Тогда добавлю я, легат Квинт Октавий Варран! Военный союз четырех сильнейших племен Альбиона. Что скажешь об этом?

– Если только в твоих кошмарах, Публий Тацит.

– Возможно! – усмехнулся наместник. – Но лучше быть подозрительным даррийцем, чем мертвым. Сердцем чувствую, что-то назревает прямо у тебя под носом, легат! Всего лишь в паре часов от дорогого тебе Эборака встречались короли коритан, караветтов и децианглов. И где?.. Во дворце

бригантов, построенном на деньги императора!

– Откуда такие сведения?

– Доверенное лицо при королевском дворе. Впрочем, не твое дело. У меня свои методы, у тебя свои. Их встреча состоялась. Почти не сомневаюсь, для сговора против даррийцев. Скажи мне, Варран, неужели ее игра была настолько убедительна?

– Ты не прав, Публий! Это не заговор, а...

– Брачные игры вокруг молодой королевы? Вполне возможно. Но вот что я тебе скажу... Гораций, разбойник, пойдди вон!

Наместник попытался столкнуть кота, но тот не собирался покидать гостеприимные колени.

– Хаос с тобой! – смирился наместник, оставив в покое питомца. Дотянулся до свитка на краю стола, развернул. – Посмотри, дорогой друг, какая вырисовывается картина. Твой собственный отчет. Бриганты – сто тысяч копий, караветты – пятьдесят, децианглы и коритане – по семьдесят с каждого племени. Друиды Англси прилюдно поклялись в верности Аэлике. Это как минимум полтысячи боевых посохов. Если позволить племенам объединиться, новое восстание по численности превзойдет...

– Тебе везде видятся враги, Публий. Или соскучился по войне?

– Наоборот, легат, наоборот! Мне служить еще полтора года, и я хочу провести их в своем дворце, а не преследовать

варваров по их варварской стране. К тому же, если против твоего легиона выступит армия в четыреста тысяч копий... – Публий поморщился. – Вполне возможно, что наши отрезанные головы украсят ворота какого-нибудь местного городишки. Как тебе такая перспектива?

Легат усмехнулся, но ничего не ответил. Вернулся, сел за стол.

– Так вот, Варран! Если королева умна, а судя по твоему отчету, так оно и есть, она заключит подобный союз. Глупо не использовать такую возможность! Допустим, она пока еще лояльна, но если на трон сядет ее избранник... Которым, думаю, станет Вентурий, – наместник вновь зарылся в бумаги. – Ее сводный брат никуда не годится. Актеон из караветтов слишком долго ее добивался, так что вряд ли уже получит положительный ответ. Король децианглов женат, но у него есть малолетний сын. Слишком мал, чтобы составить конкуренцию Вентурию.

– Это решать Аэликке.

– Мы не должны допустить, чтобы король Вентурий получил корону бригантов.

– Торк, – поправил его легат.

– Что?

– У них нет корон. Короли носят золотое украшение на шее.

– Да хоть на поясе, – поморщился наместник. – Варвары, Гораций, – обратился он к коту. – Что с них взять!

Кот презрительно дернул усами.

– Вентурий на троне бригаантов – это гарантированная война, дорогой легат! – продолжал наместник. – Коританин ненавидит даррийцев, но сидит в своих болотах и молчит. Он осторожен и хитер, собака! Режет моих шпионов, как сви-ней. Если встанет во главе союза племен...

– Я встречался с Вентурием, – произнес легат. – Согласен, он не внушает доверия.

Наместник взглянул на собеседника с удивлением. Ему показалось, что в сказанном был намек на эмоции. Неужели?

– Рад, что хоть на этот раз ты согласен, Варран! Вот что я думаю... Не поучаствовать ли даррийцам в брачных играх вокруг молодой королевы?

– И кто, по-твоему, с нашей стороны будет претендовать на трон бригаантов?

– Говорят, она красива, – наместник легкими движениями поглаживал кота. Тот довольно урчал. – Легкомысленна, сладострастна. Слухи о ее увлечениях достались мне с бумагами предыдущего наместника. Я бы не отказался от такой... королевы на полтора года.

– Юлии это не понравится, – произнес легат. Голос прозвучал резко. Слишком резко для человека, привыкшего не выдавать эмоции. – Ее отец тоже не будет в восторге.

Наместник поймал себя на мысли, что нащупал слабое место в защите собеседника. Звалось оно «королева бригаантов Аэлика». Забавно.

– Моя жена неплохо развлекается в Дарре, пока я прозябаю в паршивой провинции, – пожаловался он собеседнику. – Думаешь, не знаю?! Если уж я контролирую Альбион, то, поверь, в курсе того, что происходит в моем собственном доме. Список ее любовников внушает уважение не только звучными именами, но и их количеством.

– Публий, мне жаль, что так вышло с Юлией, но это не значит, что...

Наместник пожал плечами.

– Ее отец спас меня, заступившись перед императором. За это я расплатился свободой. Но ты прав, он не одобрит второго брака. Меня ждет Дарр и Сенат, в котором отец Юлии имеет солидную поддержку. Так что, к великому сожалению, моя кандидатура отпадает. Придется довольствоваться скромными развлечениями в собственном дворце. – Публий довольно улыбнулся. – Но вернемся к нашему разговору, Варран. До меня дошли интересные слухи. Королева Аэлика интересовалась тобой. Расспрашивала, женат ты или нет. Что на это скажешь?

– Ты же знаешь, что я скажу.

– Как всегда, ничего, – картинно вздохнул наместник, – но лучшего кандидата мне не найти. Я знаю о твоих разногласиях с императором и то, что ты останешься на Альбионе после окончания службы.

– Ты всегда знал слишком многое, Публий. Даже то, что тебя не касается.

– Твоей жены и ребенка нет в живых. Так что будь добр, послужи Даррии! Это еще не приказ, а дружеская просьба. Зато я буду уверен, что север Альбиона не взбунтуется, если на троне рядом с Аэликой будешь сидеть именно ты.

– Думаешь, император оценит мои старания? – усмехнулся легат.

– Уверяю, в рапорте я не поскуплюсь на похвалы. Вечный Город узнает о преданном гражданине, верой и правдой служащем императору!

– Публий, меня не волнует его мнение. Я не вернусь в Дарр, пока правит Авелий.

Наместник поморщился. Последний император убил предшественника, затем купил верность преторианцев и с их помощью сел на трон. Но говорить об этом Публий считал неблагоразумным. Опасно. Те, кто имел смелость возмутиться, были казнены или сосланы в отдаленные провинции, как они с Варраном.

– Бриганты будут против этого брака, – сменил тему легат. – Старейшины не сдадутся без боя. Друиды не примут того, кто не поклоняется их богам.

– Тебе ли бояться подобных сражений? – начал Публий. – Ты воевал в Третьей Провинции, брал штурмом города Четвертой. Теперь лишь надо взять штурмом сердце варварской королевы.

Мужчина кивнул.

– Но... Ты согласен?!

– Ты спрашиваешь так, словно мы с избранницей стоим у алтаря Митры и жрец готов благословить наш брак. Даже если я согласен, выбор будет за Аэликой.

– Но ты согласен?

– Да, – коротко ответил мужчина.

– Ну что же, – наместник довольно откинулся на спинку стула, едва сдерживая торжествующую улыбку. А ведь хороший день, и боги благосклонны! Надо отнести вино и фрукты в храм Митры и не забыть о щедром пожертвовании. Наместник готовился к тому, что на Варрана придется давить, увещевать, подкупать. Приказывать, в конце концов, а тут... Легат согласился! Слишком просто. Подозрительно быстро.

– В этом деле боги на нашей стороне, – возвестил наместник. – Не забывай о подарках, мой друг. Побольше лести... Лесть – верное оружие, способное растопить женское сердце.

Легат в удивлении поднял брови.

– Уж не решил ли ты, Публий Тацит, научить меня обращаться с женщинами?! – поинтересовался он. – Неужели твой опыт настолько велик, что его можно передавать другим?

– Прости, мой друг, увлекся! – усмехнулся наместник. Он считал, что с женщинами обращаться легче легкого. Неприступные даррийские красотки одна за другой падали в его руки. Пускали в спальни, скидывая изысканные платья. – Если королева будет к тебе благосклонна, то старейшин подкупим, на друидов – надавим. Назови любую сумму, что по-

требуется, и я выдам из казны...

– Я сообщу. Позволь идти?

Не дожидаясь ответа, поднялся.

– Знаешь, Варран, я поражен твоей преданностью. После того что произошло с твоей семьей, ты все еще верен Дарри...

Легат замер, словно наткнулся на невидимую стену.

– Друг мой?! Прости, если я забылся.

– Аэлика! – внезапно легат бросился к распахнутому окну. Прыгнул не раздумывая. На миг раньше, чем распахнулись в воздухе огромные крылья, на пол упал тяжелый солдатский пояс с оружием. Наместник в недоумении уставился на кинжал и гладиус в металлических, украшенных резьбой, ножнах. Боги, подарив его племени вторую испостись, не позволяли при превращении брать с собой оружие. Только одежду.

– Однако какая экспрессия, Гораций! – задумчиво произнес Публий, обращаясь к коту. – Подозреваю, мы что-то упускаем из виду, мой пушистый друг! И это меня нервирует. Люблю, знаешь ли, быть в курсе. Пожалуй, нам стоит взглянуть на королеву бригантов. Пригласим-ка ее в Лондиниум, Гораций! Ты сможешь полежать на царственных коленках. Если они настолько красивы, как ходят слухи, и я не откажусь. А потом заставим ее выйти за Варрана. Как думаешь?

Кот зевнул, затем мяукнул, выпуская когти. Наместник

Публий Тацит решил, что это хороший знак.

Глава 14

Он присылал подарки с купцами, прибывавшими в Инсурим. Диковинки, способные поразить мое воображение так же, как, подозреваю, поразили его. Конечно, человек двадцать первого века, привыкшего к вседоступности, сложно было удивить, но Варрану это удалось. Ткани, купленные в столице децианглов, с вышивкой столь изысканной, что, казалось, рисунок нанесен на заводском оборудовании... Украшения из земель иценов, славящихся на весь Альбион мастерством своих ювелиров. Квинт Октавий подарил мне заколку-фибулу, серьги и кольца. Золотые, в виде переплетенных ветвей дуба, в очертании которых угадывались соединенные ладони. Уверена, легат хотел сказать, что сучает. Не меньше, чем и я.

Писем не писал, прилагал лишь лист пергамента с размашистой подписью и цифрой на нем. Лаконично! Думаю, знал, что бриганты не имеют собственной письменности, поэтому не захотел обижать меня даррийскими буквами. А вот цифры... Я разгадала ребус. В каждой он сообщал, сколько дней оставалось до возвращения.

Из Лондиниума, даррийской столицы на землях Британии, Квинт Октавий прислал рабыню. Мне никогда еще не дарили людей! Девочка из Дакии, смуглая и темноволосая, походила на маленькую цыганочку. Звали ее Мара, ей было

девять. Говорила она на языке Альбиона так же плохо, как и я на даррийском. Поэтому мы общались... со смехом. Оказалось, девочка восхитительно поет. Глубоким, звучным, непохожим на детский, голосом она выводила песни жарких степей родины. Я была поражена, ошеломлена, даже втихую всплакнула, как и некоторые старейшины, украдкой засопевшие в бороды.

Мару я освободила и оставила подле себя. Привязалась к ней, словно к младшей сестренке, которой отродясь не имела. В детстве мечтала, теперь вот... таскала везде за собой. С помощью нового секретаря, полударрийца-полубриганта Марка, выяснила, что девочка попала в плен два года назад. Восстание в Дакии было подавлено, отец убит, с матерью ее разлучили. Пройдя невольничий рынок, Мара попала в дом сенатора. Пару месяцев назад ее отправили в подарок Публию Тациту. Наместник Альбиона любил диковинки, но ею не заинтересовался. Мара оказалась слишком юна. «Грудь не выросла», – пожаловалась девочка. Из-за этого прискорбного факта она вновь оказалась на невольничьем рынке, но уже Лондиниума.

Козел, однако, этот наместник! С другой стороны, хорошо, что не выросла, а то девочка не попала бы на глаза Квинта Октавия Варрана, а потом во дворец бригантов. Я пообещала Маре, когда... все вырастет, выдать замуж за одного из воинов или друидов. За того, кого выберет она и кто выберет ее.

– Можно за Ангуса? – зевнула девочка, устраиваясь поудобнее в кровати рядом со мной. Спали мы вместе, немного потеснив Бретту. Такое вот женское царство, в котором самая юная из цариц влюбилась в молодого друида! Забавно было наблюдать, с каким обожанием Мара смотрела на мужчину в белом одеянии, который видел в ней лишь малышку. Ничего, немного подрастет, и тогда... Я не сомневалась, что Мара поразит его воображение. Темноволосая, смуглая девчушка обещала превратиться в экзотический цветок среди светловолосых и белолицых бригаентов.

– Конечно, можно, – вздохнула я. – Если он полюбит тебя в ответ.

– Полюбит! – заверила Мара. Вскоре мы уже говорили с ней на ужасной смеси двух языков, но отлично понимали друг друга. – Как только грудь вырастет, так обязательно полюбит!

Девочка еще раз зевнула, поцеловала меня в щеку, повернулась на бок и заснула. Мне бы ее уверенность! У меня давно уже... все выросло, и тоже интересовал лишь один мужчина, при виде которого сердце тревожно замирало в груди. Я помнила сладость его поцелуев, носила его подарки, но... Ни в чем не была уверена. Набралась наглости и спросила у Люция, не женат ли легат. Оказалось, вдовец. Увидев, как загорелись глаза виллана, и выслушав хвалебную оду красоте и мужественности Квинта Октавия, в ужасе сбежала. Как бы даррийские граждане не вышли к дворцу с плакатами «Вы-

ходи за Варрана!». Подозреваю, тогда не только в головах старейшин, но и в стране случатся волнения. Хотя, может, ну их к демонам эти волнения! И старейшин, и новых женихов, которые не замедлили явиться...

В Инсурим вскоре прибыло посольство коритан во главе с Вентурием. Приехал он не один, а в сопровождении давнего друга, короля децианглов Бренна. Хорошая подобралась компания, трое королей на одну незамужнюю королеву! И вся эта компания, в присутствии Верховного Друида Англси, поклялась друг другу в вечной дружбе и военной поддержке. Речь шла об участвовавших в нападениях ютов и о загадочных кальзедонах, которые сидят за Арриановым Валом и непонятно что думают. Мало ли, решат захватить мир, начав с Альбиона? Про даррийцев мы не говорили, но я чувствовала повисшее в воздухе напряжение.

Встала с трона и во всеуслышание заявила, что против Даррии бриганты не пойдут, даже если в войну ввяжутся наши союзники. Нового кровавого восстания иценов во время моего правления не будет! Кто не согласен – выход вперед и направо. Села, отдышалась, прислушиваясь к установившейся тревожной тишине. Ну и пусть, пусть! Пусть не будет союза племен, но воевать мы не станем. Тут услышала одобрительные вопли, топот и свист. Кажется, большинство меня поддержало. Я видела, как кивнул Бренн, поглаживая внушительную рыжую бороду, как произнес слова согласия Актеон. Вот и чудненько, вот и ладненько!.. Оставался лишь

Вентурий.

– Воевать с даррийцами не будем. Пока не будем, Аэлика! – склонился ко мне король коритан. – Но когда к нашему союзу примкнут все племена Альбиона, мы поговорим об этом еще раз.

– Мечтать не вредно, Вентурий! – ответила ему, но насторожилась. С трудом выловила из воспоминаний, разукрашенных дурманом вайды, военный поход за угнанным скотом и нашу первую встречу. Кажется, Вентурий обещал Альбион у моих ног в обмен на мою руку, сердце и прочие части тела. Не о союзе ли всех племен Альбиона шла речь? Со мной, вернее, моим мужем, королем бригантов и коритан Вентурием во главе? Напрямую спрашивать не стала, решив присмотреться.

Заключили договор. Бренн, король децианглов, заторопился домой. Рыжебородый весельчак вскользь упомянул о сыне-подростке, еще не вошедшем в брачный возраст. Но, кинув взгляд на Вентурия, добавил, что, ясное дело, не дождусь. Я пожалала плечами. Вентурий, конечно, хорош, колоритен, обаятелен. Ходил в шкуре невинно убиенного медведя, сыпал направо-налево золотом и драгоценностями. Привез в подарок еще одного медведя. Вернее, двухмесячного медвежонка. Маре малыш понравился, она назвала его Бартек. Играла, как со щенком, правда, под присмотром Ангуса.

По утрам Вентурий тренировался с моими воинами. Затем присоединялся к Прасургу, гонявшему меня по двору,

натаскивая в умении владеть мечом и щитом. Кидать копье у меня не выходило – слишком тяжелое. Дротики еще более-менее... Затем подгоняли мою эсседу. Частенько вместо Прасурга рядом со мной выезжал Вентурий, все норовя прижаться на полном ходу, не скрывая охватывавшего возбуждения от моей близости. Мне это даже льстило. Немного.

Он был мне симпатичен, но... Было одно большое «но», до приезда которого оставалось целых пять дней. Как тут выдержать, если моя охрана, словно застенчивые девственницы, в присутствии Вентурия пряталась по кустам и за деревьями, когда выезжали на охоту, стараясь оставить нас одних? Лишь верный Ангус все так же сопровождал меня, не боясь уничижительных взглядов Вентурия и зычного шепота: «Сгинь, друид!»

Вентурий рук не распускал, хоть на этом спасибо! Веселил охотничьими байками, пугал страшными рассказами о кровавых битвах и поверженных врагах. Делал комплименты, не косясь на седобородого старца-ватта, словно придумал их сам и шли они от чистого сердца. Он был хорош. Но не мой. Не для меня.

Впрочем, Актеон тоже домой не собирался, словно переехал к нам на ПМЖ, да и Руэйд крутился рядом, усиленно запивая вином неудачу на гонках. Повязки сняли, но трезветь сводный брат не собирался. Подозреваю, переживал, что корона уплывает из рук, делая уверенные гребки в противоположную сторону. Из-за этого братец вел себя безоб-

разно, устраивая мерзкие сцены, за что получил пару раз от меня, а однажды – посохом от Ангуса. Я изумилась, когда из набалдашника вылетел ярко-голубой луч, отправив братца в нирвану, вернее, обездвижил на несколько минут.

Руэйд очнулся и затаил злобу. На Ангуса, на меня, на окружающий мир. Мешался везде – на плацу, в тронном зале, где я, вместе с законниками, разбирала спорные дела; на встречах с купцами и представителями ремесленных цехов. Устроил пьяный дебош, когда объезжала с Верховным Друидом ближайшие города, в которых собиралась построить лечебницы, призвав на практику молодых друидов с Англси.

Не сомневаюсь, именно он подлил яд в мой кубок на пирю! Я, улыбаясь комплиментам, купалась в мужском внимании. Короли вновь пошли в атаку. Актеон сидел справа, Вентурий – на привычном месте слева, со стороны сердца. Не я сказала, сам придумал!

Я же размышляла о поездке. Верховный мою задумку одобрил, обещал прислать лекарей, но я понимала, что лечебницы, как и защитная стена вместе со строительством укреплений, влетят нам в копеечку. Размышляла о письме Наместнику, думала, как бы половчее попросить послабления в налогах. Сделала первый и единственный глоток, на секунду отметив, что кубок подал новый виночерпий, и... острая боль пронзила живот, лишив дара речи. Я выронила кубок, чувствуя, как нечто чужеродное и враждебное парализует тело, словно сжимающиеся щупальца гигантского

спрута.

– Руэйд, как ты мог! – выдавила из себя.

Меня подхватил растерянный Вентурий. Увидела, как кинулся в мою сторону Ангус. В глазах друида застыл испуг. Хотела успокоить его, но теряла сознание. Тьма, словно обезболивающее, накатывала, накрывая с головой, унося в мир, где больше ничего нет. Подумала о Варране. Легат расстроится, узнав, что я умерла, не дождавшись его возвращения. Судорожно вцепилась в подаренную цепочку, пытаюсь разорвать, но понимала, что не успеет, даже если позову на помощь.

Затем... Затем я металась между мирами. Лежала на полу тронного зала, где надо мной склонились друиды, а на их спины налегал встревоженный народ. Вновь уходила за Предел, но меня возвращали: испуганный Ангус, сосредоточенный Гахарит и всклокоченный старец – Верховный. Из рук друидов лился огонь, затекал в область груди, стараясь выжечь то, что убивало меня изнутри. Я слышала умоляющий шепот Ангуса. Он просил меня держаться, не сдаваться, не уходить. Выжить.

Я боролась. Хотела сказать ему об этом, но не смогла. Тело одеревенело, из горла вырвался лишь стон. Все равно не сдамся! В этом мире у меня было все: и Квинт Октавий Варран, и почти вся моя команда, которую я разглядела в бригадах, и Мара, и старая Бретта, и даже старик Верховный, по прыти не уступавший молодым. Но тьма вновь уволаки-

вала в мир, где влажный майский вечер хлестал дождем по ветровому стеклу, где мощно гудел мотор «Субару», а я сжимала спортивный руль, заходя в поворот у Ведьминой Петли. Нет!.. Только не туда! Я не хочу в мир, в котором умерли все, кто мне дорог!

И вновь – тьма и холод перехода. Задышала резко, увидев сосредоточенного Гахарита, седую бороду Верховного и Ангуса, по лицу которого стекал пот. Сквозь гомон голосов различила плач Мары и крики Руэйда, уверявшего, что он не виноват. Ему ответили звоном оружия.

– Я наложил на нее заклинание одеревенения, – говорил старец. Его рука касалась моего лба. – Сила Великого Дуба держит ее в этом мире, но яд силен. Он не из Альбиона. Я не знаю, чем ее отравили...

– Друид, сделай что-нибудь! – голос Актеона был полон отчаяния.

– Успокойся, караветт! – прозвучал рык Вентурия. – Ее спасут. Поняли, друиды?! Спасут!

Хотела улыбнуться, но не смогла. Кажется, если не спасут, то врачам придется туго.

– В Святилище! – приказал Верховный. – Принесем жертвы Трехликому, он исцелит ее.

– Повозку, сейчас же! – от вопля Прасурга завибрировал тронный зал. – Я понесу королеву.

У него оказалось много конкурентов. Около моего тела образовалась давка, чуть не закончившаяся потасовкой. Вы-

играл Вентурий. Нес меня, прижимая к себе. Уложил на повозку, которой и правил. В хижине Святилища положил на землю, после чего Гахарит приказал ему убираться. И народ увести, оставив друидов и королеву наедине с Трехликим.

Надо мной вновь склонились друиды. Я чувствовала жар от прикосновений рук Верховного, затем крынку с горьким зельем, которую Гахарит прижимал к моим губам, уговаривая выпить. Сделала несколько глотков, после чего меня долго выворачивало наружу. Вернулась резкая боль в животе, от которой не спасало тепло рук Ангуса.

Затем лежала, проваливаясь то в сон, то в беспамятство. Чувствовала холод земли под спиной и как на меня лили кровь жертвенного животного. Капли падали на лицо, шею и грудь. Хотела увернуться, но не могла. Затем что-то произошло. Послышался шум за стенами, звуки открывающейся двери и взволнованные голоса. Друиды, прервав ритуал, вышли наружу. Вновь голоса, среди них один знакомый... Он все же услышал! Пришел за мной, но друиды не собирались меня отдавать.

– Что с ней? – раздался голос Квинта Октавия.

– Уходи, дракон! Не твое дело! – кажется, Ангус. Голос молодого друида подрагивал от напряжения.

– Что с ней, я спрашиваю!

Легат уже не спрашивал, а приказывал тоном, не терпящим возражений. Мне захотелось встать, выйти и отчитаться. Не смогла. Сломалась на пункте «встать».

– Ее жизнь в руках ее Бога, – ответил спокойный голос Верховного.

– Я спросил, что с ней, друид?! Ранена? Разбилась на колеснице?

Конечно, что еще он мог подумать?!

– Отравили, – ответил Гахарит.

Дело все же дошло до рукоприкладства, потому что Варран попытался войти в хижину. Я услышала звуки разрядов из посохов и последовавшие за ними глухие удары. Кто-то застонал, врезавшись в хижину, а затем сполз по стене на землю. Нет, это просто невозможно! Вновь попыталась встать, но не смогла. Черт!

– Прекратите! – раздался рык Верховного. – Гахарит, убери посох. Успеешь еще...

– Я забираю ее.

– Забирай.

– Но, Верховный! – завопили в один голос друиды.

– Ты – старый пень, Гахарит! – возвестил Верховный. – А ты, Ангус, – молодой!

Я не удержалась от смешка, который вызвал новый приступ боли. Что это нашло на Верховного?

– Так ничего и не поняли? Как были дубами на Англси, так ими и остались! – буйствовал старец. – Учил я вас, идиотов, учил...

Я жаждала объяснений, но вместо этого дождалась, как меня подхватили на руки.

– Аэлика! – шепнул в ухо легат, быстро поцеловав в висок. – Скоро! Потерпи немного.

Вышел со мной наружу. Я нашла силы, чтобы открыть глаза. Надо же, вечер, и звезды на чистом небе, и две луны, к которым стала уже привыкать.

– Теперь улетай, дарриец! – проговорил Верховный. – Вернешь ее завтра, к закату. Я буду ждать в Святилище. Если опоздаешь...

«Превратишься в тыкву», – хотела добавить, но не смогла.

– Не опоздаю.

– ...или же королева умрет у тебя на руках... – в голосе прозвучала угроза.

– Если она умрет, – раздался спокойный голос Варрана, – то я уйду за ней.

Я растерялась, но решила, что ослышалась.

– Но она не умрет, не позволю, – добавил мужчина.

Затем сразу же очутилась в воздухе, опять прозевав момент перевоплощения. Как он это делает! Заработали мощные крылья, унося навстречу ночному ветру. Кажется, я опять потеряла сознание. Или заснула. Не знаю, никогда не спала в самолетах!

Очнулась от запаха, такого сладкого и тяжелого, что, казалось, лежала посреди поля благовоний. Аромат окутывал с ног до головы, щекотал нос и резал глаза. Не удержавшись, чихнула. Открыла глаза, уставилась в полумрак. Собравшись с силами, повернула голову. Я лежала на каменном возвы-

шении в темном просторном помещении, освещенном мерцанием далеких факелов. Справа и слева убегали в темноту массивные мраморные колонны. Рядом полукругом были расставлены бронзовые чаши, из которых поднимался дымок благовоний.

Странно, как я сюда попала? Последнее, что помнила, – ночь, ветер и шум крыльев. А тут... Такое чувство, что находилась в храме, причем лежала на алтаре.

– Очнулась? – услышала встревоженный голос Квинта Октавия. Мужчина склонился надо мной. Его лицо выглядело сосредоточенным, даже отрешенным. В полумраке черты казались жестче, строже. Он выглядел старше, чем я помнила. Хотя что я знала о нем? Ни сколько ему лет, ни... Ничего! – Как ты себя чувствуешь?

– Жива, – прошептала в ответ. – Сил нет совсем, но уже не так больно.

Попыталась поднять руку. Удалось с третьей попытки.

– Хорошо, – отозвался мужчина. Кроме его присутствия, ничего хорошего в происходящем я не видела. – Скоро все закончится. Тебе станет лучше.

– Где мы? – спросила у него, потому что не могла отделаться от мысли, что лежу на алтаре. – Что закончится?

– В святилище Митры. Это бог моего племени. Что бы ни происходило и что бы я ни делал – не бойся. Так надо, – предупредил мужчина.

Хотела сказать, что давно уже ничего не боюсь. Тем более

рядом с ним. Квинт Октавий легко прикоснулся к моему лбу, шее, запястьям. Его пальцы пахли мускусом. Затем в руке блеснул кинжал, и мне стало не по себе. Легат провел лезвием по своему запястью. Затем по моему, на что я ответила протестующим стоном. Соединил наши руки, смешивая кровь. Место пореза отозвалось огнем, затем жар побежал по венам, словно кровь дракона, смешиваясь с моей, брала в плен тело, выжигала яд, придавала сил. Я чувствовала себя в крайней степени странно. Легко, словно очутилась в неведомости. Вскоре даже боль прошла, и я захотела встать.

– Не сейчас, – попросил Квинт Октавий, удерживая меня на алтаре. – Подожди немного.

В тишине раздался голос. Сильный, звучный, он заполнял собой пространство храма, уносился ввысь под потолок, теряясь в темноте. Невидимый мне человек читал молитвы, и легат вторил ему на языке, которого я не знала. Казалось, мужчины поют песню. В ней упоминалось мое имя, прозвучало имя Варрана. Я улыбнулась. Наверное, просят Бога об исцелении, что еще?

– Теперь все будет хорошо, – заверил легат на привычном языке бригантов, когда жрец на минуту прервался.

Квинт Октавий прикоснулся губами к моим губам, щекам, шее. Я вздрогнула от неожиданного проявления нежности. Приятно! Мужчина казался взволнованным, а я... Я и в самом деле чувствовала себя намного лучше, да так, что даже попыталась встать. Мне почти удалось, когда мужская

рука прижала меня к алтарю.

– Полежи еще, – попросил Квинт. – Скоро все закончится и я отнесу тебя домой.

Домой? Вздохнула разочарованно. Ну что же, раз решил, пусть несет. Для начала придется отдать меня друидам. Стало жаль, ведь Верховный отпустил аж до завтрашнего вечера! Закрыла глаза, прислушиваясь к вновь зазвучавшим молитвам. На меня они действовали, словно колыбельная. Пошевелилась, устраиваясь поудобнее, пока наконец не заснула.

Глава 15

Проснулась от того, что было жарко. Меня обнимали, прижимая к горячему большому телу. Эти объятия вовсе не походили на Марины. У нее были худенькие ручки, и дышала она тепло и щекотно, а сейчас... Открыла глаза и уставилась на чужое, подозреваю, мужское плечо. Но ведь это... Обалдеть, вот что это!

Попыталась отодвинуться, но мужчина засопел протестующе, притянул меня еще ближе, заставляя уткнуться носом в шею со знакомой татуировкой. Тут же зарылся в мои волосы, вздохнул довольно и вновь заснул. Я лежала, замерев, и косилась на пребывающего в мире сновидений легата. Это даже не обалдеть, а... просто очуметь! Стало ясно, о каком доме он говорил. О своем! А еще и о своей кровати и своих объятиях. Конечно, пробуждение было неожиданным и похожим на ворованный кусочек счастья, но... Как говорится, совместный сон – не повод для знакомства. Особенно, если не давала на него согласия.

Стараясь не разбудить мужчину, осторожно поднырнула под его руку и поползла вбок. По сантиметру, без резких движений. Внезапно поняла, что больше ничего не болит. Я могла двигаться, мыслить связно, не проваливаясь в сон или бред, возмущаться из-за того, что лежу с ним под одним одеялом и наши тела соприкасаются, разделенные лишь

моей тонкой сорочкой. При этом втихую радовалась чужой близости. Дорадовалась! Мысли галопом ускакали в неправильном направлении. Стало еще жарче, но уже из-за собственных откровенных фантазий. Уверена – даже покраснела. Хорошо хоть, легат спал и не видел моего жадного взгляда. Усмехнулась про себя. Надо же, недавно валялась при смерти, а тут, называется, очнулась.

Ведь это он меня вылечил! Взглянула на затянувшийся порез на своем запястье. Нет, не приснилось: были и храм Митры, и место, похожее на алтарь, и ритуал смешения крови, и молитвы на незнакомом языке. Вылечить-то вылечил, а затем принес к себе домой. Раздел, обмыл – на моих руках не видно следов крови жертвенного животного – и еще спать уложил. Рядом с собой!

Перестала ползти, поняв, что легат проснулся. Поднялся на локте, посмотрел на меня сверху вниз, улыбнулся. Его лицо все еще хранило остатки сна. Сейчас он казался молодым, едва ли старше восемнадцатилетней Аэлики.

– Доброе утро! – произнес Квинт Октавий. – Как ты себя чувствуешь?

– Живой, – ответила я. Не удержалась, улыбнулась в ответ.

Рядом с ним я чувствовала себя не только живой, но еще любимой и счастливой. Этого не сказала, постеснялась. Я злилась на него. За то, что мы проснулись под одним одеялом. Уверена, ничего не было – черт, ну я бы точно очнулась! – да и он не опустился бы до такого. Но... Как-то все

неправильно вышло!

Он смотрел, молчал и улыбался, не догадываясь о буйстве мыслей в моей голове. Не знаю, о чем думал, но от его взгляда вновь стало горячо. Безумно захотелось осязаемого, чувственного продолжения ночи. Да так, что впилась зубами в губу, заставляя себя успокоиться. Кажется, отравление крайне плохо сказалось на моей психике. Не помню, чтобы меня так переклинивало на тему секса. Либо у яда интересные побочные эффекты, либо в теле Аэлики все чувствовалось по-другому, либо же я откликалась на чужие мысли. Не сомневаюсь, мужчина хотел продолжения не меньше моего.

– Ты не знаешь, почему мы спали в одной кровати? – я все же решила повредничать, не забыв перед этим поблагодарить за спасение.

– Другой у меня нет, – засмеялся Квинт Октавий. И прежде чем успела возразить, быстро поцеловал меня в губы. Скинул с себя одеяло, встал. Я зажмурилась, но лишь на секунду. Любопытство загрызло. Открыла глаза, решив посмотреть на голого легата. Мы уже спали вместе, а потом я много всего нафантазировала, так что имела полное право! К тому же любопытство обоснованное: голых мужчин вживую видела – раз-два и обчелся. В принципе на раз и остановилась. До Андрея не сложилось, после него – не хотелось.

Полюбовалась на сильную фигуру с развитой мускулатурой, оценила крепкие бедра, темную полоску волос на животе, убегавшую вниз... в набедренную повязку. Такое невезе-

ние! Он был красивым. Везде. Идеальным. Похожим на Андрея и в то же время – не совсем, но мне уже было все равно. Не знаю, в какой момент перестала их сравнивать, но даже мысль о погибшем возлюбленном не принесла привычной боли.

Пока разбиралась сама с собой, Квинт Октавий надел короткую шерстяную рубашку, на нее – светлую тунику. Нацепил пояс, на этот раз без оружия. С моей одеждой дела оказались плачевнее. Платье, перепачканное в крови и пропахшее благовониями, годилось разве что на половую тряпку. И то, если слуги не побрезгуют. Надевать его не стала, но и выкинуть не рискнула. А то, глядишь, вернет меня Квинт Октавий в одной сорочке и получит посохом от Верховного. Чтобы неповадно! Объясняй потом, что ничего между нами не было.

Хотя времени до заката много, да и весь дом в нашем распоряжении. Глядишь – и будет, а то уж больно хочется! Слуг и рабов легат отпустил, пообещав, что будет сам обо мне заботиться. Сразу и начал. Женской одежды в доме не водилось, поэтому принес мужскую белую тунику, доходившую мне до колен. Из слишком широкого ворота кокетливо выпадало то одно плечо, то другое, как бы я ту тунику ни натягивала. Меня это позабавило, легат же к голому моему плечу отнесся крайне внимательно. Насмотревшись вдоволь, помог встать. Тут мне стало не до кокетства. Оказалось, сил хватало, исключительно чтобы красиво полежать в кро-

вати. Либо подпирать стену. Ходить получалось плохо, ноги подгибались, я то и дело норовила упасть. Так что по дому Квинт носил меня на руках. Помог умыться и расчесать волосы гребешком. Пообещал, что к завтрашнему дню я полностью приду в себя.

Затем отправился показывать свое жилище. Естественно, со мной на руках. Дом, по словам Варрана, был небольшой, построенный на даррийский манер. Находился в центре Эборака. Из окон спальни и кабинета открывался шикарный вид на гарнизон, в котором, судя по звукам, отрабатывали движение строевым шагом. Я почему-то почувствовала себя женой капитана.

Экскурсия началась в спальне. Смотреть оказалось не на что – кровать, простая деревянная мебель. Низкий сводчатый потолок, мозаика на полу. Обстановка дома пришлась бы по душе аскету – минимум мебели, максимум пространства. За спальней находился коридор, одна дверь из которого вела в комнату личного слуги, нынче получившего выходной. Другая – в кабинет хозяина. В центре его стоял письменный стол, по бокам – полки, заваленные свитками. Ближе к стене – огромный, окованный железом сундук, походивший на сейф. За тяжелой шторой прятался выход в атриум – крытый внутренний двор, в центре которого находился выложенный декоративными камнями бассейн для сбора дождевой воды. В углу – очаг для выпечки хлеба. Во внутренней нише стояли предметы религиозного культа: статуэтки богов

и две чаши с курящимися благовониями.

Из атриума меня отнесли в триклиний, столовую. В просторной комнате вокруг низкого столика были расставлены кушетки-клинии, застеленные мягкими одеялами. Положив на одну из них – тут я украдкой вздохнула, не желая расставаться с гостеприимными руками, – легат пообещал, что сейчас будет меня кормить.

– Сам готовить будешь? – удивилась я. Ведь кухарку-то отпустил! Мужчина кивнул, уверенно заявив, что, конечно, сам.

– Я умею, – похвастался он. Оказалось, начинал службу обычным солдатом. Отец настоял, чтобы до верха карьерной лестницы сын добрался с нижней ее ступеньки. Квинт Октавий несколько не жалел, что прошел с легионом как Сайрусскую пустыню, так и влажные леса Третьей Провинции. На этой патетической ноте легат отправился покорять кухню.

Подозреваю, особо готовить не пришлось. Максимум – разогрел в плите вкуснейшую пшеничную кашу, щедро заправив оливковым маслом. Принес нарезанные овощи и свежие лепешки, ранним утром испеченные кухаркой. «Как в детстве», – улыбаясь, добавил он, разламывая тонкие белые ломти, начиненные сыром, зеленью и вареными яйцами. Еду запивали водой. От вина, даже разбавленного, я отказалась. Он тоже не пил.

Пока ели, Квинт Октавий рассказывал солдатские байки. Я хихикала, стараясь не подавиться фирменными лепешка-

ми. Разговор вновь зашел о еде. В походах, оказалось, солдатам варили каши из злаков, которые заедали сухарями или же квадратным хлебом грубого помола. Вечерами, когда разбивали лагерь, из рюкзаков доставались сухари, сало, чеснок и вяленое мясо. Свежее мясо тоже перепадало, и частенько. Каждая группа из восьми легионеров имела собственную сковородку, на которой готовили даже в походах. «У меня хорошо получалось», – заверил легат. Я и не сомневалась, что у него все выходило лучше всех.

Слушать солдатские байки было весело. Так и не заметила, как наелась досыта. Почему-то упомянула о его отце, сказав, что тот должен гордиться сыном. Сделал такую карьеру – от простого легионера до легата одной из римских провинций!

– Он погиб, – отозвался Квинт. – Так и не узнал, кем я стал и чего мне это стоило.

– Прости, – расстроилась я. – А мама...

– Мать ушла вслед за ним. Не пережила его смерти.

– Не хотела тебя расстраивать, – призналась я.

– У нас так заведено, – пожал он плечами. – Если семья скреплена благословлением богов, один без другого не живет. А дети... А вот дети остаются.

Разговор тут же перешел на другую тему. Вернее, я решила увести его с болезненной темы и принялась рассказывать о проделках Мары и ее питомца, Бартека. Наконец Квинт Октавий принялся собирать остатки трапезы. Я хотела бы-

ло встать и помочь, но не смогла. Так и лежала на кушетке, чувствуя себя объевшейся пиявкой. Рассматривала узоры на стенах и прислушивалась к голосам на улице. Кажется, намаршировавшись, солдаты пошли на штурм воображаемой крепости. Вернулся легат, сел рядом и, вздохнув, признался, что ему придется меня покинуть. Ненадолго. Я мысленно усмехнулась – наверное, проследить, чтобы, «взяв» крепость, подопечные не сильно бесчинствовали.

Квинт попросил меня никуда не ходить и дожждаться его возвращения. Пожала плечами. Куда я пойду? Разве что ползком до форума Эборака, принимать клятву верности у Девятого Легиона. Мужчина улыбнулся. Я бы многое отдала, лишь бы он всегда улыбался моим глупым шуткам.

– Оставь что-нибудь почитать, – попросила его. Запнулась, поймав изумленный взгляд. Черт, забыла, мы ведь безграмотный народ! Не говорить же, что я – из другого мира, хватит того, что из другого племени. Рассказала о преподавателе и о том, что – да-да! – за короткое время выучила не только весь даррийский алфавит, но даже могу кое-что сказать на его языке.

В общем, на радостях Квинт Октавий завалил меня свитками и сбежал, подозреваю, дрессировать своих легионеров. Я просмотрела несколько текстов, нашла все знакомые буквы и немного знакомых слов. Картинок, к величайшему сожалению, не было, да и читать особо не получалось. Слова, словно ребусы, как ни складывай, упорно скрывали смысл

предложений. Даррийская грамматика пока что не отвечала мне взаимностью, но я решила не сдаваться. Не сдавалась до тех пор, пока не заснула в обнимку со свитками. Проснувшись, почувствовала себя значительно лучше. Отложила чтение до лучших времен, поднялась и обошла весь дом. Пусть по стеночке, зато сама! Вернулась в столовую, села на кушетку, пытаюсь отдышаться. Тут услышала, как открылась входная дверь. Шаги приближались. Я нервно поправила одежду и волосы. Надеюсь, Квинт Октавий вернулся, имя которого я мысленно сократила до «Квинта», и мне не придется объяснять слугам, что делает королева бригантов – узнают же! – в таком виде на кушетке легата.

Да, это был хозяин. Шел, улыбаясь, ко мне через столовую. Я чувствовала, как все сильнее бьется мое сердце. Он наклонился, чтобы поцеловать, и тут я обхватила его за шею. Мы, пиявки, такие! От нас так просто не отделаться, особенно когда мы соскучились.

Он и не собирался от меня избавляться, а я – его отпустить. Отдалась поцелую, отбросив стеснение и сомнения. Ну и пусть!.. Хочу жить здесь и сейчас. Жар в теле уничтожил последние разумные мысли, и стало все равно: пожалею ли я о произошедшем или нет. Конечно же, нет! Огонь разгорелся не на шутку, возбуждение накатывало все сильнее. Вскоре я очутилась на кушетке, придавленная крепким мужским телом. Его объятия перестали быть нежными, руки уверенно ласкали мое тело. Да и я не осталась в долгу. Моя тонкая

сорочка и туника казались досадной преградой между нами, от которой я и попыталась избавиться. Хорошая здесь одежда, правильная, почти ничего не надо снимать! С него только вот эту тунику, еще одну рубашку, и то, смешное, с завязочками на боку, что лишило меня вожделенного стриптиза утром. От сладостного предвкушения я давно не находила себе места, мечтая прикоснуться к смуглой коже, обнять его, получить его, отдавая себя.

Застонала от разочарования, когда поняла, что раздеть себя не даст.

– Но почему? – растерянно спросила у Квинта, когда мужчина внезапно отпустил меня. Убрал руки, сел, рывком усадил меня рядом. Поправил ворот на моей тунике, закрыв оголенное плечо. Дернула им недовольно, позволив ткани упасть вновь. – Не хочешь? Или я тебе не нравлюсь?

Знала же, что нравлюсь и хочет. Не девочка, разбиралась в реакции мужского организма на женское тело, согласное на все.

– Проголодалась? – спросил он странным тоном, поднимаясь с кушетки. Смотрел на меня, глаза черные-пречерные, лицо суровое, словно это я виновата в десяти казнях египетских. На мой вопрос отвечать не стал. А я взяла и обиделась.

– Да! – ответила ему. – Проголодалась, и очень. Ты знаешь, чего я хочу. Но раз здесь не кормят, то...

Ну и черт с ним! Мы тоже люди гордые. Подтянула колени к себе, отвернулась, стала рассматривать белую известку

стен, местами в разбежавшихся трещинах. Мог бы и покрасить, давно пора!

– Аэлика...

– Отстань!

– Аэлика, прошу тебя!

– Уходи! Сначала отнеси туда, где взял, а потом уходи. Не хочу тебя больше видеть.

Сказала и заплакала. Я очень-очень хотела его видеть, но не понимала выкрутасов мужской логики. Темный лес, честное слово! Вот что ему надо?! Я здесь. Сижу, молчу, на все готовая. Могу лечь, если захочет. А он не хочет... Обидно!

– Иди ко мне.

– Нет, – замотала головой, чтобы не увидел моих слез. Вот еще! Но он увидел. Обнял, хоть я и вырывалась.

– Не сегодня, – пообещал он. – Когда выздоровеешь, все будет. Все-все, – пообещал, целуя меня в мокрые от слез глаза. – Я не хочу пользоваться твоей слабостью.

Вновь поцеловал, но уже в губы, на этот раз воспользовавшись моей слабостью. Потому что я растерялась и не знала, что ответить. Поцелуй был нежный и жадный одновременно, не такой, как прежде. Он пытался меня успокоить, и я ему поверила. Хорошо, пусть не сегодня, пусть еще не отошла от болезни, в теле обитала противная слабость, в голове – разжижение мозгов. Может, и правильно, что Квинт решил отложить на другой раз. Хотя когда он будет, этот другой раз?!

В общем, это был сложный поворот, чуть было не закон-

чившийся вылетом с трассы. Но мы его проехали. Легат поднял меня на руки и понес в атриум. Во внутреннем дворике усадил к себе на колени.

Хороший день! Но я знала, что это ненадолго. Уже обещенное время, а в мае темнело довольно рано. Пара-тройка часов, и придется возвращаться в Святилище. Ведь до него еще лететь и лететь! Пока же, пользуясь моментом, я прижималась к мужчине, гладила по волосам, трогала татуировку, прислушивалась к биению его сердца. Легат молчал, закрыв глаза. Улыбался.

– Расскажи мне, – попросила я.

– Что ты хочешь знать?

– О тебе. О твоей семье. О службе. Сколько еще осталось?

– Полтора года, – отозвался он, не открывая глаз.

– А потом?

Кажется, я перестала дышать. Не могла. Ведь уедет! Конечно же, уедет! В свою Даррию, к боям гладиаторов, травле зверей, к триумфальной арке, императору Авелию, в блеск и роскошь великолепного города своего племени. Или вернется в дом, о котором однажды упоминал, сказав, что тот стоит на холмах Антиохии. Он уедет, а я...

– Я останусь.

– Что?

– Я останусь, – произнес легат. – Здесь, на Альбионе. С тобой.

– Почему?!

– Я не могу вернуться. Но если бы мог, не уехал. В Дарре не осталось никого, ради кого стоило бы...

– Твоя семья?

– Нет больше семьи. Никого нет. Там никого нет, – поправил себя. Прижал меня еще крепче, да так, что стало больно. Промолчала – пусть делает со мной, что хочет. Тискает, обнимает, да хоть задушит! Мы замерли на грани признания, и я боялась неосторожным словом или движением все испортить.

– Твой дом?..

– Стоит пустым. Быть может, когда-нибудь... Но я пообещал императору Авелию, что не вернусь, пока он жив.

– Ты с ним знаком?

– Мы дружны. Он служил Наместником в Третьей Провинции, когда я воевал там.

– Но почему он взял такое обещание?

– Это долгая история.

– Я никуда не спешу.

– Хорошо. Ну раз ты никуда не спешишь, – он прищурился, – а я встретил кухарку и попросил все же приготовить нам обед...

– Какой хитренький!

– Это семейное, – отозвался он, улыбаясь. – Мой отец был братом императора Тита Туллуса.

– Черт!

Кажется, я сказала это вслух. Признаюсь, не ожидала, что

мужчина, на чьих коленях чувствовала себя столь вольготно, окажется племянником императора.

К тому же, со слов Квинта, Тит Туллуc не отличался адекватностью. Завел гарем из нескольких сотен женщин и молодых мальчиков, с которыми испробовал все способы разврата. Носил женскую одежду и препарировал живых людей. Требовал, чтобы к нему относились, как к земному воплощению бога Митры. Детей боги ему не дали, наказав за неслыханную дерзость, заодно лишили остатков разума. К тому же какие дети, если жену свою казнил и в открытую сожительствовавал с сестрой? Когда Тит Туллуc засобирались сжечь Дарр, устроив грандиозное зрелище, Сенат не выдержал.

– Заговор, – объяснил Квинт, – давно уже зрел в Сенате, но императора боялись. Тит Туллуc держал патрициев в узде, устраивая кровавый террор неудобным. Наконец сдались даже самые терпеливые. Стали готовить покушение, но у Тита Туллуса оказались списки заговорщиков. Мое имя стояло первым, хоть я и не был причастен. Император знал, что после его смерти мне предложат трон. И не мог поверить, когда я отказался.

– Ты отказался? – удивилась я. – Но ведь это такая честь!

– Не захотел править змеиным гнездом, где каждый ядовитый гад норовит вцепиться в ногу, – пояснил легат. Я при молкла, понимая, о чем он говорит. Только что испытала на личном опыте.

– Тит Туллуc мне не поверил, – продолжал Квинт. – Он

давно уже никому не верил. Я спрятал свою семью, но ее нашли. В тот день люди императора умышленно задержали меня в Сенате. Убийц встретили жена и сын. Слуги пытались защитить, но...

– Не рассказывай, – попросила я, чувствуя, как в груди у мужчины открывается невидимая, но осязаемо кровоточащая рана. – Не надо!

Прижалась к нему, старалась хоть как-то... Но что я могла?

– Их убили. Это было то же самое, что убить меня, но особо извращенным способом. Тит Туллус ожидал, что я покончу с собой на месте их гибели.

– Но ты...

– Нет, – покачал он головой. – Сперва нашел убийц. Затем пошел во дворец. Не успел. За час до моего прихода императора удушил Нарцисс, его раб и любовник, которого подкупил городской префект Пертинакс. В какой бы пучине отчаянья я ни был, все же испытал сожаление от того, что Тит Туллус погиб не от моей руки.

– И ты...

– Императором стал Пертинакс, вольноотпущенник. Взошел на трон, перекупив поддержку преторианцев. Пообещал каждому из них вознаграждение в двадцать тысяч сестерциев. Сенату пришлось согласиться. Правил недолго, до тех пор, пока Авелий не посулил преторианцам двадцать пять.

Однако!..

– Что будет, если кто-то пообещает тридцать?

– Авелий не упустит своего, да и Сенат на его стороне. Кто был против – казнен либо выслан. Во мне он видел угрозу, но после гибели Ливии и сына я существовал лишь для того, чтобы закончить дела и уйти за семьей в иной мир.

Квинт замолчал. Я тоже не могла вымолвить ни слова.

– Но я не ушел. Ты скажешь, что смалодушничал, – сказал он, обращаясь ко мне. Я замотала головой. – Я собирался, но Ливия стала приходить ко мне во снах. Уговаривала подождать, обещая вернуться. Я просыпался и понимал, что ее больше нет. Но каждый раз, как брался за кинжал, опять слышал ее голос, полный отчаянья. Она умоляла остановиться. И я послушал. Решил, что боги заодно отняли у меня и разум. Семейное проклятие, доставшееся от Тита Туллуса.

– Мне так жаль, – пробормотала я.

– Затем Авелий вызвал меня. Признался, что собирался убить, обвинив в измене, но не смог. Мы дружили еще с поры его Наместничества в Третьей Провинции. Предложил мне должность легата в Пятнадцатой, на Альбионе. Взамен я поклялся, что не вернусь, пока он жив.

– И ты приехал сюда...

– На Альбионе Ливия все так же говорила со мной, пока год назад на Англси я не увидел тебя. И понял, что сошел с ума окончательно. Она замолчала...

– И ты решил...

Тут он сжал в ладонях мое заплаканное лицо, поворачи-

вая к себе, делая больно. На миг стало страшно, потому что Варран смотрел мне в глаза, словно пытаюсь взглядом взломать мой разум и пробраться внутрь. Найти свою жену в глубине меня. Но там ее не было! Не было! Как бы сильно он этого ни хотел.

– Ты так похожа на Ливию, – прошептал он.

– Я – не она, – выдавила из себя. – Ты должен знать. Ты искал, но не нашел ее. Мне жаль, но она умерла, а ты видишь перед собой Аэлику, дочь Кэдерина, короля бригантов!

Или Анжелику Арсеньеву, российскую гонимую, пропавшую на Ведьминой Петле. Не знаю, кто я теперь! Попыталась вырваться, но он меня не отпустил.

– Я знаю. Знаю, – отозвался Квинт, вновь целуя в мокрые от слез глаза. – Знаю, любимая, знаю! Это не имеет для меня значения. Ты – мой дар богов. Мне не нужен никто другой.

Зарылся в мои волосы. Молчал, сжимал меня все сильнее, словно пробовал на прочность мои кости. Я ему не поверила. Мне казалось, он все еще надеется...

– Но твоя Ливия...

– Ее больше нет. Теперь есть ты.

– Отпусти меня, Квинт Октавий Варран! – попросила я. Хотела ему верить, но не могла.

– И не подумаю. Я больше не отпущу тебя, сколько бы ты об этом ни просила.

Затем поцеловал так, что я утратила способность здраво мыслить. И смирилась. Пусть будет так, как он хочет! Ведь

в реальности все запутывалось еще сильнее. Андрей, Ливия, Ведьмина Петля, Аэлика... Кто я, самозванка в чужом теле?!

Глава 16

Следующий раз мы встретились только через два дня. Столкнулись у входа в тронный зал, где должен был состояться суд над Руэйдом. Я поприветствовала легата с даррийцами и проследовала к здоровенному креслу, исполнявшему роль моего трона. Подождала, пока все рассядутся. Народу собралось, о-го-го! Кому не хватило места за столами или подле меня, разместились, не смущаясь, на полу. Присутствовали старейшины, два короля соседних государств, прописавшиеся на землях бригантов, их охрана, моя охрана, а также, подозреваю, вся знать Инсурима. Да и даррийцы пожаловали: два законника в помощь нашим, легат и небольшая стража из легионеров. К тому же Квинт привез письмо и подарок от Наместника. Письмо я попросила зачитать вслух, при всех. Публий Тацит в цветастых выражениях, не все из которых дошли до моих воинов – я видела недоуменные взгляды, – желал королеве наискорейшего выздоровления, а также приглашал посетить его дворец в Лондиниуме. Причем приглашение было сделано в такой форме, что отказаться значило бы обидеть Наместника. Я пожала плечами. Вот и познакомимся!

Подарком от Публия Тацита оказался амулет с безоаром, который следовало носить на шее во избежание отравлений. Странного вида черный камень на золотой цепочке вызывал

отвращение, причем такое, что я не смогла к нему прикоснуться. Я с недоумением взглянула на Квинта. Камень. Легат, кривя губы, подозреваю, чтобы не усмехнуться, объяснил, что безоары достают из желудков горных козлов. Это затвердевшие кусочки их собственной шерсти, которые высоко ценятся в Даррийской Империи. Вздохнув, в не менее цветистых выражениях попросила писаря поблагодарить наместника и пообещать, что приеду, как только полностью выздоровею. Камень на шею вешать не спешила.

К тому же я и так вся в подарках. Короли, знать и народ надарили! Квинт этим утром прислал золотые браслеты, теперь они украшали мои запястья. Особенно нравился один, в виде дракона опасного вида со сложенными крыльями и изумрудами в глазницах. Мне казалось, дракон замер, ожидая нападения, сторожа свое сокровище. Меня то есть.

Браслеты звякнули согласно, когда Квинт шепнул, что соскучился. Успела ответить, что я тоже. Тут он заметил свои подарки, кивнул одобрительно. Вздохнула – ни поблагодарить толком, ни поцеловать! – и попросила легата занять место подле моего трона, слегка потеснив друидов.

Кстати, с друидами творилось что-то непонятное. Ангус смотрел на меня жалобно, будто кот из «Шрека». Гахарит молчал, словно язык проглотил, и о чем-то напряженно размышлял. С момента возвращения из Святылища он не сказал мне ни слова. Верховный, как всегда, был не в духе. Или, наоборот, в духе. В общем, в привычном своем настроении.

Поводил кустистыми седыми бровями, дергал себя за бороду, так и норовя врезать кому-нибудь посохом по голове. Первым досталось Актеону, когда тот по привычке схватил меня за руку. Вентурий, наученный горьким опытом соперника, увернулся.

Вот такая компания! Сидели или стояли – кто как, – негромко переговариваясь, дожидаясь, когда приведут Руэйда. Те, кого не пустили в тронный зал, толпились у входа. За стенами дворца собирался в демонстрацию простой люд и мастерские. Народ, встревоженный вестями об отравлении королевы, чуть было не взял штурмом дворец. Чтобы успокоить бригадиров, этим утром я проехала на колеснице по Инсуриму, продемонстрировав, что жива и здорова. Проехать-то проехала, только расходиться никто не спешил. Ждали суда, затем казни виновного.

Моей эсседой правил Вентурий, не упустивший возможности продемонстрировать самого себя бригадирам. Прижимался ко мне на особо резких поворотах, хоть и объяснила, что могу удержаться сама. Он лишь смеялся в ответ. Вот же характер! Затем характер продемонстрировали советники. Старейшины вынесли единодушный вердикт, который не подлежал обжалованию. Замуж! Причем срочно. За Вентурия, за Актеона, за кого угодно! В этом месте я заинтересовалась. Хорошая такая мысль: «За кого угодно». Как скоро доведу совет до нужной кондиции, когда им станет все равно, за кого?!

Я знала, чего хочу. Вернее, кого. Только женится ли дариец на королеве бригантов? Да и вообще, он – из племени драконов, а я... Нам, обитателям Альбиона, чтобы взлететь и толково передвигаться в воздухе, надо еще двигатель внутреннего сгорания изобрести. Взглянула на золотого дракона, дремлющего на запястье. Почему-то показалось, что мне подмигнули зеленым глазом. Ладно, разберемся по ходу дела!

А пока ждала, когда в тронный зал приведут сводного брата. История с ним вышла запутанная. Я до конца не верила, что именно он приложил загрубевшую от тренировок руку к моему отравлению. Ладно, подкараулил бы с мечом в темном коридоре, прирезал втихаря, куда ни шло. Или копьем в спину. Но яд?! Слишком сложно для такого, как Руэйд!

Этим утром ходила на него посмотреть. Сводный брат, которому порядком досталось во время задержания, сидел в яме для преступников или должников. Сыпал проклятиями, при этом не забывал выкрикивать, что он невиновен. Я повздыхала у края, но заговорить с ним не решилась. Пошлет же! Руэйд терпеть меня не мог с первого дня, как вернулась во дворец. Подозреваю, из-за того, что не вышла за него замуж. Неужели в своей ненависти зашел так далеко, что подсыпал яд?! Ну что же, за это он ответит на суде!

Днем раньше с двумя брегонами я провела дознание, на которое пригласила стражу и друидов. Одних – для устрашения, вторых – для моральной поддержки. Вызвала на до-

прос Люция. До этого выяснилось, что единственный, кто мог подсыпать яд, – новый виночерпий. Больше такой возможности ни у кого не было. С места я не вставала, кубок никому не отдавала. Вино пили из общей бочки, другие пьющие не пострадали.

Словно по классическому детективному сюжету, виночерпий исчез. Люций, ответственный за наем слуг, рыдал и пытался обнять мои негостеприимные коленки. Его оттащили и привели в чувство пинками. За день до отравления виллан нанял нового слугу на место старого, проработавшего много лет. Почему?! Оказалось, старый виночерпий отлеживался в постели с переломанным носом и сотрясением. Друиды подлечили, но работать он не мог. Избил его Руэйд, придя в ярость из-за того, что вино подливали не так быстро, как хотелось. Черт! Опять все складывалось не в пользу сводного брата.

Новый виночерпий оказался той еще темной лошадкой. Любил выпить, за что три года назад вылетел из королевской дружины. Перебивался непостоянными заработками, все время нуждался в деньгах. Занял несколько монет у слуг во дворце, затем пропал. Я с недоумением посмотрела на Люция. Умный же дядька, и как угораздило взять такого на работу?!

Люций пояснил, что многие из рабов, которых я освободила, захотели вернуться на родину. Гостей же понаехало видимо-невидимо, поэтому оставшиеся не справлялись. В об-

щем, образовался дефицит рабочих рук. Брали всех, кто был свободен, согласен и способен. Виллан жалобно посмотрел на меня. Если бы был собакой, уверена, виновато завиллял бы хвостом.

– Люций, – сказала ему. – Я тебе сохраню жизнь, но из дворца выгоню. Догадайся, как быстро найдут твой труп в сточной канаве, если в городе узнают, что твой слуга подсыпал яд королеве?

Ответом послужили громкие рыдания. Я посмотрела на Прасурга. Тот пожал плечами.

– До утра не дотянет, – пообещал воин.

Люций завыл.

– Теперь слушай, виллан! Останешься на своем месте и будешь исполнять работу лучше и усерднее, чем прежде. С одним условием. Я хочу быть в курсе переписки с Наместником. Уж не думал ли ты, что я не знаю, кто во дворце шпионит на Публия Тацита? – усмехнулась ему в лицо. – Каждое донесение сперва будет ложиться на мой стол, а уж потом... Если одобрю, отправишь в Лондиниум.

Люция, рассыпающегося в благодарностях, вновь попытавшегося припасть к моим ногам, увели. Ладно, со шпионом решила, но как быть с отравителем?

Тут в зал ворвалась Веледа. Увернулась от воинов, пытавшихся ее задержать, кинулась ко мне. Я жестом остановила друидов, выставивших посохи, и воинов, схватившихся за мечи. Послушаем, что скажет! Девушка упала к моим ногам,

умоляя пощадить Руэйда. Клялась, что это не он.

Мне стало ее жаль. Надо же, влюбилась в дурака, которому жить-то день, не больше! Народ требовал крови, а здешние суды скоры на расправу. Завтра назовут виновного, и я не сомневалась, чье имя прозвучит в приговоре. Я пообещала подумать. Ждала, что до суда найдут и разговорят виночерпия или же появятся доказательства невиновности Руэйда. Не дождалась!

В тронном зале брегоны повторно допросили Люция. Виллан выступил на «бис», на этот раз обойдясь без рыданий и целований коленок королевы. Ясно и доступно рассказал то, что я уже слышала. Потом пришла очередь слуг, описавших привычки и поведение нового виночерпия. Этот тип, оказалось, искренне ненавидел Кэдерина за то, что был выкинут из королевской стражи и лишен средств к существованию. Ошивался по кабакам, ныл о вселенской несправедливости. В одном из значных мест Инсурима вполне мог встретить Руэйда. Сводный брат не упускал шанса напиться как во дворце, так и на вольных хлебах.

Но где можно достать яд, и такой, чтобы о его свойствах не знали друиды? Оказалось, на городском рынке, куда заезжали купцы и торговцы диковинками со всего света, можно купить, что угодно. Хоть черта лысого. Вот и купил диковинку, порадовать сестричку! Затем спровоцировал драку, убрав с дороги старого слугу. Его подельник вызвался заменить виночерпия. Как уговорил Люция? Подкупил его энтузиазмом

и желанием работать. Виллан, в мыле из-за наплыва гостей, согласился. А дальше... Продолжение все видели. Королева выжила чудом. Я улыбнулась, тронув зажившее место пореза, которое скрывал золотой браслет с золотым драконом. В суматохе, поднявшейся после отравления, все же додумались схватить Руэйда, но виночерпий сбежал.

Присяжные, человек так двести – воины, знать, старейшины – и судьи уставились на сводного брата. Руэйд, стоявший неподалеку в окружении стражи, хранил молчание.

– Что скажешь? – спросила у него. – Может, назовешь причину, по которой мы поверим в твою невиновность?

Обвела взглядом законников – двух моих и двух гостей-даррийцев, прочитав в их глазах приговор. Они не сомневались: Руэйд виновен.

– Я этого не делал, сестра, – глухо отозвался он. – Это ты провернула так, чтобы обвинили меня! Решила избавиться от неугодного претендента.

– Чушь! – заорали присяжные. – Бред собачий! Врет, скотина!

Я пожала плечами. Подняла руку, требуя тишины.

– Отравила себя, чтобы отомстить тебе? – усмехнулась в ответ. – Ты этого не стоишь, братик!

Ответом стал дружный смех. Тут двери распахнулись, и в тронный зал вошел Веритакс. А я уж думала, куда делся! Дядя спешил к трону, держа в руках кожаный мешочек. Потрясал им в воздухе, словно это было копье, способное ра-

зять врагов бригаантов.

– Ты виноват, Руэйд! – зычный голос Веритакса был слышен, казалось, далеко за пределами тронного зала. Дядя остановился, вперился в сводного брата. – И у меня есть доказательства!

Руэйд попытался было возразить, но стража его заткнула.

– Что это? – спросила я у Веритакса, когда тот замер у трона. Поклонился почтительно, протягивая мне мешочек. Братъ его в руки я отказалась – мало ли! Но короли проявили любопытство, поднялись, решив взглянуть на таинственный предмет поближе. Даже легат подошел, и его рука легла на мое плечо. Лишь на секунду, но я почувствовала дружеское пожатие.

– Это яд, которым отравили королеву! – возвестил Веритакс, вновь потрясая мешочком. Присутствующие разразились восторженными воплями. – Я нашел его у Руэйда. Люди Прасурга обыскали его покои, но я решил еще раз все осмотреть. С особой тщательностью. И в тайнике нашел вот что...

– Это не мое! – заорал Руэйд. – Видит Трехликий, ты сам его подкинул! Старый ты лис, Веритакс... Давно заришься на трон, уж я-то знаю! Ты ненавидел мою сестрицу еще с рождения. Думал, Кэдерин умрет бездетным и отдаст золотой торк тебе! А тут его любовница разродилась девочкой...

– Замолчи, – поморщился Веритакс.

Я подняла вверх палец – пусть продолжает. Подробности рождения принцессы Аэлики от меня скрывали, но няня

проболталась. Говорили, когда любовница Кэдерина забеременела, старая королева умерла от тоски. Или от яда, кто знает? Король погоревал и женился на матери единственного ребенка. Дочери вскоре ему стало не хватать, а других детей Трехликий ему не дал. Поэтому король усыновил Руэйда, чьи родители погибли при набеге ютов.

– Все знают, что Аэлику, – длань Руэйда указала в мою сторону, – родила любовница, а не жена! Но Кэдерин часто сомневался, что зачал именно он. Ее мать была еще та потаску... – тут сводный брат получил древком копья в живот. Выдохнул, разогнулся и продолжал: – Чем старше Аэлика становилась, все меньше походила на короля. Такая же блудливая природа, как и у...

– Заткнись, Руэйд! – поморщилась я, и Прасург меня понял. На этот раз Руэйду досталось серьезнее.

– Ты уволен! – сказала сводному брату. – За то, что не выбирал выражения.

Присутствующие орали. Возмущенно, негодуяще. Суд все больше походил на балаган, но я чувствовала, что народу это нравилось. Где еще встретишь такие развлечения в мире, в котором отсутствуют Интернет и телевидение? А тут – «Санта-Барбара» отдыхает! К тому же Руэйд опять начал вещать, хоть я его и уволила.

– Ты! – заорал он, указывая на меня. – Ты переспала с половиной дворца! Как ты могла? Ведь клялась, что любишь меня, а потом стала изменять направо и налево! И с кем...

– Вечер обещает быть томным, – пробормотала я, увидев, как Прасург повалил Руэйда на пол и хорошенько попинал. Покосилась в сторону гостей, старясь не встречаться взглядом с легатом. Могу представить, что подумал обо мне и моем поведении Квинт! То, что подумали два короля по обе стороны от трона, нисколько меня не волновало.

– Однако... – кашлянул приезжий судья-дарриец. – Как мы можем быть уверены, что это именно яд?

Мешочек тем временем переключал в руку Вентурия, и король коритан высыпал на ладонь серый порошок.

– Это отравка! – заверил судью Веритакс. Вентурий поморщился и ссыпал похожее на пепел вещество обратно в мешок. Вернул Веритаксу, вытер руку о штаны. – Если кто не верит, то может испробовать. Ты рискнешь, дарриец? Или, быть может, ты?..

Дядя потряс мешочком в сторону, где сидели гости. Народ восторженно заулюлюкал. Мысль накормить даррийцев ядом в качестве следственного эксперимента пришла воинам по душе.

– Упокойся, Веритакс! – вздохнула я. – Мы отдадим находку друидам. Пусть проверят.

– Я уже дал лизнуть дворовому псу, – ответил Веритакс. – Тот издох в страшных муках у меня на глазах.

– Что ты сделал?! – возмутилась я.

– Принесите королеве труп собаки, – торжественным тоном приказал Веритакс кому-то позади себя. О, боги!

– Не надо. Я верю тебе, Веритакс! – устало отозвалась я, откидываясь на кресло. Тогда получается... По всем статьям выходило, что виноват Руэйд. Если яд нашли у него, ему не избежать наказания. Скоро законники скажут свое слово, короли караветтов и коритан поделаются мнением, и мне придется вынести окончательный вердикт.

Закрыла глаза, приложив ладони ко лбу, затем к разгоряченным щекам. Одно слово, и голова Руэйда упадет с плеч в священной роще перед очами Трехликого. Тут Актеон взял меня за руку. Наклонился, спросил участливо, как я себя чувствую. Быть может, требуется небольшой перерыв? Он готов отвести меня в сад, где цветут ландыши и благоухает черемуха. Вентурий тоже не отставал, навис с другой стороны, предлагая прокатиться на колеснице. Я же спиной чувствовала, как мрачной статуей замер Квинт Октавий Варран. Слишком уж мрачной... Где-то неподалеку бродил нервный старец, любящий охаживать посохом моих кавалеров. Передерутся, и будет достойное завершение судебного процесса!

Отказавшись от прогулок, повернулась в сторону своих законников.

– Что скажете? – спросила у них. – Достаточно ли доказательств, чтобы вынести решение?

– Виновен, – произнес первый, на которого я кинула взгляд.

– Виновен, – добавил второй.

– Сто-ойте!

Ну что еще?! Дверь тронного зала вновь распахнулась, и перед мои очи прорвался запыхавшийся воин. Кажется, не из дружины, а из охраны дворца. Я вздохнула. Чей труп захотят продемонстрировать на этот раз?

Оказалось, того самого виночерпия. Пока тот мирно лежал с перерезанным горлом в ближайшем ельнике, королевская стража сбилась с ног в его поисках. Перерыла дворец и посетила ближайшие трактиры. А он, оказалось, «отдыхал» в лесу.

Труп в тронный зал вносить не стали, на том спасибо, но если я хочу на него взглянуть... Я не захотела. Сидела и размышляла о новом повороте в деле о моем отравлении, к которому добавилось еще и убийство. Причем этого не мог сделать Руэйд, ведь сводного брата схватили сразу же, в зале для пиршеств.

– Он виновен, – произнес король коритан, попытавшись завладеть моей рукой. Не удалось: я отдернула раньше.

– Но, Вентурий, у Руэйда попросту не было на это времени! – возразила королю. – Подумай сам, его схватили на пире, он даже пикнуть не успел...

Кажется, он успел не только пикнуть, но и объяснить в грубой форме, куда идти воинам Прасурга, которые пытались отобрать у него оружие.

– Значит, кто-то из его слуг. Он заранее приказал убить подельника, – произнес король. – У него была веская причина. Он не смог тебя удержать, вот и отравил, ревнивый ду-

рак!

– Скажи еще, что ты – не ревнивый, – пробурчал с другой стороны Актеон.

– Нет, я вовсе не ревнив, – лениво отозвался король коритан.

– Неужели?! – подначил его Актеон.

– Я не буду тебя ревновать, – пообещал мужчина, уставившись мне в глаза. – Когда ты станешь моей, тебе будет дело только до меня и наших детей. На остальное не останется ни времени, ни сил.

Я усмехнулась.

– Но если кто-то посмотрит в твою сторону, – король обвел присутствующих взглядом. – Не буду церемониться – отрублю голову, вспорю живот и вытащу кишки. Да услышат меня Древние Боги!

Его слова пришлись по душе воинам, вызвав бурю восторженных криков. За время пребывания на землях бригаантов Вентурий успел завоевать симпатии королевской дружины и приучить к себе мой народ. Я услышала, кто-то в зале воскликнул: «Вот это любовь!» Да уж, любовь...

Оторвал от мыслей голос Актеона.

– Думаю, что Руэйд виновен, – кислым тоном произнес король караветтов. – Если не он, то кто?

Осталось выслушать мнение двух даррийских законников и вынести решение. Тут дверь вновь распахнулась – проходной двор, честное слово! – и в тронный зал вбежала запла-

канная Веледа. О, боги... За что еще и это испытание?

– Королева! – закричала она, падая на колени, не добежав нескольких метров до трона. – Руэйд не виноват! Умоляю, пощадите...

– Не трогать! – приказала страже, дернувшейся по направлению к девушке. Встала, решив поднять Веледу сама. Заодно и сообщить, что сегодня Руэйда не казнят. Доказательств вины слишком мало. Не знаю, как другим, но мне не хватило. Веритакс успел к Веледе первым.

– Иди домой, дочь! – приказал он, вцепившись ей в руку. Дернул, поднимая на ноги. Девушка завывала, пытаясь освободиться. – Тебе здесь не место! Виновный понесет наказание, и это решит справедливый суд бригаантов.

Тут с девушкой что-то произошло. Она изменилась в лице, словно выпила эликсир смелости или же поведение отца толкнуло на безрассудные подвиги.

– Виновный? – переспросила Веледа, поднимая голову. Перестала сопротивляться, уставилась на Веритакса. В ту же секунду ее лицо стало бледным, даже неживым, с застывшим взглядом черных глаз. Такое выражение я видела лишь однажды, в Святилище, когда через Гахарита говорили с бригаантами Древние Боги. Я растерянно опустилась на стул, понимая, что нас ждет либо спиритический сеанс, либо божественные откровения.

– Она не в себе, – заверил меня Веритакс. – Вы видите, моя дочь не в себе! – повысил голос, обводя взглядом со-

бравшихся. – Королева Аэлика, позволь ее увести!

Голос звучал умоляюще. Слишком умоляюще даже для заботливого отца, которым он не являлся.

– Нет, – ответила ему. – Оставь ее, Веритакс! Боги нашего племени хотят говорить через нее. Друиды подтвердят, что Трехликий с нами!

– Путь говорит! – подал голос Верховный. Откашлялся, потянул себя за бороду. Поднял посох, указав им на Веледу. – В ней я чувствую присутствие Древних. Они не дадут твоей дочери соврать!

Народ заволновался. Я, надо признаться, тоже.

– Говоришь, виновный? – вновь повторила Веледа голосом, который не походил на женский. Дернула плечом, освобождаясь от руки отца, вцепившейся в ее платье. Уставилась на Веритакса, да так, что тот попятился. – Как у тебя хватило совести? Справедливый суд бригаантов! – возвестила она, протягивая руки к трону. Я поежилась, потому что на секунду мне показалось, что вновь очутилась под внимательным взглядом Трехликого. Вентурий ободряюще сжал мою ладонь, и я не стала сопротивляться. – Руэйд не виноват. Это сделал...

Прежде чем успела назвать имя, Веритакс ударил дочь по лицу. Я выдохнула возмущенно, увидев, как взметнулся тяжелый кулак. Девушка осела на пол. Поднялась суматоха. Веритакса почти сразу же сбили с ног, причем не моя охрана, а легат на пару с Вентурием. Я подскочила, пытаюсь разо-

браться, что происходит. Затем кинулась к Веледе.

Ангус тем временем уже приложил руку ко лбу девушки. Она застонала, приходя в себя. К нам подошел Квинт, склонился, заглядывая мне через плечо. Затем, видимо, поняв, что его помощь не требуется, отправился на свое место. Тем временем у Веритакса отобрали оружие и поставили на колени перед моим тронem. За непослушание.

– Прости меня, королева! – каялся Веритакс. – Моя дочь всегда отличалась послушанием. Не знаю, что на нее нашло! Это из-за Руэйда, – дядя посмотрел в сторону сводного брата. – Задурил девушке голову, да так, что она впала в безумие. Соблазнил и бросил! Пусть боги его покарают...

– Я? – возмутился Руэйд. Стража все еще его охраняла, но теперь внимание переключилось на Веритакса. Определенно, сводный брат воспрянул духом, словно почувствовал ветер свободы. – Я и пальцем к ней не прикоснулся!

– Ну и дурак! – пробормотала я.

Краем глаза заметила, как улыбнулся Квинт. Поблагодарила легата и короля коритан за помощь в обуздании взбесившегося дяди. Его поведение казалось в высшей степени подозрительным. На совете Веритакс всегда отличался сдержанностью и благоразумием, а тут ударил дочь на глазах у всех!

Девушка тем временем поднялась. На скуле у Веледы красовался кровоподтек, плечи сотрясались от рыданий. Ангус стоял рядом, поддерживая девушку, не давая ей упасть. Я

попросила, чтобы все расселись и хранили молчание, да и сама вернулась к трону. Не знаю, чего добивался Веритакс, одно ему удалось: девушка вновь казалась самой собой, и в ней уже не ощущалось присутствие богов. Все зависело от того, хватит ли Веледе смелости на то, чтобы произнести обвинение. Я не сомневалась, чье имя прозвучит из ее уст.

– Веледа, девочка моя, – начала я. Хотя какая она девочка! Дочь Веритакса была на год старше Аэлики. – Расскажи то, зачем пришла. Не скрывай ничего от суда.

– Это не Руэйд, – покачала Веледа головой.

– Ты ведь знаешь, кто виновен?!

Она кивнула, по щекам потекли слезы. Народ заволновался. Я подняла руку, вновь призывая к молчанию.

– Скажи мне. Клянусь, что уберегу тебя от гнева любого, даже если это твой отец!

Она стояла, кусая губы.

– Веледа! – подал голос Руэйд. – Прошу тебя, скажи...

– Молчи, дочь! Трехликим заклина... – Веритакс не договаривал, получив от стражника кулаком в лицо.

– Это он! Мой отец! – прошептала девушка.

– Скажи громче, – попросила я.

– Это мой отец! – произнесла Веледа. Зал зашелся в крике. Веритакс попытался было встать, то ли убежать, то ли прикончить дочь, но ему не дали.

– Да, да! Это он! – повторила девушка. – Я знаю, у кого куплен яд. Купец Десмос, что плавает в Даррию, частенько

приходил в наш дом. Я слышала их разговор...

– Она врет! – заорал Веритакс. – Молчи, дочь! О, боги, за что вы лишили ее разума?

– Да заткните же вы его! – крикнула страже.

– Еще я слышала, как отец говорил со своими сообщниками. Их пятеро, они в этом зале.

– Назови их имена, девочка моя! – попросила я, посмотрев на Прасурга.

Заметила, как напряглись короли, потянувшись к оружию. Не видела, но почувствовала, что к трону приблизился Квинт.

– Это... – она не договорила, потому что несколько человек, сидящие среди воинов, вскочили на ноги.

– Взять их, Прасург! – закричала я, но мой приказ потерялся в криках и звуках скрещенных мечей. Все закончилось быстро. Королям и легату не удалось поучаствовать в заварушке. Что могли пятеро против двухсот вооруженных до зубов воинов?

Вскоре оглядела стоящих на коленях передо мной четверых мужчин. Двух сообщников Веритакса зарезали в драке, их трупы вынесли из зала. Я видела кровавую дорожку, показывающую след, по которому их тащили. Веледа рыдала на плече у Ангуса. Руэйд топтался, поглядывая то на охрану, то на меня, ожидая, когда его отпустят.

– Как ты мог, Веритакс? – спросила я у дяди.

Тот промолчал, отвернулся, сплюнул кровью из разбитой

губы. А ведь я ему доверяла, даже назвала преемником в случае собственной гибели. Оказалось, за это и поплатилась.

– Он говорил им, – ровным тоном продолжала Веледа, – что надо действовать быстро. Королева собралась замуж за короля Вентурия. После этого шанса больше не представится.

Зал ответил ей восторженными воплями. Громче всех орала сопровождающие короля коритане. Я видела, как затрясли бородами довольные старейшины. Чего это они радуются?! Мало ли, о чем говорили между собой заговорщики? Я не давала согласия! Покосилась на Вентурия, на легата смотреть побоялась. Владелец медвежьей шкуры сидел рядом, улыбался торжествуя, словно только что получил олимпийскую медаль из рук самого В.В. Путина.

– Я не соглашалась на свадьбу, – сказала Вентурию.

Не суд, а чистой воды триллер! Отравления, убийства, заговоры и признания. Не хватало еще свадьбы и беременности главной героини.

– Это – дело времени, – отозвался довольный Вентурий, словно подумал о том же самом. – Еще до Лугнасада получу твой ответ, и мы отпразднуем свадьбу.

Тема была слишком скользкой, поэтому решила ее не развивать. До Лугнасада, праздника середины лета, оставалось два месяца. Я уже знала, какой ответ дам, но сейчас мне было не до брачных игр. Для начала приказала отвести Веледу в гостевую комнату в моем крыле. Оглашение приговора

определенно было не для ее глаз и ушей, ведь девушка и так едва держалась на ногах. Попросила перенести туда ее вещи, решив, что отныне она будет жить при мне. Также покликнула Бретту и Мару, наказав им не оставлять Веледу одну. Я боялась, как бы на нее не накатило запоздалое раскаяние из-за того, что она решилась пойти против отца.

Это было смелое решение. Ее свидетельство спасло Ру-эйда, но подписало смертный приговор Веритаксу. Один за другим законники признали дядю виновным. Короли сопредельных племен выразили свое согласие. Наконец пришла моя очередь. Зал замер, дожидаясь решения королевы. Мне предстояло огласить окончательный вердикт.

– Виновен, – сказала я, поднявшись на ноги. – Казнить. Все его имущество передать дочери.

Села, откинувшись на жесткую спинку трона. Закрывает глаза. Хотелось закрыть еще и уши, чтобы не слышать завываний дяди, которому оставалось жить несколько часов. Еще бы лучше сбежать в свою комнату, забраться на кровать и засунуть голову под подушку. Я понимала, что совершила ужасную вещь, но по-другому поступить не могла. Игра шла по-крупному, поле давно разложено, фишки расставлены. Либо он, либо я. Дядя вел в счете, но на моем кубике выпала шестерка. Вернее, Велета. Я выиграла, а этот мир не знал пощады к проигравшим.

– Остальных – в яму! – приказала страже. – Завтра разберемся, кто и насколько виноват.

Сегодня у меня попросту не осталось сил.

– Что с ним? – спросил один из охранников, кивнув на сводного брата. – Тоже в яму?

– Нет, отпустите. Подойди ко мне, Руэйд. Смелее, я не кусаюсь!

Последнее замечание вызвало взрыв смеха. Мне было не до шуток. Я видела, как волокли за дверь Веритакса, и он, поворачиваясь в мою сторону, умолял о пощаде. Быть может, еще не поздно передумать?

– Сестра! – сводный брат шел к трону, и шаг его был уверенным. Руэйд воспрянул духом, поднял голову, видимо, осознав, что сегодня казнят не его. Правда, после трех дней в яме вид он имел помятый. Роскошная шевелюра перепутана, на лице пустили корни синяки и кровоподтеки. И как такого... женить?

– Что же мне делать с тобой, Руэйд? Отправить на восточные рубежи? – начала я задумчиво. Народ тут же притих, ожидая продолжения. – Думаю, на строительстве защитных стен пригодятся крепкие руки. Не камни таскать, а выгребные ямы чистить. Надоел ты мне, братик! Вернее, твое вызывающее поведение и открытое неповиновение.

Замолчала, давая возможность осмыслить, что для него все еще не закончилось, а очень даже наоборот.

– Но я решила проявить милость, – добавила, увидев, как изменился в лице Руэйд. – Раз уж боги тебя наградили!

Руэйд кинул растерянный взгляд на друидов, не понимая,

в чем подвох. Уж чего-чего, а внимания со стороны богов он, подозреваю, не ожидал.

– Тебе подарили любовь женщины, – вздохнула я. – Хоть ты ее не заслужил!

– Ты говоришь о Веледе?

– О ком же еще?! Она пошла против отца не ради справедливости, а ради тебя, Руэйд! Не знаю, чем уж ты приглянулся Трехликому. Смотрю на тебя, и не понимаю! Быть может, родился под счастливой звездой?

Зал притих. Короли тоже молчали, слушали. Истории про любовь в народе ценились. Любовь и война – основные местные развлечения.

– Я не представляю, как поступила бы на ее месте и хватило ли у меня мужества. Но мой отец умер, и мне не придется выбирать между ним и возлюбленным. Поэтому...

Вздохнула. Кажется, придется приказать, а то, глядишь, и не догадается. Отправится еще по кабакам праздновать свалившуюся на голову свободу!

– Сейчас пойдешь и приведешь себя в порядок. Смоешь кровь с лица, наденешь чистую одежду. Затем отправишься к Веледе и утетишь ее так, чтобы она забыла обо всем, кроме тебя.

Народ заорал согласно, но Руэйд все еще выглядел растерянным.

– Мне ли тебе рассказывать, – вздохнула я. – В общем, будь мужчиной, братик! Я хочу увидеть свадьбу, а затем по-

верить, что ты счастлив в браке. Только так ты сможешь остаться при дворе в Инсуриме. Если не согласен, то на восточных рубежах и правда пригодятся свободные руки.

– Ты хочешь, чтобы я женился? – наконец догадался Руэйд. Кажется, боги недодали ему ума, но компенсировали недостачу внушительной мускулатурой и привлекательной внешностью. – На ней?

– Уж не на мне, точно! – ответила ему.

Вентурий оскалился в улыбке. Ясное дело, одним претендентом меньше!

– А если она не захочет?

– Сделай так, чтобы захотела.

Вздыхнув, повернулась к королю коритан за поддержкой. Пусть объяснит брату, как правильно утешить девушку, чтобы той срочно захотелось выйти замуж. Желательно, на следующей неделе. Нет, лучше, когда вернемся из Лондиниума! Устроим большой пир, музыкантов пригласим, даррийцев. Вернее, одного из них. Ладно, пусть и легионеров своих возьмет...

Тут я поморщилась. Казнь Веритакса определенно спутает все мои брачные планы. Мне все больше хотелось помиловать дядю, выслав его... Да хоть за Аррианов Вал. Ведь так хотелось праздника!

– Слушай меня, воин, – начал Вентурий, решив, кажется, помочь советом незадачливому жениху. – Пойдешь к ней и...

Дальше я вздохнула и отвернулась. Вентурий не скупился на детали и подробности. Детям до шестнадцати, называется. Встретилась взглядом с Актеоном. Король караветов выглядел расстроенным. Плечи поникли, на лице застыло обреченное выражение.

– Значит, все же Вентурий? – спросил он у меня. – У меня нет никакой надежды?

Я покачала головой.

– Надежды никакой. Но это не Вентурий.

– Тогда кто?

Похожий вопрос задал легат, когда мы шли с ним по длинной колоннаде внутреннего двора к выходу из дворца. Квинта дождался отряд легионеров, сопровождавший законников из Эборака; меня – чуть поодаль – два короля соседних племен, собственные придворные, друиды и старейшины. Люций терся неподалеку со списком бытовых проблем. Мой секретарь развлекал даррийских архитекторов, прибывших по моей просьбе из Лондиниума. В общем, есть чем заняться на ближайшую пятилетку.

Я же решила, что дела подождут. Шла рядом с легатом и не могла вымолвить ни слова, хотя так много хотела ему рассказать. Но повисший в воздухе вопрос выбил меня из колеи. Попыталась ответить, ведь надо было лишь произнести слово «ты». Честно старалась, но не смогла выговорить. Либо место не подходило для подобных признаний, либо... я не подходила. Поэтому ступала молча, вздыхала украдкой.

– Аэлика, ты не ответила на мой вопрос. – Квинт взял меня за руку, помогая спуститься по лестнице. Придерживал, чтобы не упала на недавно вымытых мраморных ступенях. Недавно видела, как на них поскользнулся Гахарит, и даже посох его не спас.

– Не ответила, – сказала я.

– Не ответишь?

– Пока не знаю.

Некоторое время мы шли молча.

– О чем ты думаешь?

– О дяде, – призналась ему. Надвигающаяся казнь убивала во мне романтические чувства. По большому счету, она убивала любые чувства, оставляя за собой ледяную пустоту неправильного решения, обрекшего на смерть другого человека. Как же поступить?

– Он должен понести наказание. Веритакс заслуживает смерти, – произнес Квинт. – Не сомневайся в своем решении. Я бы поступил точно так же.

Покачала головой, решив все же сделать по-другому.

– Могут ли ваши посты на Арриановом Валу пропустить мое посольство к кальзедонам?

Он остановился. Посмотрел на меня непонимающе.

– Ты же знаешь, для чего император построил защитную стену. Мы не собираемся допустить воинственное племя на земли Альбиона. Поэтому – о посольстве не может идти речи.

– Но, Квинт... Я вовсе не собираюсь воевать, а вот торговать, – заняла я. – Это урожайный год, у нас будет много пшеницы. Наши кузнецы и золотых дел мастера...

– Аэлика, говори напрямую, зачем тебе кальзедоны?

– Лучше бы спросил, зачем мне дядя, – вздохнула в ответ. – Я хочу дать ему шанс. Последний шанс послужить бригантам, – в голову лезли патетические глупости из старого советского фильма: «Свою вину он искупит кровью!» Хмыкнула, но вслух не произнесла. Вместо этого добавила: – Горцы все равно его прирежут, так пусть хоть не моими руками.

– Ты все-таки не хочешь казнить его? – на лице мужчины отразилось искреннее недоумение.

Я покачала головой, заранее каясь в содеянной глупости. Не могу! Не могу послать на гибель человека, и все! Пусть преступника и негодяя, но не могу. Унизить, сделав рабом? Веритакс из королевской семьи, это будет неправильно. Оставить его в живых в племени или же на землях Альбиона – тоже чревато. Он быстро оправится от пережитого испуга и вновь поднимет ядовитую голову.

– Я сделаю это за тебя, – сказал Квинт. – Заберу с собой в Эборак и...

– Нет, – покачала головой. – Я лучше пошлю его на смерть, но дам надежду. Пообещаю, что если договорится о мире с кальзедонами, прощу окончательно. Пойми, это лишь формальность! Никто не возвращался, отправившись на ту сторону Вала, – я знаю, друиды рассказывали. Кальзедонами

пугали маленьких детей, утверждая, что они перекидываются в чудовищ, еще более страшных, чем драконы. Они жили на севере Альбиона, не подпуская никого к своим рубежам. – Веритакса прирежут за первой же сопкой.

Легат не хотел уговариваться, сопротивлялся, просил меня не душить, но я умела быть прилипчивой. Мы, пиявки, такие... Особенно, когда соскучились. А соскучились мы так, что дух захватывало и хотелось подвывать от жалости к себе и к тому, что не могу ни обнять, ни поцеловать: люди смотрят. Мы и так уже вышли из дворца и давно разговаривали на ветру. Даррийские законники выглядывали из повозок, легионеры держали под уздцы лошадей, дожидаясь возвращения командира, а мы все не могли расстаться.

Наконец уговорила. Никаких торговых или же посольских миссий. Веритакса и его сообщников сопровождают и выпустят по ту сторону Вала. Без возврата. Я согласилась, вспомнив, как высылали военных или же политических преступников из Англии в Австралию. Хорошая возможность, мне понравилась.

– Когда ты поедешь в Лондиниум? – спросил мужчина. Мне казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не коснуться меня. Протянул руку, но я покачала головой. Не здесь. Не сейчас. Не перед всем племенем.

– Скоро. Соберусь, дела закончу. Думаю, дня через три.

– Я буду тебя сопровождать, – сказал Квинт.

Сердце забило. Радостно, предвкушающе. Это... отлич-

ные новости!

– Хорошо. Напишу тебе в Эборак, – сказала ему, не сдерживая улыбку. – Сама напишу, своей рукой! – пусть порадуется, что делаю успехи в изучении его языка.

– Буду ждать, – отозвался мужчина. – Поверю, когда увижу. Но я и так верю. Ты – чудесный алмаз, найденный мною в далекой провинции.

Улыбнулась. Знал бы он, что я еще и теорему Пифагора помню и, в общих чертах, откровения Ньютона, сподвигнутые падением яблока на голову. И еще многое из того, что легату и не снилось. Но это позже, позже! Не сейчас, а то народ вокруг нас давно уже нервничает.

– Прощай, Аэлика!

– А как же ответ? – улыбаясь, спросила у него. – Неужели не хочешь его услышать?

– Скажешь? – не поверил он.

Кивнула нерешительно.

– Или повременить?

– До нашей встречи три дня, Аэлика. Так долго! Слишком долго, – признался он. – Вдали от тебя. Без тебя.

Я собрала разбегающиеся мысли. Однажды Квинт назвал меня «любимой». Это придало мне сил. Вернее, смелости. Казалось, я давно уже ничего не боялась, кроме как... открыть свое сердце другому.

– Быть может, будет легче дождаться нашей встречи, если скажу, что ты его знаешь, – решила я. – Прекрасно знаешь.

Это – самый лучший человек на свете. Для меня. Если, конечно, тебя можно назвать человеком.

Зажмурилась, не уверенная, что выживу после сказанного. Сердце, открытое как на ладони – подходи и бери! – билось, словно сумасшедшее. Ладони вспотели. Нет, признания – не мой конек. Последнее было слишком давно. После него я и подумать не могла, что вновь произнесу подобные слова.

Наконец открыла глаза. Квинт смотрел на меня. Шагнул, обнял, наплевав на вражду между племенами.

– Люблю тебя, – сказал он.

Отпустил. Стоял, смотрел, любовался.

– Браслет, – попросил он. – Не снимай его. С его помощью я буду знать, что с тобой все в порядке.

Кивнула. Цепочку-то я порвала в прошлый раз. Наконец он развернулся и ушел к своим, а я продолжала стоять. Неподалеку терпеливо дожидалась охрана, суетились старейшины. Верховный жонглировал посохом. Ой, и достанется же мне... Ну и пусть! Я не сдвинулась с места, пока отряд даррийцев не скрылся за поворотом.

Глава 17

Посохом от Верховного я все же получила, но позже и уже по другому, совершенно неожиданному поводу. Отправив даррийцев, направилась к жаждущим моего внимания старейшинам. К моему удивлению, советников больше возмутило не то, что обнималась на ветру с легатом, а то, что я собралась помиловать Веритакса. За первое меня пожурили, посоветовав выкинуть Варрана из головы. Мое поведение списали на ветреность молодой королевы, затем пошли в атаку. Сурово хмуря брови, в очередной раз постановили: замуж, и срочно! За Вентурия, пока не натворила глупостей! А Веритакса – казнить, не раздумывая.

Однако! Ни замуж, ни казнить в мои планы не входило, так что старейшин ждало жестокое разочарование. Тем, кто разочаровался вслух и слишком громко, посоветовала собрать вещи и отправиться в компании дяди по направлению к Аррианову Валу. Чтобы не заскучали, их будет сопровождать отряд легионеров. Зато, как только закроются деревянные ворота заставы, денно и ночью охраняемой даррийцами, их ждет свобода. От меня. Надолго ли? Возможно, до ближайшего холма, поросшего невысокими северными деревьями. А там уже как повезет – либо прирежут, либо сожрут, ведь слухи о кальзедонах ходили разные. Старейшины притихли, видимо, поняв, что шутить я не собиралась.

Попрощавшись с Советом, отправилась навестить Веритакса, томящегося в яме. По соседству – а ям у нас много! – сидели его компаньоны. Дядя и его наперсники сперва возликовали, услышав, что сохраняют головы в целости и сохранности. Принялись было благодарить и уверять, что никогда больше... Кивнула. Именно так, никогда. «Обрадовала» тем, что отправлю их к кальзедонам с миссией мира и добра. Оглядела еще раз сникших послов. Веритакс с подельниками вид имели обреченный, словно понимали, что их все же казнят, но отложили торжественное мероприятие на несколько дней.

Покинув дядю, решила поговорить с Актеоном. Его племя соседствовало с горцами, пока на границе земель даррийцы не возвели свои укрепления. От короля караветтов я не узнала ничего путного. Вал построили еще до его рождения, так что «живьем» горцев он не видел, но заверил меня, что это все же люди. Да, ходили легенды, что кальзедоны перекидываются в чудовищ, но тех, кто видел горцев вживую, он не встречал. Если кто и был, то не уцелел. Кальзедоны жили обособленно, не вмешивались в дела племен Альбиона, но не терпели, если лезли к ним. Драконы, решив подчинить весь Альбион, положили в северных горах половину Девятого Легиона, после чего отказались не только от мыслей о дальнейшем вторжении, но еще и отгородились от горцев стеной через весь остров. О том, что произошло, – Актеон поморщился, – я могу расспросить Варрана. Если не Вентурий, то, вы-

ходит, именно легат занял мое сердце?!

Отвечать не стала, вместо этого развила бурную деятельность по подготовке посольства. Да, я решила пойти против воли Квинта, которого уговорила просто-напросто выставить заговорщиков за крепостную стену Вала. Надеюсь, не узнает!

В небольшой ларец сложила подарки неведомому королю то ли людей, то ли чудовищ: мужской торк работы знаменитого на весь Инсурим серебряных дел мастера, а также золотую статуэтку обнаженной девушки, правящей колесницей. Ее мне подарил пару дней назад цех ювелиров с пожеланиями скорейшего выздоровления. Полюбовавшись немного, решила все же пожертвовать диковинкой. Девушка на статуэтке странным образом напоминала меня саму. У возницы были длинные распущенные волосы, летящие по ветру, на лице – выражение торжества. Я смогла разглядеть тонкие ее черты, подивилась мастерству изготовителя. Надо же, даже с размерами угадал!

Задумалась о сопроводительном письме. Как быть, если народы Альбиона не удосужились обзавестись собственной письменностью?! Взяла чистый пергамент, на котором вывела на даррийском: «Королева бригантов Аэлика, дочь Кэдерина». Далее, с помощью секретаря, изложила свою просьбу в довольно короткой, но емкой форме. Выразила надежду, что наши племена будут жить в мире, несмотря... гм... на Аррианов Вал с караулом, а также попросила, если можно,

оставить у себя моих послов, а то они на родине не прижились. Маразм, одним словом! Вздохнув, оглядела собственные каракули. Почерк испортился окончательно еще со времен обучения в университете, где приходилось записывать лекции так быстро, словно студенты владели стенографией. Ну и пусть! Все равно Веритакса и наперсников прирежут за первым кустом, чего уж тут стараться.

Следующим утром все это вручила дяде, заверив, что им выдадут оружие в момент перехода за стену. Поприветствовала прибывший из Эборака отряд даррийцев, который должен будет сопровождать заговорщиков. Улыбнувшись, спрятала в рукаве записку от Квинта, которую тайком передал пожилой легионер. Тайны Мадридского двора, честное слово! Наконец повернулась и ушла. Целоваться с дядей и его соратниками и рыдать друг у друга на плече не собиралась. Дай бог, выживут! Если нет, пусть их переход за Предел будет быстрым и безболезненным.

Этот день по праву можно было окрестить «днем расставаний». Чуть позже попрощалась с Актеоном, который наконец-таки отправился восвояси. Сопровождать меня в Лондиниум он не стал, да и я не сильно настаивала. Договорились, что по возвращении приеду к нему в гости. Вот и все. Стоя на ступенях дворца, заставила себя улыбаться, разглядывая собиравшихся в дорогу караветтов. Призналась себе, что привязалась к молодому королю. Но, к величайшему сожалению Актеона, это была лишь дружеская привязанность.

– Прощай, Аэлика, – сказал он напоследок, когда его дружина уже седлала лошадей. – Останемся друзьями? – спросил у меня. Я кивнула, закусив губу. Длинные серьги, подаренные Актеоном, колыхнулись, прикасаясь, холодя шею. Почему-то захотелось плакать. – Я мечтал о большем, но боги не на моей стороне! – сказал он.

Расстались. На сердце было тревожно и тоскливо, но я не могла выйти замуж за всех! Проводив взглядом скрывшуюся в дорожной пыли делегацию караветтов, отправилась во дворец. По дороге к тронному залу подумала, что неплохо подъездной путь к вилле вымостить по даррийскому образцу, а то грязь и пыль такая, что перед гостями неудобно. Шла, разглядывая красивый, чистый внутренний двор, радуясь тому, что живу в подобном месте, пока не наткнулась на Руэйда. Вернее, сводный брат подкарауливал меня у больших дверей с вырезанными ликами местного божества, единого в трех ипостасях.

Выглядел Руэйд, надо признаться, неплохо. Разбитое при сопротивлении, а потом за непослушание лицо почти зажило: либо дело умелых рук друидов, либо заботливых Веледы. Одежда на брате была чистая, волосы, как всегда, живописно стояли дыбом. Золотой браслет на руке навевал мысли о его скорой женитьбе. Да и вид братец имел как у довольного кота, так объевшегося мышей, что я в качестве предмета охоты перестала его интересовать. Усмехнулась – вот что значит любовь женщины! Мне сообщили, что этим утром вещи Ве-

леды перенесли в его покои, поэтому понадеялась, что свадьба не заставит себя ждать.

– Мы поженимся после того, как ты вернешься из Лондиниума, сестра, – ответил Руэйд на мой вопрос. – Веледа согласилась. Надеюсь, ты не откажешься... присутствовать.

– Не откажусь, – сказала ему. – Ну что же, я рада за вас! А теперь проходи в зал, Руэйд, старейшины ждут. Я и так задержалась. Все никак не удавалось проститься с Актеоном.

Вместо того чтобы открыть дверь и пройти, Руэйд замер и стоял, столб столбом.

– Мы с утра обсуждаем, каким путем поедем сдаваться Наместнику, – сказала ему. – Да шучу я! – засмеялась, увидев, как изменилось лицо Руэйда. – Сдаваться не будем, только знакомиться.

– Ты допускаешь меня на Совет? – изумленно переспросил брат.

Кивнула. Именно так, допускаю! Место моей правой руки после того, как Веритакс отбыл на ПМЖ в северном направлении, занял Белинор, пожилой воин из знатного рода, проживающего в городе чуть ли не с его основания. Он чем-то напоминал третьего механика из моей бывшей команды. Теперь у меня была новая. Левая рука оказалась свободной, и я решила отдать ее брату. Так и сказала.

Руэйд расправил плечи, лицо обрело прежнюю уверенность, даже властность. Я скромно понадеялась, что сделала правильный выбор. Если меня убьют, отравят или пере-

едут колесницей, править будет он, а Веледа станет королевой. Кто знает, не подвигнет ли эта мысль сводного брата на новые подвиги ради золотого торка племени?

От этой мысли чертовски захотелось замуж. За Квинта Октавия Варрана. В принципе этого хотелось уже давно. И чтобы всем, кто позарится на трон бригантов, пооткусывал бы головы. А я... Я бы родила ему сыновей. Нет, сначала насладилась бы процессом зачатия. Задумалась о приятном, не заметила, как ушел брат. Очнулась от удивленного взгляда охранника, который держал открытой дверь, в которую я все не удосуживалась войти. Да будет Совет!

Как и думала, меня давно ждали. Старейшины, а также военачальники Прасург и Тристан из рода Таранисов, склонились над картой Альбиона. На совете также присутствовал Вентурий с двумя знатными коританами. Мужчины обступили низкий стол, на котором обычно устраивали пиршества, рассматривая дырявый, замусоленный кусок кожи, с красными точками городов и черными извилистыми линиями рек. Пальцами или кинжалами они прокладывали маршрут из Инсурима в Лондиниум, сыпали незнакомыми названиями племен, городов и рек, из-за чего я почувствовала себя двоечницей, не сдавшей зачет по географии. Все времени не хватало заняться, а теперь, как оказалось, поздно!

Вентурий, заметив мое приближение, посторонился, пропуская к столу. Конечно же, не забыл прижаться к моему боку, обжечь ухо горячим дыханием. Вместо того чтобы со-

греться, стало зябко. Я понимала, что с королем коритан надо держаться настороже. Он был опасен, напоминая мне охотника, наблюдающего за повадками дичи. Терпеливого, выжидающего, и все для того, чтобы выследить и убить ее одним ударом. Призом в этой охоте был золотой торк племени бригантов.

Отодвинувшись от него как можно дальше, окинула мужчину холодным взглядом. Вернее, попыталась. Сколь бы сильно ни опускала температуру, Вентурий делал вид, что его не проймешь морозом. Погладил меня по бедру, хотя до сегодняшнего дня не распускал особо рук. Это не совет, а... заигрывания какие-то!

Попросила Прасурга поменяться местами, пояснив, что с той стороны мне плохо видно. Некоторые отвлекают. Склонилась над картой, разглядывая размазанные, нечеткие очертания Альбиона и территорий других племен. У меня была отличная карта, похожая на те, которые красовались в учебниках географии. Этим утром ее прислал Квинт, и я успела лишь кинуть на нее взгляд.

Не успела упомянуть о подарке, как король с размаху вонзил кинжал в красную точку посередине карты, пригвоздив к столу Инсурим, главный город бригантов. Из него путь каравана лежал южнее, в Линд, столицу племени коритан. Жертвовать красивой даррийской картой сразу же расхотелось: располосуют, как пить дать!

– Я буду ждать тебя здесь, – сообщил Вентурий, уже вон-

звив кинжал в город южнее. — Ты оказала мне поистине королевский прием, теперь очередь за коританами.

Судя по его взглядам, встреча обещала быть жаркой. Из их столицы путь в Лондиниум лежал через земли дуббонов и триноваров. Обсудив детали поездки, выслушав, что думают советники и король о даррийцах, вызвавшихся меня охранять, отправилась провожать Вентурия. Собиралась сказать ему на прощание, что сердце мое отдано другому, но не успела. Король подошел и... Вместо прощания притянул к себе. Прежде чем очнулась от подобной наглости, прижал свои губы к моим.

Попробовала его отцепить, возмутиться, заехала кулаком ему под ребра, жалея, что к красивому платью, которое надела на его проводы, не подходил пояс с оружием. Поклялась себе: в последний раз вышла из комнаты без кинжала.

А охрана-то куда смотрит?! Мои телохранители, подозрительно косящиеся на пролетающих рядом со мной мух, стояли с невозмутимым видом, словно этот... поцелуй был в порядке вещей. Уволю! А потом прирежу... Нет, сначала прирежу, а потом уволю! И все потому, что прощание стало походить на репетицию брачной ночи. Мужские руки до боли стиснули мои ягодицы, чужая нога властно раздвинула колени. Вентурий до боли сжал мои бедра, притягивая к себе, позволив чувствовать охватившее его возбуждение.

Наконец перестала сопротивляться, поняв, что это бесполезно. К тому же он знал, что делал. Вернее, знал, что на-

до делать именно со мной, чтобы превратить тело в податливый, горячий воск в своих руках. Как могло произойти, что возмущение переросло в желание? Как вышло, что от ненавистного поцелуя я стала плавиться, гореть, растекаться в мужских руках? Тело требовало, приказывало, нет, оно кричало о том, что мечтает о продолжении. Этот вопль заглушил голос разума. Боги, что он делает со мной?!

Наконец отпустил. Дышал быстро, шумно. Растянул губы в торжествующую улыбку. Молодчики из его дружины закричали, заулюлюкали, довольные поступком своего сюзерена.

Я не могла ни сдвинуться с места, ни сказать, что думаю по поводу его поступка. Размышляла о собственной странной реакции, пытаюсь успокоить расшалившиеся гормоны. Ведь люблю другого, а целовала и хотела вот этого... здорового воина в звериной шкуре, с порослью светлых волос на мускулистой груди, белесым шрамом на правом боку, подозреваю, оставленным тем самым медведем, чьей шубой он украсил свои плечи! Либо поцелуй свел меня с ума, да так, что требовалась срочная госпитализация, либо мне досталось предательское, молодое тело, чьи желания попросту убивали разум. Других объяснений не было.

– Ты сдохнешь, – неуверенно пообещала Вентурию, – если еще раз так сделаешь!

Повернулась к охране.

– А вас я уволю. Всех! Сегодня же!

И наплевать, что это смахивает на истерику! Охранники проблеяли что-то невразумительное насчет того, что не хотели мешать искренним чувствам. Они и думать не думали, что я останусь недовольной. Ничего, теперь задумаются! Королеву бригантов может целовать только... Нет, лучше им не знать!

– Прощай, моя маленькая королева, – сказал Вентурий, несколько не смутившись от разыгравшейся сцены и моего явного недовольства. Хотел дотронуться и погладить меня по волосам, но я не далась. – Скоро увидимся! Не пройдет и двух дней, как ты ступишь на мои земли и мой народ будет приветствовать тебя...

Не дослушала.

– Доволен своим поступком? – спросила у него.

Вентурий кивнул.

– Знаешь ли ты, что бывает, когда целуешь женщин без разрешения?

– Знаю, – отозвался он. – Им это нравится.

– Не всем. Некоторые начинают тебя ненавидеть. Особенно если забываешь извиниться за то, что сделал.

Помолчала, позволив ему осмыслить сказанное. Ждала оправданий или же хотя бы короткого «прости». Не дождалась. Выводы он сделал вовсе не те, которые мне хотелось бы.

– Я знаю, что у меня есть соперник, – произнес Вентурий. – Но видишь ли, моя маленькая королева... Так даже интереснее, – оскалился король коритан. – Я все равно вы-

играю. К тому же теперь знаю, что я тебе более чем приятен. До встречи, Аэлика!

Развернулся и ушел, а я смотрела вслед очередной делегации, покидавшей Инсурим, и думала. Вернее, мечтала о том, чтобы Вентурий стал похожим на Актеона: верным другом, быть может, немного влюбленным, но смирившимся с тем, что торк бригантов не украсит его шею. Мечты, мечты... Боги этого мира подарили мне новую любовь, но выстраивали на ее пути такие препятствия, что преодолеть их впору только тренированному прыгуну через барьеры. Вентурий... Это был серьезный барьер, метра под два ростом, собравшийся заполучить меня любым способом.

Уж не по этому ли поводу меня дожидались друиды, когда вернулась с холма, на котором провожала дорогих гостей? На ступенях у входа во дворец стояли трое. Все в белом, как на подбор, а с ними дядька Черномор. То есть Верховный старец всея Альбиона. Покосилась подозрительно. Мало ли, будут песочить за развратное поведение: с одним целовалась, с другим обнималась.

Ругать не стали. Гахарит, Ангус, Грэхем держали под уздцы лошадей и даже седобородому старцу привели невысокую смирную коняшку. Я посмотрела на Верховного, никогда не расстающегося с посохом, прикинула, как высоко ему придется карабкаться в седло, и вздохнула. Надеюсь, посадят! Сдались им эти посохи, ни на миг не расстанутся! Ангус держал целых два – не только свой, но еще и тот самый, кото-

рый мне подарили на Играх, украшенный лентами и свежими цветами из дворцовой оранжереи. Пока глядела на него, у меня зародилось нехорошее подозрение. Чую, собрались по мою душу!

– Королева Аэлика, все готово, – произнес Грехем, один из старших друидов, бессменный помощник Гахарита. – Мы можем выезжать.

– Что готово-то? – обреченно произнесла я, видя, как приближается конюх с моей Зарей. Лошадь, заметив хозяйку, приветливо всхрапнула. Я погладила ее по теплой голове, потрепала гриву. Если что-то и было запланировано в программе дня, я не имела об этом ни малейшего понятия.

– Трехликий говорил со мной этим утром, – внушительным басом произнес Верховный. Посмотрел на меня многозначительно. Затем взялся за луку седла, зажав посох под мышкой. Я вытаращила глаза, затем оглядела присутствующих – неужели не придут на помощь? Не пришли. На секунду из-под белого балахона мелькнула нога в кожаном сапоге, и он уже в седле! Однако ловко для его годов!

– Я дам тебе Высшее Посвящение. Скоро, на закате, – известил Верховный, глядя на меня сверху вниз. – Мы должны отправиться сейчас же.

Вздохнув, уставилась на опускающийся диск солнца, который уже коснулся верхушек деревьев. В самом деле, если хотим успеть в Святилище до темноты, придется поспешить. А зачем мне Посвящение? Стало не по себе, когда вспомни-

ла одежду Гахарита, залитую жертвенной кровью. Не надо мне такого! Я без Посвящения проживу и буду жить долго... Или же недолго. Вариантов умереть в этом мире существовало много, на любой, даже самый изощренный, вкус.

– Может, не надо Посвящения? – неуверенно спросила у Ангуса. Тихо, чтобы Верховный не услышал. Хотя опоздала, старик уже ускакал по направлению к Святилищу. – У меня и так голова кипит, а тут еще и это. Такая каша заварится! – пожаловалась молодому друиду.

– Но ведь сам Верховный решил, – удивился он. – Такая честь! Никто в своем уме не отказывается от магии Священной Рощи. Ни один из правящих королей Альбиона еще не получал расположение Верховного. Ты станешь первой королевой-друидессой...

Я вздохнула. Оно мне надо?

– Ты могла пройти Посвящение еще на Англси, если бы...

Он красноречиво уставился на мою грудь. Бюстгалтеров в этом мире еще не изобрели, и на вечерней прохладе из-под тонкой ткани платья отчетливо выделялись бугорки сосков. Мужчина вздохнул. Я тоже, но совсем по другому поводу.

– Можешь не продолжать, – попросила его.

Обреченно подтянула узкое платье, оголяя ноги, чтобы забраться на лошадь. Переодеваться в мужскую одежду, судя по всему, у меня попросту не было времени.

– Это такая честь, Аэлика! – повторил слова Ангуса подъехавший Гахарит. Покосился на мои обнаженные колени, но

ничего не сказал. Охрана тоже забралась на лошадей. – После обряда ты сможешь Видеть и Слышать...

– Вроде бы не жаловалась на слепоту и глухоту, – пробурчала я, готовясь к тому, что ждет впереди.

Понадеялась, что обойдемся без крови. Либо что ее не будет слишком много.

Глава 18

Из Инсурима выехали только к обеду. Семь крытых повозок оказались под завязку забиты всякой всячиной – одеждой, кухонной утварью, провиантом, палатками для ночлега, подарками королевским семьям, через чьи земли будем проезжать. Наместника я тоже не забыла. К тому же в одной из записок Квинт упомянул о любимом коте Публия, так что озадачилась подарком и ему. В дорогу, помимо охраны и неизменной компании друидов, отправились три моих служанки, няня и Мара с питомцем. Я попыталась было возмутиться, увидев, как она упаковывает подстилку и игрушки для медвежонка, попробовала возразить, намекнув, что со мной и так зверинец едет, не хватало только павлинов... Затем согласилась. Вернее, Мара уговорила. Нытьем и поцелуями. Да берите, что хотите, хоть дворец упакуйте!

Дворец не упаковали, но набрали в дорогу гору ненужной ерунды. Медвежонку отвели отдельную повозку, укрепив ее прутьями, из которых соорудили подобие клетки на колесах. По дороге в ней частенько просиживала и девочка. За «решеткой» побывал и Ангус, с помощью которого Мара пыталась найти общий язык с Бартеком. А заодно строила друиду глазки, по мере детского своего разума. Мара уверяла меня, что Ангус понимает язык зверей и животных. Я кивала, хмыкая про себя. Конечно, сейчас зарычит по-медвежьи!

Помимо отдельной повозки для Бартека, целую повозку отвели под мой гардероб. Я оглядела слуг, сгибающихся под тяжестью сундуков, и пришла в ужас. Неужели мы все это берем? И, главное, зачем? Во дворце я носила несколько любимых платьев и сменных туник, а также пару удобных штанов. Эти даррийские платья... Красивые, конечно, и цвета такие, что глаз радуют, и ткань мягкая и шелковистая, не чета тем, что носили на Альбионе из льна или грубой шерсти, но... Я не собиралась их надевать, даже чтобы порадовать наместника. Ведь я – королева бригантов, одного из сильнейших племен Альбиона. За мной – Древние Боги и священные рощи Немеды, со мной – сила наших лесов, стремительных рек, бескрайние просторы полей, плодородная земля, год из года приносящая богатые урожаи, рудоносные горы...

Не знаю, что еще за мной, но вот что с моей головой?! Кажется, я тронулась умом после вчерашнего, начав мыслить так, словно рождена на землях Альбиона!

Потерла то самое место, куда вчера получила посохом от Верховного. Не бил, а приложил ко лбу, заставив встать на колени в Святилище, закрыть глаза и повторять длинную монотонную молитву, смысл которой я потеряла уже на первой минуте. Давил все сильнее и сильнее в область между бровей, пока я не поняла, что сейчас упаду. Открыла глаза. Факелы, горящие в статуях Трехликого, казались огненным взором Древних Богов. Нет, я не собиралась валяться на земле у них на виду! Хотела встать и уйти, послав всех далеко и

надолго, объяснив, что в такие игры не играю, а Посвящение мне даром не нужно, но не смогла вымолвить ни слова. Даже пошевелиться не получилось, словно на меня напал внезапный паралич под взглядом Трехликого. Тут раздался голос Верховного:

– Помни, откуда ты пришла и куда идешь, Аэлика! Не забывай, что отныне ты принадлежишь этой земле, этому лесу, священным деревьям, так же как и они принадлежат тебе.

Затем вдавил в лоб набалдашником так сильно, что стало больно. Из посоха полилось синее сияние, окутывая меня с ног до головы. Мне вновь стало плохо, словно организм устал играть в отравления и посвящения. Я все же упала в обморок, но меня быстро привели в чувство. Друиды, как-никак! Отдали на руки охране. Прасург, прибывший в святилище, отвез меня в Инсурим и донес до покоев, потому что Посвящение, хоть и прошедшее без крови – моей или жертвенных животных, забрало все силы.

Утром рассматривала себя в зеркале – ни шишки, ни покраснения не было, но вывих мозга, подозреваю, все же случился. Сначала мне показалось, что я была такой, как всегда. Ни островидения, ни острослышания не прорезалось. Сколько ни старалась услышать разговоры слуг, работающих в саду, или разглядеть, что они несут в больших корзинах, так ничего и не получилось. Наконец решила, что Посвящение не сработало. Как была дуб дубом на Англси, вернее береза березой, так и осталась! Но с другой стороны... Я все

больше забывала о собственном мире. Словно и в помине не было успешной карьеры гонщицы, Андрея, Ведьминой Петли, а всегда был лишь королевский дворец в Инсуриме, моя эсседа, которую тоже взяли с собой – почему бы и нет? – и даррийский легат Квинт Октавий Варран, дожидавшийся с отрядом легионеров на перекрестке у выезда из столицы бригаантов.

Встретились. Он приветствовал меня официально, как принято. От имени императора Авелия и сената, черт побери всю их команду! Я тоже не осталась в долгу, хорошо хоть Священные роци и все имена Трехликого не приплела. А чего я хотела? Что мы могли? На нас смотрели. Его легионеры, мои приближенные, друиды, слуги. Внимательно, настороженно. Думаю, многие видели наши объятия на ветру, ожидали, не сделаю ли я очередную глупость. Не сделала, хотя и мечтала. Пришлось довольствоваться его взглядом, голосом, короткой улыбкой, надеясь, что за два дня разлуки для него ничего не изменилось. Не передумал он, не встретил другую, не испугался трудностей, ведь мы такие разные.

Приказала охране отстать, дав нам возможность поговорить без любопытных ушей. Может, ушей рядом не оказалось, но я чувствовала, как проедают нас взглядами Руэйд, рыжеволосый Тристан и Прасург, словно пытаюсь прожечь дыру в моей простенькой тунике поверх сорочки и длинных мужских штанов, заправленных в высокие кожаные сапоги. От их взглядов и от близости к легату мне стало жарко.

Украдкой вытерла вспотевшие ладони. На миг показалось, что температура поднялась градусов до тридцати. Но нет, конец мая, довольно прохладно... Ветер гнал по небу разорванные в клочья облака, верхушки деревьев в березовой рощегнулись под его порывами. Они словно махали мне на прощание, желая счастливого пути. Нет, я определенно схожу с ума! И все потому, что явно услышала голос, идущий из леса. Голос леса. Нечеловеческая речь, но у меня было стойкое ощущение, что еще немного, и я пойму, о чем шепчут деревья. Потрясла головой. Неужели перегрелась на весеннем солнышке?

– Аэлика...

– Да?

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Вернее, отлично.

Если не считать некоторых странностей в моей голове, рядом с ним я ощущала себя полностью здоровой.

– Ты выглядишь бледной, – у Квинта был встревоженный голос, встревоженный взгляд. Мне казалось, он выглядел как человек, который не находил себе места. Потому что был вдали от меня.

– Это все сборы, – пожаловалась ему. – Набрали всякой ерунды. Сколько повозок! Словно не в гости едем, а вторжение в Лондиниум организуем. Ой, прости! Это была шутка, – пробормотала я, увидев, как нервно дернулось красивое мужское лицо. – Вентурий все не уезжал, а потом еще

и Верховный с Высшим Посвящением, – продолжала жаловаться, чтобы замять неудачный момент. Надо же было такое сказать!

– Посвящение? – не поверил Квинт. – Аэлика, Высшее Посвящение?

Голос его мне совсем не понравился.

– А... Ну да, – отозвалась я, пожав плечами. – Вчера в Святилище...

Ничего особого не произошло, почему он так напрягся? Рассказала Квинту про обряд; единственное, про обморок умолчала, решив не пугать. Он, кажется, и так излишне переживает.

– Аэлика, девочка моя... – произнес мужчина. – Ты понимаешь, что происходит?

Пожала плечами. До сих пор казалось, что понимаю, но теперь засомневалась.

– Ты отдаешь себе отчет, к чему это может привести?

– О чем ты? Я должна была получить посвящение еще на Англси, но это случилось вчера. Пустяк, простая формальность.

– Высшее Посвящение, данное Верховным друидом Альбиона? – мужчина посмотрел на меня с удивлением. – И ты называешь это пустяком? Я в твоей стране полтора года, но, поверь мне, знаю, сколько идут к Высшему Посвящению. Шесть лет на Англси, затем еще двенадцать практики. Верховный посвятил тебя всего лишь после четырех лет.

Я вздохнула. Если бы он знал! Не было ни Англи, ни четырех лет, ничего не было! Зато теперь преследуют галлюцинации и голоса, и я не знаю, как с ними бороться.

– Быть может, потому что я – особенная? – спросила у мужчины, пытаясь за улыбку спрятать тревогу.

– Для меня ты – особенная, но... Это политика, Аэлика! Тебя используют. Тебя готовят.

– К чему?

– К тому, чтобы за тобой пошли народы Альбиона, – произнес он резко. – И они пойдут! Против Даррийской Империи! Весть о том, что ты получила посвящение из рук Верховного, разойдется по племенам. Ее уже разносят, уверен! Передают из уст в уста, как сороки на хвосте, ваши ватты, сказители, друиды. О том, что на троне бригаантов сидит королева, отмеченная знаком Древних Богов. О том, что друиды на ее стороне.

Покачала головой.

– Все не так, Квинт! Мы не хотим войны. Уверена, есть и другая причина.

– Если бригаанты восстанут, кто из племен к тебе присоединится, Аэлика? – легат не стал меня слушать. – Можешь не называть, я и так знаю.

Промолчала, кусая губы. В чем-то он прав! За мной пойдут караветты, потому что Актеон все сделает из-за любви ко мне. Коритане и децианглы первыми будут рваться в бой. Они хотят войны, но не рискнут выступить в одиночку. Вос-

стань бриганты, к нам присоединится вся центральная часть Альбиона. Быть может, и другие племена с юго-запада. Это ведь уйма народа! Под три сотни тысяч копий. Огромное, вооруженное, кровожадное войско. Друиды... Еще и друиды! Квинт мог бы волноваться, если бы...

– Я не пойду против твоей страны, – заверила его. – Никогда не выступлю против тебя.

– Аэлика, в жизни бывают случаи, когда боги не оставляют нам выбора, – резко произнес он.

На глаза навернулись слезы. Как он может говорить такое?! Вспомнила слова Прасурга о том, что, начнись война с Даррией, Девятый Легион против нас поведет Квинт Октавий Варран.

– Прошу тебя, не допусти такой ситуации! – произнес он. Отвернулась, чтобы он не видел, как я плачу.

– Я сделала свой выбор, – наконец, успокоившись, сказала ему. – И не собираюсь его менять. Но если ты сомневаешься в своем...

Хотела пришпорить Зарю, чтобы уехать от него прочь, а потом поразмыслить на досуге. Обнять Мару и поплакать в ее пушистые пахнущие весенними цветами волосы. Я ведь люблю его, а он... Квинт схватил под уздцы мою лошадь раньше, чем успела ускакать. Черт, если сейчас не отпустит, то у моей охраны случится гипертонический криз.

– Я тоже свой сделал, – сказал он. – И не изменю его никогда. Ты – мой выбор, Аэлика! Поэтому прошу быть осто-

рожной.

– Отпусти лошадь, – попросила его. – Не стоит начинать кровопролитие раньше времени! И голос на меня не повышай.

Я на него злилась. За недоверие, за резкие слова, за то, что мечтала о его объятиях, но не могла к нему прикоснуться.

– Аэлика, прости, – он отпустил мою лошадь. – Мне тебя очень не хватает.

– Мне тоже, – отозвалась я, жестом приказав расслабиться подоспевшей охране. Вздохнула. Ничего, переживем. Как-нибудь разрулим и это! – Но сейчас нужно ехать. Поговорим позже.

Позже мы почти не виделись. И все потому, что в поездке, на которую я возлагала столько надежд, у меня попросту не оказалось свободного времени. На землях бригаантов нас приветствовали старейшины городов и поселений, народ выходил навстречу, кидал под ноги лошадей цветы. Дарил мне небольшие, но красивые безделушки. Я не оставалась в долгу – благо везли целую повозку с подарками, которые следовало раздать в дороге. Знатные и богатые роды заманивали наш караван в свои дома, пытаясь хорошенько накормить дорогую гостью, не забывая о сопровождающих друидах и воинах. Даже даррийцам сполна перепало от нашего гостеприимства.

Наконец остановились на ночлег в пограничном городке в доме его старейшины. Гонцы ускакали вперед, предупредить

коритан, что с первыми лучами солнца мы въедем на их территорию. Я хотела было отправиться с охраной в лагерь даррийцев, который разбили у стен города, чтобы поговорить с солдатами, желающими остаться на землях бригантов после службы. К тому же успела по пути перекинуться парой слов с Квинтом и договориться о вечерней встрече. Пусть под надзором телохранителей, но побыть немного рядом с ним. Тут меня перехватил Верховный. На лицах друидов читалась решимость. Они потащили меня в лес, что темным воинством подступал к защитным стенам городка. Только и успела написать легату короткую записку о том, что не смогу прийти, попросив няню ее передать.

За друидами, выглядевшими вполне бодро, плелась моя усталая охрана и не менее усталая я. Я попыталась заговорить с Верховным о тревогах, что не отпускали после разговора с Квинтом. Ведь не заслужила я Высшее Посвящение, потому что ничего не умею! Меня тревожил вопрос: зачем мне его дали? Старец, как всегда, оказался не в духе и разговаривать на эту тему не стал.

– Вот и научишься! – пробурчал он. – Раскрой свои уши, старайся и запоминай, а то стоишь, пень пнем!

Усмехнулась. Никто меня так еще не называл – королеву бригантов-то! Зато сразу взбодрилась.

Первый урок затянулся до рассвета. Меня учили слушать деревья, траву и ветер, чувствовать голос земли и находить места присутствия Древних Богов. Я с трудом сдерживала

зевок, стараясь выполнять все, что от меня требовали. Повторяла вслух молитвы, участвовала в странных ритуалах, открывала сердце шепоту листвы, ловила ветер, обнималась с деревьями, признаваясь им в любви. При этом старалась не заснуть во время очередных объятий и не сильно коситься на пролетающего над нами черной тенью дракона. Его видела не только я. Верховный, потрясая посохом, выкрикнул пару проклятий в звездное небо, затем бормотал ругательства, обзывая легата «летающим пнем» за то, что тот отвлекал от занятий.

Наконец замученную меня Ангус практически дотащил до дома старейшины. Когда я заходила в свою комнату, увидела Квинта, беседующего с Верховным. Голоса у обоих были недовольными. Мне так хотелось спать, что решила не углубляться в суть разборок. Упала в кровать. Только успела закрыть глаза, почувствовав, как ресницы коснулись щек, как настало время вставать. С трудом открыла глаза новому дню, который обещал быть непростым. Через несколько часов мы въехали на земли коритан.

У самой границы нас встретил Вентурий с дружиной. На этот раз король был одет в парадную одежду, на которую накинута все та же любимую медвежью шкуру. Мощную шею мужчины украшал массивный золотой торк, еще более массивный, чем он носил, когда гостил на землях бригаантов. Король, в окружении здоровенных воинов, впечатление производил внушительное. Но не на меня.

Помня о поцелуе, старалась держаться от него подальше. С лошади снимать не позволила, дружеские объятия проигнорировала. Поздоровалась вежливо и холодно, примерно так же, как и с легатом на перепутье у Инсурима. Куда там, этого вежливостью не проймешь! Уставился на меня с улыбкой победителя, словно только что с прохладным приветствием дала согласие выйти замуж.

Обменялись приветственными речами вместе с дарами: я преподнесла Вентурию два охотничьих рога, он подарил мне очередные красивые безделушки. После чего отправились в столицу Линд. Вентурий держался рядом, рассказывая о своей стране, мельком упомянув, что вскоре она станет моей. Привыкай, маленькая королева!

Вздохнула, стала рассматривать сельские пейзажи. Вокруг лежали засеянные поля, на которых уже взошли озимые – пшеница и рожь, что соберут в первой половине лета, еще до праздника Лугнасад. Иногда вдоль дороги стояли местные жители, махали приветственно. Кричали здравицы, желая долгих лет королю и королеве. А еще – процветания, любви и наследников побольше, словно Вентурий уже стал моим мужем, а я случайно забыла, когда это произошло. Возмутилась. Попыталась прекратить безобразие, объяснив, что король не только забегает вперед паровоза, но и вообще убежал в противоположном движению направлении. Конечно, не столь образно, но... Вентурий лишь рассмеялся в ответ. И как с таким быть?!

Тем временем подъехали к святилищу Древних Богов. К дороге вышла группа друидов, поклонилась почтительно, заставив деревья ронять листву под ноги каравану. Я почувствовала, как поют приветственный гимн деревья в Священной Роще. До посвящения и понятия не имела, что такое существует. Знать не знала, что это можно услышать. Нет, не ушами! Песня природы отзывалась эхом в моем сердце, заставляя улыбаться.

Улыбалась до тех пор, пока не поехали дальше и я не увидела колья, на которые, словно выставочные экземпляры, были нанизаны отрубленные мужские головы. Поспешно отвернулась, хорошо хоть не зажмурилась, потому что встретила взглядом с Вентурием.

– Мой отец к старости стал излишне мягкосердечным. Позволил распоясаться воровскому люду, – пояснил король. – Я навел порядок на своих землях, уничтожив все, до единой, шайки. Это была последняя.

Я поежилась. Слава богу, наши разбойники закончились еще при Кэдерине. Отец Аэлики дал согласие, вернее, со слов Прасурга, его вынудили передать крепость Эборак даррийцам, в которой и расквартировалась половина Девятого Легиона. Они быстро навели порядок на наших дорогах, что меня крайне радовало.

Коритане к даррийцам относились с прохладцей, следуя примеру своего короля. Вентурий, как только мы пересекли границу его земель, стал откровенно зарываться. Вернее, на-

рывать. Я понимала, что стала причиной неуместной бравады и резких слов о том, как замечательно жили предки и будут жить потомки без власти драконов. Из-за меня Вентурий рисовался перед Квинтом Октавием Варраном. Вскоре его «художества» стали походить на откровенную наглость.

На каждом из холмов, с видом на лиственные леса, крестьянские поля, серебристые в лучах солнца озера или же на извилистые реки, местами переходящие в болота, он кичился тем, что кинет к моим ногам все богатства своей страны, а вот некоторые... У некоторых за душой нет ничего. Неправда! Да и какая мне разница, ведь не в деньгах счастье, – хотела ответить Вентурию, но промолчала.

Поняв, что он пытается уязвить Квинта, и, судя по лицу легата, ему удалось, засобиравшись в повозку. Решила, что если причина конфликта уйдет спать, он может рассосаться сам по себе. Правда, для начала натравила на Вентурия Руэйда и Тристана, попросив их заболтать короля на охотничьи темы так, чтобы у меня выдалось несколько свободных минут.

Подъехала к Квинту.

– Ревнуешь? – спросила у него.

– Нет, – отозвался легат. – Я не ревнив.

От его спокойного голоса мне стало не по себе. Уж лучше бы ревновал, честное слово!

– Это хорошо, – вспомнила слова Вентурия. – Значит, будешь рубить головы?

– Я их буду откусывать, – усмехнулся мужчина. Кривой такой усмешкой, и я поняла, что он едва сдерживается. – Я, как дикую собаку, загоню его на его собственные болота, где он сдохнет, задохнувшись в ядовитых испарениях...

– Квинт, прошу тебя!

– Если осмелится сунуться обратно и вновь открыть пасть, вырву ему глотку, – спокойным, даже будничным тоном произнес легат. Замолчал. Стало ясно, что мужчина не шутит.

– Нет, Квинт, только не война! Он ведь задирает тебя... из-за меня. У него от ревности едет крыша. Черт, ну не смотри ты на меня так! Я хотела сказать, что с головой он не дружит, вот что!

Я пыталась уговорить Квинта, одновременно понимая, что с Вентурием все намного сложнее. Уж кто-кто, а король коритан с головой дружил. Неужели решил выступить против Даррии? Но почему именно сейчас?

– Аэлика, его наглость переходит все границы. Он давно ведет себя вызывающе. Дело не только в тебе, но и в деньгах. Наши сборщики налогов в этом году не досчитались больше половины суммы. Его отец наделал таких долгов, что Вентурию не хватит и полжизни, чтобы рассчитаться. Мог бы попробовать, но, похоже, решил сыграть в опасную игру. Посмотрим, что скажет, когда в его дом постучится армия Императора.

– Воюйте, – разрешила я. – Убивайте друг друга, режьте глотки, положите сотни тысяч с каждой из сторон, но не сей-

час. И не из-за меня! Я не стану причиной раздора!

– Аэлика...

– Ты многого обо мне не знаешь, – в этом месте я зажмурилась. – И не узнаешь никогда, если сцепишься с Вентурием.

Он изменился в лице. Нет, это неправильная тактика... Попробую-ка я по-другому!

– Прошу тебя, заклиная, ради меня... – заныла я, решив сменить тактику. – Оставь его в покое! Пусть он живет... на своих болотах. Платит или не платит налоги, это ведь не твоя забота. Еще два дня, и мы пересечем территории коритан и забудем о его сомнительном гостеприимстве.

Правда, придется еще и обратно ехать. Я ныла долго и старательно, пока не миновала гроза.

– Хорошо, пусть коританская собака лает, сидя в будке, но...

Согласно закивала, все еще поражаясь наглости Вентурия.

– Скоро доберемся до Лондиниума, и ты узнаешь, что такое даррийское гостеприимство, – произнес Квинт.

– Я мечтаю о твоём...

И в самом деле, мечтала – о его доме, небольшом диванчике в атриуме, где сидела у него на руках. О нашем завтраке, который он приготовил сам. О разговорах, поцелуях и моменте, когда его тело прижималось к моему, а между нами была лишь тонкая моя сорочка, хотя я желала, чтобы не

было и ее.

– Скоро, – сказал он. – Я обещаю, что постараюсь быть терпеливым с Вентурием.

Терпеть, как оказалось, ему пришлось долго, потому что в Линд мы двигались с черепашьей скоростью. В каменном дворце, построенном местными каменотесами, с видом на начатую, но заброшенную даррийскую виллу – Вентурий так и не принял подарок Императора – король закатил пир в мою честь.

Праздник продолжался до рассвета, и я все никак не могла с него сбежать. Квинт тоже был приглашен, но в такой форме, что я бы на месте легата послала короля коритан в место, куда не только ушел спонсор, но и несколько раз ходили старейшины, пытавшиеся выдать меня замуж. Он едва сдержался, но, видимо, вспомнил о данном обещании. Все же собирался пойти – из-за меня. Я едва уговорила его остаться в лагере, во избежание кровопролития.

На пиру от крайне навязчивого общества Вентурия меня спасал Руэйд. Я была крайне признательна брату за то, что отвлекал короля разговорами о войсках, оружии, доспехах и охоте. Ничего не пила и не ела, решив не рисковать – мало ли, опоят или отравят. Хотя мне казалось, это не в характере Вентурия. Ночью, когда народ уже знатно набрался и давно пора было отправляться спать, прибыла новая делегация. Во дворец пожаловали короли децианглов и корновиев. Под утро, когда заря заглядывала в распахнутые навстречу

новому дню ставни королевского дворца, косясь на заснувших на полу и столах воинов, четыре короля, вернее, три короля и одна королева, вновь поклялись друг другу в вечной любви. Я покачала головой и погрозила пальцем тем, с чьих уст были готовы уже сорваться сомнительные шутки, и отправилась спать. Спать! Интересно, Квинт узнает, что в союзе племен Альбиона нас уже пятеро?!

Ой, лучше не буду ему говорить! Зато... Зато пять племен, пусть Актеона не было с нами, но, уверена, он бы поддержал, обязались не воевать друг с другом. Меня радовало то, что, если на нас нападут юты, мы дадим отпор любому вторжению.

Вскоре племен стало шесть, потому что присоединились и дуббоны, у которых я гостила целых два дня. Правда, к моему сожалению, вместе с Вентурием, что решил проводить меня до границ племени триноваров. Король Дабур имел вид пожилого соблазнителя. Как говорится, седина в бороду, бес в ребро. Пытался шутливо за мной ухаживать, за что заслужил от супруги пару тычков в многострадальное ребро. Мы с ней подружились, несмотря на то что она, в свою очередь, попыталась сосватать мне среднего сына, так как первенец оказался женат. От ее сына я вежливо отказалась, намекнув, что сердце мое несвободно. В детали вдаваться не стала. Единственное, сказала, что это не Вентурий.

Королевская резиденция в Ратах отличалась такой же роскошью, как и даррийская вилла бригаантов, поэтому мы с Ма-

риссой вдоволь пользовались королевскими банями, болтали о мужьях и детях, которых у меня не было, но хотелось, чтобы в будущем появились. Интересно, если у нас с Квинтом будут дети, смогут ли они превращаться в драконов? Хотя, какие тут дети – мы до процесса зачатия-то никак не дойдем!

Меня заняли женскими делами. Королева Марисса без устали хвалилась единственным внуком, затем протащила меня с Марой по столице с заходами в мастерские ювелиров и ткачей, из-за чего я обзавелась множеством красивых вещей. Вентурия и мою знать увлекли охотой, да так, что я их почти не видела последние два дня. Квинт тоже участвовал в мужских развлечениях, потому что дуббоны настроения имели продаррийские и принимали легата как дорогого гостя. Вечерами же меня утаскивал Верховный. С каждым разом, с каждым его уроком я яснее слышала голоса леса, деревьев, травы.

– Доверяй себе, Аэлика! Своим чувствам, своей земле, силе твоих богов, – говорил Верховный, протягивая сладость подошедшему красавцу оленю. Я замерла в сторонке, под охраной друидов и телохранителей. Подозрительно косилась на гиганта с огромными ветвистыми рогами, который поедал угощение с ладони друида. Такие экземпляры в моем мире я встречала лишь в зоопарке. Рука тянулась к кинжалу, а глаз косил в небо – не пролетит ли над нами дракон, а то боязно! Охранники тоже поглаживали оружие, но уже по друго-

му поводу. Уверена, думали, что зря три центнера мяса простаивают. Знатная дичь!

– И твоя земля доверится тебе, – добавил Верховный. – Послушает, признает тебя. Плати любовью за любовь, и тебе покорится сила Древних Богов!

Он раскрыл руку, и олень доверчиво ткнулся мордой в ладонь друида, будто выпрашивал ласку. Неожиданно огромный зверь опустился перед старцем на колени. Я не поверила собственным глазам. Но ведь это... невероятно! В следующую секунду друид жестом поднял лесного красавца на ноги. Прошел рядом с замершим зверем, похлопал по крупу, затем милостиво разрешил тому уйти. Самец гордо вскинул голову и удалился в лес. Мои телохранители застонали, причем не мысленно, а очень даже вслух.

– Ты тоже так можешь? – негромко спросила у Ангуса, когда вниманием Верховного завладел Гахарит. Два мужа в белом рассматривали старую березу, на стволе которой гигантским уродливым наростом прижились грибы-паразиты. Голоса у друидов были заинтересованные. Помнится, чаге в моем мире тоже приписывались лечебные свойства.

– Бывает, получается, – произнес Ангус. – Правда, немного реже, чем хотел бы. В последнее время я даже понимаю, чего хочет Бартек. Могу приказать, вернее, попросить его выполнить и мое желание. Но, честно говоря, почти всегда он поступает по-своему. Мара разбаловала его, маленькая проказница!

Я усмехнулась. Ничего, скоро девочка подрастет! В брачный возраст здесь входили в четырнадцать, вот тогда и посмотрим, как друид переживет ее взрослые проказы.

– Ангус, что затевает Верховный? – решила я. Покосилась в сторону друидов и понадеялась, что нам дадут спокойно поговорить и не потащат меня на очередное испытание. Оставив грибы в покое, они замерли посреди поляны. Гахарит протянул руки в сторону березняка, похоже, тоже решив кого-то призвать. Рядом скептически похмыкивал Верховный, сжав верный посох в руке. Чую, сначала достанется Гахариту за нерадивость, затем придет и моя очередь.

– Гахарит говорил мне, что друиды против кровопролития и не хотят войны. Но тогда зачем Верховный так спешил с моим посвящением? Квинт... Квинт Октавий, – поправила себя я, – утверждает, что друиды меня готовят. К чему? Я спросила у Верховного, и за это чуть было не получила посохом по голове.

– Аэлика...

– Прошу тебя, Ангус! Мне надо знать. Я чувствую себя в лабиринте, да еще и с завязанными глазами. Не только потерялась, но и лоб себе вот-вот расшибу.

Ангус улыбнулся. Тут я заметила, как из леса выбежал серый заяц. Замер на краю поляны, нервно подергивая ушами, боясь приблизиться к людям, хотя Гахарит старательно тянул к нему руки. Тогда я решила. Закрывает глаза и заставила... Нет, попросила, деревья, траву и кусты запеть. Так же,

как это сделал однажды для меня Ангус. И они откликнулись, послушно наполняя поляну тихим, переливчатым звуком.

– Помнишь тот раз... – произнесла я, чувствуя, как в груди зарождается торжество. Получилось! Этот лес принял меня, послушал меня! Это было невероятное, восхитительное ощущение. – Ты кормил меня лесной земляникой и обещал, что всегда будешь на моей стороне. Ты нужен мне, Ангус! Как друг. В последнее время я все время теряюсь в догадках одна другой интересней. И еще мне страшно. Я боюсь войны, боюсь что-то сделать не так.

– Мы не хотим войны, – вздохнул друид. – Но Верховный беспокоится. Он боится потерять тебя. Ты нужна нам, Аэлика! Не только нам, но и этой земле, как залог стабильности и спокойствия на Альбионе, – друид протянул руку, коснувшись куста, у которого мы стояли, тронул листья. И они доверчиво потянулись к мужчине. – У тебя замечательно получается. Я учился этому много месяцев, а ты... За три дня.

– Спасибо, – поблагодарила я друида. – Вам нечего бояться, ведь я не собираюсь никуда пропадать.

Его слова меня встревожили. Не слишком ли много ответственности на одну растерянную меня? Я ведь никто, пришла ниоткуда и почти ничего не умею. Да и куда я денусь? Гахарит крепко привязал меня к этому миру.

– Дракон, Аэлика! – вздохнул друид. – Верховный думает, что тот скоро предъявит на тебя свои права.

Деревья перестали петь. Трава растерянно замолкла.

– Какие еще права? – подозрительно спросила у друида.

Ангус замолчал и насупился. Я прикидывала, как его лучше разговорить: попробовать придушить самой или же упростить выюнок переползти с дерева к ногам друида, затем подняться вверх по кожаным сапогам, а потом по телу, которое знавала Аэлика, но которое больше не интересовало меня, потому что...

– Верховный считает, что ты – Пара для дракона.

– Что?! – воскликнула я. Трусливый заяц Гахарита дернул ушами и сбежал. Друид нахмурил брови и бросил на меня укоризненный взгляд.

– Прости, прости! – прошептала я Гахариту. Пусть не услышал, но понял, кивнул, сияясь улыбнуться.

– Верховный уверен, что ты предназначена легату Варрану его богами, – мрачно произнес друид.

– Но...

– Сначала мы с Гахаритом решили, что Верховный выжил из ума. Помешался от старости...

– Крыша съехала, – согласилась я, складывая то, что уже знала, с тем, что услышала. Мозаика странным образом совпадала. Его жена, мой Андрей... Квинт и я... Ведьмина Петля, жертвы... Голос отца, Андрея, Ливии... Слишком уж невероятно! К тому же он – дракон, а я – человек из параллельного мира, который умеет летать только на самолете.

– Гахарит молчит все дни напролет, – пожаловался Ан-

гус. – Аэлика, он все время молчит! Я пытался с ним говорить, но он уходит от разговора.

– Но... Почему?

– Он расстроен. Думает, Варран вмешается в его планы. Что ты уйдешь за даррийцем, и мы не сможем остановить тебя.

– Но... Разве я давала повод в себе сомневаться?

– Дракон тебя не отпустит. Никогда. И ты... Если ты его Пара, то не сможешь быть с другим мужчиной, Аэлика! Не захочешь.

Кивнула. Он прав, не захочу. Вернее, не хочу.

– Верховный пытается привязать тебя к нашей земле. Он дал тебе Высшее Посвящение и сделал своей ученицей. Мы на Англси могли только мечтать об этом. Аэлика, я не завижую тебе, наоборот. Ты очень способная!

– Спасибо, – пробормотала я. В другое время бы порадовалась похвале, но не сейчас. На сердце было тревожно.

– Верховный хочет, чтобы ты полюбила нашу землю так сильно, как мы. Чтобы, когда настанет время выбора, вспомнила о том, кто ты есть на самом деле. Приняла верное решение. Осталась с нами, а не ушла с ним.

Ангус замолчал.

– Уж не знаю, кто я на самом деле, – сказала Ангусу. – Но свой выбор сделала давно.

Я выбрала Квинта. А еще – землю бригаентов. Теперь бы придумать, как совместить несовместимое.

Глава 19

К вечеру мы стали лагерем у границы земель дуббонов. Территория триноваров начиналась за дальним холмом, где в свете заходящего солнца лентой вилась широкая ленивая река. Вперед ускакали вестники, чтобы предупредить племя о том, что на их землю мы въедем рано утром. Я надеялась, что нас не замучают гостеприимством и через два дня доберемся до цели нашего путешествия – Лондиниума.

Король и королева дуббонов уехали, пожелав хорошего пути. Вентурий тоже засобирился в дорогу, так как не пользовался особым расположением у триноваров. Я же поднялась на холм, рассматривала реку и дожидалась короля коритан, который захотел поговорить перед отъездом. Мне не верилось, что тот скоро уберется восвояси. Вентурий – он как проклятие, – кажется, будет преследовать меня вечно. Вместо разговора король ушел в свою палатку, подозреваю, за очередным подарком. С тоской посмотрела на даррийский лагерь, в котором давно уже горели костры. До меня долетали смех и разговоры вперемешку с изумительным запахом жареной дичи. Где-то там, среди своих, был Квинт Октавий Варран, но отсюда я его не видела. Вспомнила, как легат рассказывал о сковородах, одной на восемь легионеров, и понадеялась, что чуть позднее, перед уроком Верховного, все же навещу дракона и поживлюсь чем-нибудь вкусеньким.

– Я уезжаю, Аэлика! – раздался голос Вентурия. Вздыхнув, повернулась к своему проклятию. В руках король держал два охотничьих рога, которые подарила ему, когда въехали на земли коритан. Протянул мне оба, наполненные до краев темной жидкостью, по запаху напоминавшей медовый напиток. – Выбирай, – сказал мне. – Выпьем за успех нашего дела!

Покачала головой.

– Вентурий, я не пью!

– Это подарок короля дуббонов. Две бочки эля, такого легкого и сладкого, что в нем не чувствуется хмель. Его делают в пивоварне Атректуса в Ратах, и он ценится по всему Альбиону. Даже даррийцы везут в Эборак через мои земли.

Мне захотелось попробовать. Не будет же Вентурий травить меня на глазах у всех? К тому же я могла выбрать любой из кубков, а у короля коритан не было склонности к самоубийству. Взяла тот, что в правой руке.

Покосилась на друидов, занятых неспешным разговором внизу холма. Моя охрана стояла неподалеку, поглядывая на нас подозрительно или же наоборот, завистливо. Им-то не налили! Ладно, Вентурий уедет – исправлю. Тут один из телохранителей зевнул. Однако!.. Хотя последние дни я тоже почти не спала. Верховный по ночам утаскивал в лес, а с рассветом активизировался Прасург. Начальнику королевской стражи почему-то не спалось. Он будил меня каждое утро и выгонял тренироваться. За издевательствами, подо-

зреваю, с удовольствием наблюдал Квинт, затем, договорившись с Прасургом, напросился ко мне в пару. Я-то думала, будет щадить и жалеть, но жестоко ошиблась. Мне доставалось тренировочным мечом и деревянным кинжалом ничуть не меньше, чем от Прасурга.

Ничего, доедем до Лондиниума, и я попрошу у Наместника политического убежища! От его собственного кровожадного легата и от начальника королевской стражи, решивших на пару сделать из меня амазонку. А еще от полоумного старца, который за недельное путешествие собрался впихнуть в мою голову то, что учили в школе друидов годами.

Вентурий кашлянул, привлекая внимание.

– Я отправлюсь на запад Альбиона, – сказал король. – К племенам ордовиков, деметов и силуров. Они, я уверен, присоединятся к нашему союзу.

Он сделал глоток. Я тоже пригубила. Вкусно! Сладко, совсем не похоже на наше пиво с резковатым горьким привкусом.

– Я могла быть благодарна тебе, Вентурий, за то, что ты делаешь, если бы не понимала, к чему ты ведешь. Бриганты не выступят против Даррийской Империи, как бы ты этого ни хотел. Если не можешь заплатить долги, это не наша проблема. Мы не ввяжемся в войну. Наш союз хорош тем, что сможем сообща выступить против ютов.

– Юты... – поморщился коританин. – Деньги... Я собирался положить к твоим ногам Альбион и выполняю свое обе-

щение. После того как к нашему союзу присоединится большая часть племен, у остальных не останется выбора. Либо с нами, моя маленькая королева, либо против нас...

– Вентурий, «нас» не существует в природе, – ответила ему, чувствуя, как начинаю глупо улыбаться. А он – красивый! Кожа гладкая и ровная, и бугры мышц, что не скрывала небрежно накинутая на плечи шкура. На массивной шее – амулет с медвежьим зубом на кожаном шнурке, что как раз попадал на уровень солнечного сплетения. Я же уставилась на мускулистый живот мужчины, посреди которого начиналась темная полоска волос, убегавшая в штаны. Ужасно захотелось прикоснуться, потрогать. Ноги стали ватными, не позволив сдвинуться с места. А то... Я бы сбежала от странных желаний!

– Ты не пойдешь против даррийцев, – согласился Вентурий. В голосе зазвенело напряжение. – Ты будешь занята другим. Ты будешь рожать мне сыновей.

Черт! От его слов стало жарко, затем холодно, словно меня окатили контрастным душем. Со мной что-то происходило... Неправильное! Мысль о детях вызвала пожар в теле. Мне захотелось, чтобы король прикоснулся ко мне. Сжал в своих объятиях и... утолил жажду, что с каждой секундой становилась все нестерпимее. Расползлась по телу, беря начало внизу, в точке, что пульсировала между ног, горячо и больно. Что это со мной? Неужели опоил любовным зельем? Но кубка-то было два! Как угадал, который выберу?

Мужчина осушил до дна свой, отбросил в сторону. Шагнул ко мне. На лице – звериное выражение решимости. Я обреченно поняла, что Вентурий не собирался отгадывать. Он подсыпал зелье в оба.

– Зачем?! – выдавила из себя, собирая воедино остатки сознания, пытаюсь прийти в себя. Заткнула предателя, живущего внутри, подсказывающего, что надо отдаться королю коритан здесь и сейчас, на мягкой траве центрального Альбиона. Закусила губу, чтобы не застонать от накрывшей с головой волны желания. Нет, это не моя история, как бы сильно ни хотелось! – Моя охрана сейчас тебя...

Его ухмылка мне совсем не понравилась. Оглянулась как раз в тот момент, когда последний из телохранителей прилег на траву. Не упал, а опустился на землю. Закрыв глаза и положил руку под голову. Я услышала храп из глотки здорового бугая Арго. Живы, но спят! Как Вентурию удалось повернуть подобное с моей охраной?! Вспомнила, что коританин выставил бочку эля моей дружине, угощая перед отъездом. Я тоже была рядом, кивком позволив ребятам поднять тост за то, чтобы не перевелись в лесах Альбиона олени, лоси, рыси и прочая рогатая и когтистая дичь. Выпили по чарке – вся, вся моя дружина! Не только она, но еще и Прасург, Тристан и Руэйд! Неужели спят?!

С ужасом взглянула на опустевший лагерь бригантов, откуда не доносилось ни звука. Но тогда... Я чуть не завывала, увидев, как друиды белыми призраками скрылись в лесу.

Эти не пили с коританами, но не знали, что я попала в беду. Оставались даррийцы. Квинт! Боги, Квинт! Браслет!.. Я понятия не имела, как послать сигнал бедствия. Судорожно покрутила золотого дракончика на руке. И что теперь? На что нажать, чтобы заработало? Тут Вентурий шагнул ко мне. Я попятилась. Еще шаг. Закричать? Дракон далеко, да и король не позволит. Оставалось бежать. Куда? Как? Зелье лишало сил, что стекали и пульсировали внизу живота. Ноги отказывались идти, грозя уронить меня к сапогам Вентурия, чем он, уверена, тут же воспользуется.

Вновь оглянулась, пытаясь придумать, как спастись. Ситуация, конечно... С подножия холма поднималось подкрепление – человек десять из отряда коритан. Черт! Еще я увидела Мару. Девочка играла с Бартеком в догонялки на другой стороне. Может, крикнуть? Но что Мара против десятка вооруженных мужчин?

– Ты спрашиваешь «зачем»? – король подошел, отнял из моих ослабевших рук рог, перевернул, выливая на землю остатки эля. – Раз не хотела по-хорошему, пойдешь за меня по-плохому! Ты станешь моей по-разному, – хохотнул он. – Никто не отказывал мне, Аэлика! Никогда!

– Они проснутся и кастрируют тебя, – мстительно пообещала я. – Узнает Прасург или Квинт, и все, тебе не жить!

Он рассмеялся в ответ. Глаза стали странными – желтыми, словно у дикой собаки. Да и взгляд такой, что мне захотелось, чтобы это безобразия срочно прекратилось. Сейчас

же!

– Отпусти меня, пока не наделал глупостей, – попросила Вентурия. – Обещаю, я забуду о том, что произошло. Объясню охране, что пить плохо.

– Не пойдет! – оскалился Вентурий. – Я увезу тебя в Линд и запру в своем дворце. Так же, как мой отец и мои предки. Мы всегда крали своих невест. Ты станешь моей, Аэлика! Ты будешь просыпаться в моих объятиях так долго, пока не понесешь от меня. Потом ничего не останется, как выйти замуж.

– Я буду ненавидеть тебя долго, пока ты не сдохнешь. Проснешься с кинжалом в спине, и жениться станет неудобно!

– Ты будешь обожать меня. Желать меня, мечтать обо мне, – гнул он свою линию. – Не захочешь сама, буду поить силой. Зелья у меня достаточно. Твоим Старейшинам ничего не останется, как одобрить наш брак. Твои воины смирятся...

– Друиды тебе не поверят!

– Плевать!

– Даррийцы...

– На даррийцев тем более!

– Квинт Октавий...

– О, легат! – рассмеялся Вентурий. – Я позабавлюсь, когда уведу тебя из-под самого его носа!

– Смеется тот, чья голова не украсит кол у дороги. Он най-

дет тебя и...

– Пусть! Мне нужна эта война, Аэлика. А чтобы выиграть ее, мне нужна ты! – Мужчина стал расстегивать на плече застежку, удерживающую медвежью шкуру. – Я не буду платить даррийцам долги, оставленные моим отцом. Шести племен достаточно, чтобы выкинуть их с Альбиона...

– Вентурий, даже и не думай! – покачала я головой. Попятилась, потому что стало жуть как тревожно. – Я могу поговорить с Наместником...

Уж не собирается ли он... Вот здесь, на этом самом месте?!

– Нет, – он презрительно фыркнул. – Эта тварь с континента не будет диктовать мне, как жить и сколько платить. Ты знаешь, что я сделал с его письмом, в котором мне дали три месяца сроку, чтобы рассчитаться?

Не знала, но догадывалась. Остолбенела, глядя, как поддалась застежка и шкура упала к его ногам. Попыталась закричать и ударить его, потому что... Мысли Вентурия были созвучны с моими потаенными желаниями, разбуженными наркотиком в кубке. Кажется, он решил овладеть мной здесь, на холме. Вернее, попытался, хоть я и вырывалась. Но уже через несколько секунд оказалась прижата к мужскому телу, и Вентурий уже терзал мои губы поцелуем. Властным, требовательным, причиняющим боль, разжигающим пожар. В какой-то миг перестала мыслить, потому что остались лишь обнаженные, оголенные чувства, по которым, словно по про-

водам, бежал ток от каждого его прикосновения. Перестала дышать, изнывая от жажды... Жажды по мужскому телу, по телесной любви. Пыталась бороться, но...

– Аэлика! Мамочка моя!

Мара! Только она звала меня «мамочкой»! Ее голос вернул к реальности из забвения желаний, придал сил. Извернулась, отталкивая Вентурия.

– Мара! – выдохнула я. Трезвела, приходя в себя. – Мара, беги, предупреди Квинта...

– Стоять! – рык Вентурия чуть было не разорвал мои ба-
рабанные перепонки. Девочка и не подумала слушаться, развернулась и бросилась прочь с холма. Быстрее, быстрее!

– Взять ее! – закричал король своим людям, стоявшим
внизу холма.

– Не тронь! Не смей!

– Аэлика!

Он собрался было вновь поцеловать меня, вернувшись к месту, где остановился. За это получил коленом по причине своего возбуждения. Я била сильно, как учил Прасург. Локтем в ухо согнувшемуся мужчине, вырываясь из его объятий. Поднырнула из-под руки и бросилась бежать. Ноги слушались, слушались! Далеко, правда, не убежала. Вентурий схватил меня за подол, дернул на себя, из-за чего я упала на колени, чуть было не уткнувшись лицом в землю. Земля! О, древние боги! Трехликий! Ветер, трава Альбиона, помогите мне!

Рывком выдернула подол, ринувшись по холму в противоположную сторону от дружины, ловившей Мару. К лесу, к друидам, понимая, что до лагеря даррийцев я не добегу. Оглянулась, услышав, как выругался Вентурий. Мужчина все же отстал. Налетевший ветер хлестнул пылью ему в лицо. Трава обвивала сапоги, мешая сделать шаг. Вентурий вырвался и кинулся за мной. Недалеко! Медвежонок Мары кинулся мужчине наперерез. Король, не ожидавший такой подлости, споткнулся, упал на землю. Трава... Трава Альбиона, послушная моей воле, вновь накинулась, опутывая его, словно лианы. Прижимая к земле, пытаюсь удержать, не отпустить.

Я не стала удивляться на древнюю магию земли, понимая, что долго Вентурия не удержат. Здоровенный племенной бык, под два метра ростом – выпутается, вырвется! Да и дружина приближалась. Один из них держал Мару. Черт!.. Уж не натравить ли на мужчин полевых пчел? Додумать не успела, потом что сверху упала тень. Вернее, дракон. Подхватил, сжал бережно, отрывая от земли. В лесу я оказалась буквально через три-четыре взмаха огромных крыльев. Вернее, над лесом. Смотрела на макушки деревьев, дожидаясь, когда Квинт меня отпустит. Вот тогда ему не будет пощады! Вернее, в этот раз он не спрячется. Не сможет отказаться, не позволю! Разбуженное любовным зельем желание не думало пропадать. Затаилось, карауля жертву, которая, ничего не подозревая, уверенно махала крыльями в вечернем небе.

Холодный ветер приближающейся ночи трепал платье, продувая его насквозь. Он приносил с собой ясность в хаотический набор мыслей, вырывая меня из наркотического дурмана. Я все же вспомнила и о Маре в руках коритан, и о спящих бригантах, на которых – не дай древние боги! – вздумает отыграться разозленный Вентурий. Не сомневаюсь, мой побег привел его в ярость. Как бы он не полез к служанкам под воздействием наркотиков... Кажется, ему, как и мне, в таком состоянии все равно, с кем переспать.

Трезвые мысли закончились, как только дракон опустился на поляну. Перекинулся в человека, сжал меня в объятиях. Я, теряя рассудок, набросилась на мужчину с поцелуями. Повисла на нем, пытаюсь избавиться от одежды. Своей, его – какая разница, лишь бы побыстрее! Он явно не ожидал подобной прыти.

– Аэлика... Что ты делаешь?! Подожди, любимая!

– Не могу, – только и выдавила в ответ. – Не могу больше ждать. Мне надо сейчас!

А то умру, честное слово! Он все же отстранил меня, не дав раздеть, не позволив раздеться. Я чуть было не завывала от обиды. Вернее, не я, а голодный зверь, живший внутри, что так хотел утолить дикую, первобытную жажду...

– От кого ты бежала? Что произошло? Браслет! Я почувствовал...

– Вентурий, – вспомнила я. Попыталась освободиться и вернуться в такие желанные объятия. Не получилось. Квинт

сжал мои плечи, встряхнув меня. Уставился в глаза. Под его взглядом пришла в себя, выныривая из наркотического опьянения. – Я от него убежала. Он подсыпал какую-то гадость в эль! Хотел меня...

Вздыхнула. Ну, хоть кто-то меня хотел! Украсть, потом полюбить. Вернее, сначала полюбить, а затем украсть. А этот... Вольф Мессинг местного разлива застыл, все сильнее сжимая мои запястья, делая больно. А лицо такое... Судя по его выражению, никакого секса в личной жизни мне не светило. По крайней мере, в ближайшем будущем.

– Опоил, – пожаловалась Квинту. – Собирался увезти в Линд. Жениться.

Зря я это сказала, ходить Вентурию без головы!

– Коритане поймали Мару, когда она бежала к тебе, – продолжала я. – Вентурий усыпил моих воинов!

В ту же секунду оказалась у мужчины на руках и чуть было не издала радостный вопль. Неужели?! Квинт положил меня на траву, навис сверху, чем я тут же воспользовалась, постаравшись залезть руками под его тунику. Затаенные желания тоже подняли голову, выходя из подполья. «Да-да! – твердили они. – Сначала секс, а потом пусть всех спасет!»

– Аэлика, мне придется тебя оставить.

– Конечно, – сладким голосом отозвалась я. Ага, уйдет он от меня! – Поцелуй меня, а потом... Ну да... Потом... можешь идти.

Вместо поцелуя он уставился мне в глаза, поймал одну ру-

ку, затем другую, прижал к земле, хотя я пыталась вырваться и добраться до вожаемого мужского тела. Не получилось! Дергалась долго, пока платье не задралось окончательно и сухая земля и колкая трава не стали царапать бедра. Внезапно поняла, насколько я устала. От всего – от Вентурия, побега, и... Домой хочу! Вернее, к Квинту. Домой, в Эборак.

Нет, это была неправильная усталость. Все так же безумно хотелось секса, но вместе с этим тянуло в сон. Сначала секс, а потом спать. Вернее, сначала спать, а потом секс. Хотя, уже и секс не нужен, только спать!

– Что ты делаешь? – зевнув, спросила у Квинта.

– Тебя заберут друиды, Аэлика. Они уже рядом.

– Но Вентурий...

– Я разберусь.

– Ему нужна война. Прошу, будь осторожен. Черт, я сейчас засну! Как ты мог?! Я ведь так хотела...

Зевнула еще раз, закрывая глаза. Ай, так и быть, в другой раз! Хотя такими темпами у нас никогда ничего не будет. Ни любви, ни детей! Вообще ничего. А я уже скоро состарюсь...

– Все будет, любимая, – сказал Квинт, словно в ответ на мои мысли. Поцеловал меня в закрытый глаз. Затем в другой. Услышала, как он поднялся на ноги, подозвал Гахарита. Устроилась поудобнее, решив, что посплю на этой самой полянке. А друиды пусть караулят. Мух отгоняют, следят, чтобы комары не тревожили. Квинт разберется и без меня, я полностью ему доверяла.

Глава 20

Дорога к дворцу была усеяна цветами, да и толпа горожан продолжала бросать их под колеса повозок и копыта лошадей. Дети махали и бежали вслед нашему каравану, продвигающемуся к вилле Наместника. Я не ожидала столь бурного приема, хотя Квинт предупреждал, что в даррийской столице на Альбионе нас ждет поистине королевская встреча. Ради нее на пути каравана даже возвели внушительное деревянное строение, похожее на Триумфальную Арку, украшенное разноцветными тканями и цветочными венками. Нас приветствовали так, словно мы только что наголову разбили варваров и с победой возвращались домой. Правда, когда проезжали через арку, легат, последние два дня не отходящий от меня ни на шаг, заметил, что кто-то, определенно, заигрался в императора, и эти игры не понравятся Авелию.

Публий Тацит в окружении слуг и подчиненных встречал нашу процессию на ступенях виллы. Это был крупный мужчина средних лет, с мясистым властным лицом, облаченный в белоснежную мантию с пурпурной каймой по краю, что выдавало принадлежность к высшему эшелону власти. Эта самая власть, вернее, осознание ее, казалось, раздувала тело мужчины в разные стороны. Издали он походил на гигантскую светлую жабу, но, когда мы подъехали, я изменила мнение. Если это и жаба, то чрезвычайно ядовитая, неосторож-

ное прикосновение к которой несло смерть.

Наместник показался мне опасным. Слишком уж цепкий у него был взгляд, слишком умный для заигравшегося во власть человека. Уставился на меня. Оценил, заинтересовался. Быть может, зря я так принарядилась?! В Лондиниум въехала на украшенной цветами лошади, в мужской одежде, штаны которой слишком уж обтягивали бедра. Сверху натянула белоснежную тунику, подхваченную поясом из золотых колец. На голове – сложное сооружение из кос с вплетенными цветами, будто я – дитя весны и леса. Украшения... Украшений у меня было много, благо надарили столько – на целую жизнь хватит! На встречу с Наместником надела золотой торк, длинные серьги и тяжелые браслеты, что перезванивались на запястьях при каждом шаге лошади.

И все же, проезжая по большому шумному городу, я чувствовала себя варварской королевой, которую провожали заинтересованными, но в то же время слегка надменными взглядами попадавшие по дороге даррийцы: чиновники, солдаты, закутанные в разноцветные платья женщины с прическами, которые никогда бы в жизни не соорудила Бретта. Не согласилась бы, да и я не попросила. Вздернула голову – пусть смотрят! Зато жители Альбиона приветствовали с воодушевлением. К тому же утром мне сделали комплимент.

– Ты очень красивая в этом наряде, – сказал Квинт. – Вернее, ты всегда очень красивая. Даже и без него...

Сказал и запнулся, словно размышляя, что это за мысль

его посетила. Пробормотал, что неправильно выразился. Затем всю дорогу смотрел так, что мне становилось жарко. Я тоже не осталась в долгу, разглядывая легата, одетого в парадные солдатские одежды, доспехи и шлем, которые переливались на солнце. Ехала и постоянно косилась в его сторону, чувствуя себя помешанным на сексе подростком, который только о нем и думает, отвлекаясь лишь по мелочам. Например, проститься с Верховным, который не захотел сопровождать меня в Лондиниум и торжественно отбыл на Англию. Приветствовать местных жителей, что кричали и махали вслед нашему каравану. И, наконец, встретиться с Публием Тацитом, ради чего и проделала этот путь.

Остановились у дворца Наместника. Квинт помог мне спешиться, пожалуй, слишком долго удерживая в своих объятиях. Публий величественно поднял руку, каждый из пальцев которой был унизан золотыми кольцами. Много украшений оказалось не только у меня! Затем он одним лишь жестом успокоил волнующуюся толпу.

– Приветствую тебя, королева бригантов, от имени императора Проктулуса Суллы и сената Даррии!

Внушительный, глубокий голос патриция, который, казалось, заполнил дворцовую площадь, разнесся по вымощенным дорогам Лондиниума, вдоль деревянных двух- и трехэтажных домов, складов, мастерских, проникая в богатые районы, где стояли дома покрепче и даже небольшие виллы. Пробежал по Форуму, мраморным колоннам базилик, кос-

нулся гигантского амфитеатра, чьи полукруглые стены виднелись даже отсюда. Достиг огромного портового центра и возводимых внушительных крепостных стен. С тех пор как войска королевы ищенов Бодиче разграбили город, даррийские власти решили, что спокойнее спать за каменной стеной пяти метров высотой. Конечно же, с согласия императора. Которого из них?.. Я запуталась окончательно.

Кажется, когда выезжали из Инсурима, в Даррии начальствовал Авелий, друг Квинта. Теперь же из уст Наместника прозвучало другое имя. Мне, как и остальным бригадам, было все равно, кому платить налоги и поминать нехорошим словом на пирушках и застольях. Зато я увидела, как ошутимо дернулся легат, и забеспокоилась. Эта новость не пришлась ему по душе.

Хотела было спросить, но он лишь качнул головой. «Позже!..» Как я ненавидела это слово! Неужели мы когда-нибудь сможем быть вместе? Ведь все, казалось, начинало складываться наилучшим образом. История с Вентурием неожиданно сыграла важную роль.

В тот день я проснулась от кошмара, в котором дружина коритан во главе с Вентурием покоилась на травке с откусанными головами. В ужасе открыла глаза, уставилась в светлый подрагивающий матерчатый потолок, пытаюсь вспомнить, что произошло. Затем понять, где я нахожусь. Кажется, в повозке, а ведь заснула посреди леса. Внезапно поняла, что мы едем. Едем!.. Стало страшно – вдруг с легатом что-то

случилось, а Вентурий целенаправленно везет меня в Линд?

Подскочила, едва не врезавшись головой в низкий полотняный потолок, и тут же упала обратно на постель. Ноги держали плохо, а еще ко мне бросилась Бретта и попыталась прижать к ложу.

– Аэлика, девочка моя! – няня навалилась сверху полной грудью, так что мне пришлось нелегко. – Тебе нельзя вставать, Верховный приказал!

Я негромко высказалась насчет места, куда следовало идти старцу. Затем поняла: раз Верховный командует, значит...

– Бретта, что с Марой? И даррийцы... Квинт... – кое-как выползая из-под няни, спросила я. – Моя дружина? С ними все в порядке?

Села, прислонилась спиной к стенке повозки. Кажется, Верховный прав, вставать еще рано. Голова кружилась так, словно в пляс пустилась вся скучная обстановка с Бреттой во главе. Закрыла глаза. Когда же меня перестанут травить?

– Все живы, – отозвалась Бретта. – Живы, живы! Но ты ложись, девочка моя! Тебе нужно отдыхать. Этот Вентурий, пусть ему нейдет... Чтобы демоны ему руки отняли!

– Пройдет, – вздохнула я. – Кажется, уже отпустило.

От вчерашнего помешательства не осталось ни следа. Мысль о мужчинах оставила меня равнодушной. Кроме одного из них.

– Бретта, позови, пожалуйста, Квинта! Квинта Октавия...

– Да здесь он! – няня поджала губы. – Крутится подле повозки, дожидается, когда ты проснешься. Гоняла я его, гоняла...

Едва сдержала смешок, представив няню, гоняющую легата.

– И не только его! Все здесь, демоны их побери!

Она выглянула наружу и кого-то окликнула. Затем посторонилась, пропуская целую делегацию. Оказалось, рядом крутился не только Квинт, но еще и Прасург, Руэйд и Тристан. Здоровенные мужики едва поместились в повозке, пришлось двигать сундуки, чтобы посетители смогли рассестись вокруг меня. Воины выглядели виноватыми. Все, кроме Квинта. Он смотрел на меня, я – на него, не обращая внимания на извинения и сожаления собравшихся по поводу вчерашнего происшествия. Сказала, что чувствую себя хорошо. Не отравили, и слава Трехликому! Меня занимал длинный, хоть и заживший порез на лице легата. Наслышанная об их способности к регенерации, я побоялась представить изначальный вид раны.

– Квинт! – протянула ему руку. Он взял меня за ладонь. Остальные участники конкурса «выбери меня» нахмурились, видимо поняв, что выбрали не их. – Что произошло? Мара, что с ней? Где Вентурий?

Народ хмурился все сильнее.

– С Марой все в порядке. Как всегда, спит в повозке с Бартеком, – ответил за Квинта Прасург. Легат молчал. На-

верное, по привычке. Улыбался.

– Вентурий... жив?

Квинт пожал плечами, но рассказывать ничего не стал. Вместо этого стал приказывать. Для начала уложил меня в постель, хоть я и попыталась сопротивляться. Накрыл одеялом.

– Лежи, – сказал он. – Сегодняшний день проведешь в повозке. Ни о чем не беспокойся, Вентурий больше не будет досаждать тебе. Завтра мы въедем в город, и я думаю, ты уже сможешь встать.

Я слегка растерялась. Мои советники и военачальники согласно закивали. Когда они успели спеться? Или спиться?! Это бунт на корабле какой-то! Я все-таки королева...

– Мне надо идти, – сказал Квинт, покосившись на моих воинов. – Навещу тебя позже. Думаю, с тобой хотят поговорить. Прасург, недолго!

Он ушел, а я уставилась на Прасурга.

– Что это было?!

– Аэлика, он прав! – вздохнул пожилой воин. – Ты должна отдыхать...

– Я должна знать, что произошло. От начала до конца. Сейчас же!

Он рассказал. Бригантов привел в чувство Верховный вместе с Гахаритом, пока Ангус сторожил на полянке спящую меня. Мара отделалась синяком на скуле. За одно это мне хотелось подняться, догнать и самолично придушить

Вентурия. Оказалось, есть и еще за что!

Квинт нашел короля, когда тот утолял молодецкую удаль, подстегнутую любовным зельем, с моими служанками. Коритане отловили двух молодых и привлекательных, оставив няню и пожилых кухарок напоследок, раз уж с королевой не получилось. Черт, черт! То-то я не видела девочек в повозке! Убью гада! Попыталась встать, но Прасург не позволил.

– Что со служанками? – спросила у него. – Где они? Они живы?

Кажется, одна из них собиралась замуж по приезде из Лондиниума. А тут венценосный самец попался! Вернее, с торком на мощной шее, за которую я бы не отказалась подвесить его на ближайшем дереве. Оказалось, девочки выжили и оправались, только плачут все время, но Верховный пообещал стереть из их памяти этот вечер. Моя дружина выглядела на редкость виноватой, им-то память подчищать никто не собирался.

– Где Вентурий? – спросила у воинов, чувствуя себя кровавадной королевой варваров. Мечтала поднять народ и разбить наголову армию коритан, а Вентурия казнить. Как раз напротив святилища, с видом на Ведьмину Петлю. – Только не говорите, что сбежал!

Нет, не сбежал. Подросли Варран с солдатами, и коританам пришлось несладко. Нескольких, особо ретивых, вздумавших сопротивляться, зарубили на месте. Вентурий выжил, потому что легат вызвал его на поединок. Поединок че-

сти, так сказать... Без оружия. Только вот кто-то из дружины успел подкинуть королю кинжал, когда понял, что Вентурию несдобровать. Я вспомнила его слова о том, что он не вяжется в битвы, если не уверен в победе. Только в этот раз противник оказался не по зубам. Вентурий успел нанести два удара. Целил в шею, но рассек щеку. Пытался дотянуться до сердца, но попал в плечо.

Раненый легат продолжил поединок. Не только продолжил, но победил, переломав королю кости и чуть было не свернув шею. Оставил в живых потому, что я не хотела войны. Так и сказал: «Ты все еще дышишь только потому, что Аэлика желала мира». Я покосилась на Прасурга. Кажется, кто-то сильно приукрасил сказанное, убрав из него образные выражения. А дальше... Мои друиды, наплевав на клятву Гиппократа, которую не давали, лечить короля отказались. По морально-этическим соображениям. «Пусть сдохнет в муках, пень трухлявый!» – ответил вежливый Верховный на просьбу коритан. Поэтому их дружина, похоронив убитых и соорудив носилки для раненого короля, двинулась в направлении Линда.

Выздоровеет ли Вентурий и сможет ли править страной, зависело от того, насколько быстро он попадет в руки умелых врачей. Если не умрет до земель дуббонов и попадет в руки их друидов, то, глядишь, и выживет. Быть может, поправится. По законам Альбиона, останься Вентурий калекой, не сидеть ему на троне. Задумалась. Если бы Квинт убил коро-

ля, это бы спровоцировало войну. Коритане не простили бы его смерти от рук дракона. Вентурий слишком долго готовил племя к войне, а тут такой повод! К тому же его друг, король децианглов Бренн, вполне мог поднять войска, так же как и корновии. А еще дуббоны, поклявшиеся в верности нашему союзу племен. Может, и хорошо, что Вентурий остался в живых. Что будет дальше – время покажет!

Наконец все ушли. Остался только Руэйд.

– Мы тут поговорили, – начал он.

Я усмехнулась. Ага, с ребятами, за бутылочкой пива с сонным зельем.

– Если у тебя с этим даррийцем... – брат замялся.

– Договаривай уже!

– Хотел сказать, что мы согласны, – выдавил Руэйд.

– Да вы что?! – картинно удивилась я. – И на что же это вы согласились?

– Если он не будет отвергать наших богов и женится на тебе по нашему обряду, мы примем его. Согласимся, чтобы он был... Демоны его побери! Аэлика, мне сложно! Если ты так хочешь, пусть дарриец станет королем бригантов!

Сказал, уставился на меня, ожидая ответной реакции. Я же решила поплакать, хотя хотела засмеяться от счастья. Нервы ни к черту с такой жизнью!

– Спасибо, Руэйд! Я ценю ваше и твое доверие. Да, это мой выбор, но теперь очередь за Квинтом. Не знаю, каков будет его.

– Он тебя любит, – отозвался брат. – Поверь мне, в таких вещах я не ошибаюсь!

Хотела было что-то сказать, но промолчала. Не спрашивать же, когда он успел стать экспертом в любви? Внезапно Руэйд раскрыл объятия.

– Аэлика... Сестра... Я рад, что ты не пострадала.

Всхлипнув, оказалась в его руках. Плакала, уткнувшись в грязную тунику, пропахшую потом и влажной землей, все еще подсознательно ожидая, что брат всадит мне нож в спину. Вместо этого он погладил меня по плечу и попробовал успокоить. Вспомнил, как утешал меня, когда я была маленькая и, случилось, разбивала колени или же когда родители наказывали за шалости.

Наконец ушел. Я успокоилась, лишь когда место брата занял Квинт. Няня побурчала недовольно, но из повозки убралась, оставив нас одних. Мы целовались, пока голова мне не отказала в дружбе и сотрудничестве. Мысли отключились, оставив вместо себя разноцветные сполохи желания. Столь сильного, что никакое зелье не нужно. И, как всегда, ничего не было! Ни-че-го! Все потому, что я вновь оказалась жертвой отравления, которой Верховный прописал полный покой. Попыталась намекнуть Квинту, что, наоборот, жертве значительно полегчает, если он снимет с себя и меня одежду и наши объятия получат вожделенное завершение. Исключительно в лечебных целях. Как бы не так! Ушел, пообещав, что все будет, но позже. Ненавижу, ненавижу это слово!

Его сменили жаждущие общения друиды. Верховный, видимо, решил не терять времени и провести новый урок под негромкое поскрипывание колес повозки.

Глава 21

Я лежала на мраморной скамье лавариума, помещения для отдыха в малых термах, примыкающих к «женскому крылу», и понимала, что есть в жизни счастье. Вот оно, совсем рядом, всего лишь в двух шагах, вернее, уже в шаге, нет, полшаге от меня! Две чернокожие рабыни в белых туниках до пят принялись втирать благовонное масло в мое обнаженное распаренное банными процедурами тело. Я же старалась не стонать от наслаждения, чувствуя, как под умелыми руками податливо расслабляются стянутые в тугие узлы мускулы. При этом размышляла, что все же странно находиться одной в огромном банном комплексе, переходить из комнаты в комнату с крестовыми сводами и куполами, купаться в бассейнах из мрамора, наполненных кристально чистой водой, и позволять рабыням обливать себя из серебряных и золотых сосудов. Показная роскошь била в глаза, криком кричала о том, что у Наместника водились деньги. Много денег, которые он тратил на свои прихоти. Например, на прием гостей.

Квинт был прав, бригантов встретили по-королевски. Меня поселили в пустующем женском крыле, в просторных, светлых комнатах, заставленных дорогой мебелью и предметами искусства, которым бы обзавидовался любой музей в моем мире. Я обошла гостиную, приемную, столовую. Зашла

в спальню. Уставилась на огромную кровать, на которой, если потесниться, улеглась бы половина сопровождающего меня отряда. Оценила дорогие ткани постельного белья, тончайший полупрозрачный полог. Если бы в этом мире запретили слово «позже», в такой кровати я могла бы спать не одна.

К моим покоям примыкала комната для Бретты, которую она делила с Марой. Чуть дальше по коридору находились помещения для слуг, где и поселили моих служанок и кухарок. Правда, виллан Аппий сразу же лишил их работы, наслав на меня армию молчаливых, проворных, угодливых рабынь. Те и провели меня через анфиладу, а затем крытый проход внутреннего двора в малые термы, где я познала пятьдесят оттенков счастья. Вернее, сорок девять. Для полноты ощущений не хватало общества Квинта. Он вновь оставил меня, на этот раз в цепких руках Наместника, шепнув, что попытается выяснить судьбу императора Авелия. По привычке пообещал: «Позже!» Мне захотелось захватить Альбион и первым же декретом вычеркнуть из обихода это проклятое слово, а легату запретить покидать меня, когда его так не хватает.

Закрыв глаза, лежала на мраморной скамье, вспоминая нервную суету первых минут встречи с Наместником. Вернее, суетилась только я, но надеялась, что окружающие этого не заметили. Я чувствовала, как даррийцы наблюдали за мной. Немного высокомерно, чуть свысока. Видимо, ждали,

когда я совершу ошибку, неловким жестом или словом выдам свою принадлежность к «варварам», что позволит накрашенным ухоженным дамам, сопровождающим почтенных мужей из городской администрации, презрительно морщить носы в пересудах с товарками и произносить, качая головами с изысканными высокими прическами: «Ох уж эти варвары, что с них взять!»

В том-то и дело, с нас много что можно взять. И руду, и золото, и драгоценные камни. Наши урожайные земли год из года давали предостаточно зерна, на плодородных пастбищах паслись тучные стада. Уверена, с наших налогов кормилась верхушка даррийской администрации, с наших денег Публий Тацит отстроил себе огромную виллу, а потом хвастался, что скопировал в миниатюре дворец императора Ариана.

От этих мыслей дергаться я перестала. И не такие попадались... журналисты на пресс-конференциях! Вьедливые и доставучие, с выражением «хочу все знать» на наглых лицах. Выдохнула, расправила плечи и отправилась навстречу судьбе. Вернее, вручать подарки. Наместнику я привезла меч, выкованный лучшим кузнецом Инсурима. В комплекте шли ножны, инкрустированные серебром и драгоценными камнями. Оглядела уверенным взглядом толпу и произнесла пафосную речь, пожелав, чтобы в мое царствование и его наместничество этот меч всегда находился в ножнах. Бригантам не нужна война! Почувствовала заинтересован-

ный взгляд Наместника, когда он, рассыпаясь в благодарностях, принимал подарок. Интересно, кого он ожидал увидеть на ступенях дворца? Необразованную девицу восемнадцати лет, которая не может связать двух слов?!

Я продолжила вручать дары. Жене Наместника привезла золотые украшения искусной работы ювелиров Инсурима. Публий тут же пожаловался, что Юлию испугали здешние влажные и туманные погоды, поэтому она не решилась покинуть Даррию. Обязался передать ей драгоценности по возвращении домой. Вновь рассыпался в благодарностях и делал это настолько искренне, что я поверила.

Затем намекнула о еще одном подарке. Для его питомца. Мы – народ дикий, разводим только лошадей, держим собак да птиц охотничьих, но о котах тоже знаем. Брови Публия полезли вверх. От изумления. Едва сдерживая улыбку, заговорила с Наместником о сложностях содержания домашних любимцев. Кажется, я его заинтриговала. К добру или к худу, разберусь по ходу дела.

Тут мужчина, подхватив меня под руку, чем вызвал работу мысли на лицах бригаентов, которые потерялись в завязавшейся беседе о разведении кошек, повел показывать дворец.

Оглянулась. Квинт шел за мной и выглядел не менее удивленным. Захотелось рассказать ему о том, что в детстве у меня была кошка персидской породы. Во времена, когда еще с нами жила мама. Потом мама ушла и забрала ее с собой, сказав, что отец не в состоянии ни о ком позаботиться. Странно,

но меня оставила. Хотя это совсем другая история, которую я не могла никому поведать. Для него я – Аэлика, королева бригантов, какие тут коты и мамы?!

Наместник тем временем представил свою свиту. Я потерялась в пестроте даррийских имен, лиц и должностей. Не отпуская моей руки, Публий провел нас через большие двери в свои владения. Бриганты тащились следом, путаясь в разноцветных одеяниях даррийцев. Вскоре первая неловкость прошла, и я почувствовала себя на удивление комфортно в обществе Наместника. Мне казались приятными его комплименты – изысканные, ничуть не пошлые; его взгляды, которыми он, словно легкими поцелуями, касался моей кожи, лаская, но не стремясь заглянуть под одежду и оценить размеры. Сама того не ожидая, улыбалась рассказам мужчины, с легкостью поддерживая учтивый разговор.

По дороге Публий рассказывал о своей жизни в Лондиниуме, о том, как скучает по Дарру. О сыне, которого не видел почти два года. Посетовал на то, как сложно найти хороших учителей для молодого оболтуса, желающего не учиться, а воевать. Он вел себя так, будто мы были добрыми друзьями, встретившимися после длительного перерыва, слегка подзабывшими друг друга, но активно наверстывающими упущенное. Наконец в одной из комнат «маленького скромного домика» мы наткнулись на дремлющего на софе кота. Это было великолепное, пушистое, немного раскормленное животное.

– Горация мне привезли из Восточной Антиохии. Он сразу же покорило мое сердце, – сказал Публий. Я улыбнулась. Не только его. С позволения хозяина погладила кота по мягкой шерсти.

Гораций хотел спать и не обрадовался золотой цепочке-ошейнику с его именем, вышедшему из-под руки лучшего ювелира Инсурима. Выгнулся дугой, затряс головой, протестуя против украшения. Я закрыла глаза, мысленно касаясь сознания кота, делая все, как учил Верховный. Послала ему волну восхищения, щедро сдобренного лестью. Красив ведь! Мощен, ленив. Щедро платит хозяину преданностью. Тут Гораций принялся вырываться из рук Наместника. Подошел ко мне, как только Публий спустил его на выложенный изразцовыми плитками пол. Потерся, мурлыча, о мою лодыжку.

– Можно? – спросила у Наместника. Публий не возражал. Я подхватила кота, и мы продолжили экскурсию и неспешную беседу. Наместник не собирался позволять гостям скучать в даррийской столице Пятнадцатой Провинции. Нас ждали увеселительная поездка по реке Тамеса, прогулки по городу, охота, а также представления в местном театре. От гладиаторских боев я отказалась, решив, что зрелище не для слабонервной меня. Ведь это не наши кулачные бои на шумных и веселых Играх, здесь обученные бойцы умело лишали друг друга жизни на глазах у многотысячной толпы. Вместо боев с радостью согласилась на даррий-

ские комедии в исполнении труппы вольноотпущенников. О, королева бригантов имеет понятие о театре?! Кивнула, чем опять удивила Наместника.

Кажется, от моего общества Публий получал искреннее удовольствие, поэтому все не отпускал отдохнуть с дороги. Сказал, что не может расстаться со мной, и все! Засмеялся, сведя это к шутке. Хорошо, что я побывала в доме Квинта, так что с легкостью перенесла трапезу в обществе Публия. Вышла набольшая заминка, когда мои воины отказались вкушать пищу, лежа на клиниях. Уставились на Наместника, нахохлившись, словно сычи. Публий тут же приказал принести стулья. Я, чтобы угодить и вашим, и нашим, отобедала как сидя, так и лежа. Затем выпила бокал разбавленного водой вина, уверенная, что Публий не станет меня травить. Ведь я – живое воплощение любви бригантов к Даррийской Империи, причем влюбленное в ее легата.

Наконец, тяжело вздохнув и сообщив, что будет с нетерпением ждать вечерней встречи, Наместник передал меня в цепкие руки виллана Аппия. Увидев пылающего энтузиазмом и желанием угодить слугу, я шепнула Публию, что, кажется, вилланы выращивают в специальных заведениях, где они вылупляются из яиц. Как по-другому объяснить, что Аппий словно две капли воды был похож на Люция, – такой же цепкий и сладкий? Публий рассмеялся, затем с сожалением констатировал, что вынужден со мной проститься. Расстались. По дороге в свои покои я скромно надеялась, что

завтра Наместник не откажет в просьбе и походатайствует перед императором за снижение налогов. При этом не будет хватать за руки и предлагать познакомиться поближе.

Бриганты, помявшись в нерешительности, оставили у моих дверей охрану, затем позволили виллану утащить себя в гостевой дом. «Нет-нет, не может быть речи, чтобы встать лагерем у стен! У нас столько спален, всем хватит! – восклицал Аппий. – К тому же посмотрите, какие девушки будут за вами ухаживать!» Я тоже посмотрела, из любопытства. Пригрозила кулаком женатым воинам и Руэйду. Хотя... Пусть делают, что хотят! Я же буду делать вид, что боги лишили меня не только зрения, но и способности к логическим выводам. Молодые привлекательные рабыни улыбались бригантам дежурно и со значением. Я не сомневалась, что многие следующим утром проснутся не в своих постелях.

Передав суровых воинов в заботливые руки виллана и девочек, ушла за рабынями в бани, где провела восхитительный час. Или вечность, уж не знаю! Расслабилась, потеряла счет времени. Чуть было не заснула, но слышала мужские шаги. От испуга сердце чуть не выскочило из груди и не поскакало по мраморному полу лавариума. Ведь это мой персональный женский рай! Кого принесло? Оглянулась. Квинт! Он успел сменить солдатские одежды на белую одежду патриция, в которой выглядел все так же внушительно. Вернее, сокрушительно. Но скинул и ее, оставшись лишь в одной тунике. Приказал служанкам испариться.

– Квинт...

– Лежи.

Моей спины коснулись мужские руки, смазанные ароматным маслом. Нежно, но уверенно массируя, разминая, лаская кожу. Я лежала, не в состоянии пошевелиться. Не дай бог, у него найдутся неотложные дела и он меня оставит и в этот раз. Тогда вызову на поединок и прикончу собственноручно!

– Я потеряла тебя, – пожаловалась ему, поворачивая голову, чтобы было удобно коситься на мужское колено, выглядывающее из-под белоснежной туники. Хорошее такое колено, солидное, в черных волосках. – Публий не успокоился, пока не показал виллу. Всю, до последнего портика.

– Ты произвела на него неизгладимое впечатление, – усмехнулся легат. – Он заявил, что ты слишком хороша для меня.

– Ревнуешь?

– Немного, – отозвался мужчина. Я почувствовала, как он прикоснулся губами к моей шее. От этого места разбежался рой мурашек, наполняя тело сладостным предвкушением того, что непременно произойдет. Скоро, очень скоро. Если только...

– Мне надо было уйти, – он отрывался от моей шеи лишь для того, чтобы коснуться губами позвоночника. – Узнать, что случилось с Авелием.

– Что же с ним случилось? – замирая, спросила я. Хотя

мне было все равно, убили ли императора, отравили или он умер из-за неосторожного обращения с оружием. Мужские руки ласкали мои ягодицы, казалось, вот-вот скользнут по внутренней части бедра. Спиной чувствовала горячее дыхание и нежные поцелуи, которыми он прикасался к позвоночнику, спускаясь все ниже.

– Позже, – шепнул мне мужчина. – Поговорим об этом позже!

А дальше... Дальше было то, чего я ожидала так долго и с таким нетерпением. В этом нетерпении давно и безвозвратно канули мои страхи и сомнения. Я повернулась, поднимаясь со скамьи и в ту же секунду очутившись в любимых руках, потянулась к любимым губам. В мире не осталось ничего, кроме его объятий и поцелуев, его ласк и моего страстного ответа; мужского крепкого тела, с которого мне наконец позволили снять тунику. Он предстал передо мной во всей наготе. Красивый... Нет, великолепный. Только мой, никому не отдам!

Между нами не было ни неловкости привыкания, ни стеснения узнавания, потому что привыкли и узнали друг друга сразу же. Потерялись в мире наслаждения, которое дарили друг другу на мягкой софе лавариума, затем на жарких скамьях тепинария, с небрежно брошенными льняными простынями. В бассейне с прохладной водой, где было так упоительно целоваться, обхватив его бедра ногами, чувствуя внутри мощные толчки, от которых тело наполнялось ликом-

ванием. Я давно уже не сдерживала стонов восторга, вглядываясь в сосредоточенное лицо, черные глаза, глубокие, затягивающие в себя как в омуты. Касаться его губ, ловить счастливый вздох, когда он унесся со мной в мир наслаждения.

Это повторилось вновь, и я вновь капитулировала, сдаюсь в плен умелых рук и губ, ласкавших меня, не оставаясь в долгу, ведь хотела, чтобы ему было так же хорошо, как и мне. Желала, чтобы мы опять одновременно унеслись в мир, существующий только лишь для нас. Мужчина рядом умел воплощать мечты...

Наконец, когда не осталось сил пошевелиться, а мысли текли медленно, словно вода ленивого пруда на водяную мельницу, Квинт накинул на себя тунику, затем поднял меня со скамьи, завернул в простыню и понес. Куда? Мне было все равно. Хоть на Северный полюс или в Священные Рощи друидов под темные очи Верховного, лишь бы с ним! Какая разница, что о нас подумали слуги, заметив мужчину с полуголой королевой бригантов на руках?

Нет, Священные Рощи отложили на другой раз, хотя я, каюсь, ненароком подумала, что неплохо бы и обвенчаться по обычаям бригантов. И дело с концом! А потом уже разбираться с его, моим племенем, какие традиции нарушили и каким богам не угодили. Вместо этого вернулись в мои покои через вход, о котором не подозревала охрана. Именно через него я ушла с рабынями в малые термы. Квинт положил меня на кровать, принес фрукты и вино, но... Мне было

не до фруктов. Смотрела на него голодными глазами, ожидая продолжения того, что было в банях. Мы, пиявки, такие! Ненасытные до его объятий и его любви. Зато готовые делиться своей.

Этот раз был наполнен нежностью и лаской. Спокойными неторопливыми движениями, счастливыми вздохами, долгими поцелуями и наслаждением от неторопливой близости, когда первобытная жажда уже утолена. Затем лежала у него на груди, рассматривая красивое, расслабленное лицо мужчины, чувствуя, как он поглаживает меня по спине, завивает в кольца локоны моих длинных волос. Рассматривала его идеальное тело, пытаюсь найти след от кинжала Вентурия. Не нашла. Ссадина на лице исчезла, а на плече вместо колотой раны заметила лишь тонкий белый шрам.

– Скажи мне, что ваше племя невозможно убить, – попросила я. Хотелось, чтобы он жил вечно. Потому что я – злостная собственница – не собиралась терять его, как Андрея.

– Вполне возможно, – отозвался он. – Кинжал в сердце или же утроенная доза яда. Ни наши боги, ни способность к регенерации не спасли Авелия, когда ему отрубили голову.

– Но... За что?!

– Императора низложил Сенат и приговорил к смерти двадцать дней назад. Я не знал, Аэлика. Вести на Альбион приходят с опозданием.

– Почему? – прошептала я.

– Он не сумел договориться с преторианцами. Думаю, не

заплатил им столько, сколько пообещал, – Квинт вздохнул. – Он всегда был прижимист, в этот раз, видимо, это не сыграло ему на руку.

Я погладила Квинта по плечу, переживая, что он расстроен. Кажется, Авелий был его другом.

– Что теперь будет?

– Теперь? – легат усмехнулся. – Теперь будет император Проктулус Сулла. Чтобы избежать судьбы двух предшественников, он сразу же объявил себя законным сыном Марка Авелия и братом Тита Туллуса.

– Но...

– Это значит, у меня появился дядя, – усмехнулся Квинт.

Усмешка была так себе, кривая. Словно ножевая рана, нанесенная трясущейся рукой убийцы.

– Квинт, но...

– Я ему как кость в горле. Быть может, он и ублажил Сенат, и хвастает перед народом поддельной родословной, но я могу свидетельствовать, что его заявления – ложь. Поэтому он либо со мной договорится, либо заткнет рот. Я жду его следующего хода, Аэлика. Предложения, от которого не смогу отказаться – наемных убийц либо же приказа пожертвовать жизнью во имя Империи.

Мне стало не по себе. От ужаса. Животного, рожденного в глубине живота, откуда он расползлся с огромной скоростью по всему телу. Словно я была матерью-волчицей, пытавшейся защитить своего сына. Черт, мужа... Нет, мужчи-

ну! Я вцепилась в него, стискивая в объятиях.

– Квинт, почему ты говоришь об этом так спокойно? Ты должен.... Черт, не знаю, что ты должен, но, прошу, будь осторожен!

– Обещаю, – ответил он. – Я буду осторожен. Придется позаботиться о безопасности своей семьи.

Уверена, он запнулся. Я тоже. Задумалась.

– Для начала тебе придется ею обзавестись, – сказала ему, наконец разжав объятия. Заставила себя успокоиться. Лежала, перебирая его черные жесткие волосы на голове. Момент такой... важный. Я не собиралась настаивать, но жутко, жутко хотелось намекнуть, что у бригантов давно трон простаивает и место короля свободно. Ну их, эти даррийские разборки!

– У меня есть семья, – улыбнулся он.

– В смысле?

– Я буду беречь свою жену, – сказал он, намереваясь перевернуть меня на спину, как совсем недавно до этого. Я вновь увидела, как темнеют его глаза. Кажется, мысль о жене привела его в возбуждение. Такое явное, твердое возбуждение, которое коснулось моего живота, готовое скользнуть...

Что значит жена?! Меня же эта мысль привела в негодование. Такое, что я потеряла дар речи, вместе со способностью дышать, мыслить и существовать. Он женат! Женат!

– Уйди! – сказала ему, отталкивая от себя, выбираясь из-под завалов мощного мужского тела. По сравнению с ним

я была маленькой и хрупкой, но негодование придало сил, полоснуло болью в груди. – Как ты мог?!

Черт, черт! Он, оказывается, женат! Лежит в моей постели и делает вид, что не понимает причину моего возмущения.

– Убирайся, – сказала ему. – Не хочу тебя видеть! Никогда! Я думала, твоя жена умерла и ты свободен. А ты...

Почему-то он заулыбался, словно я сказала что-то крайне смешное.

– Аэлика!

– Иди ты... – хотела послать, но не смогла. Почему же так больно? Словно из груди вырвали кусок сердца, забыв перед этим вколоть анестезию.

– Ты неправильно понял!

Все! Я завизжала. Он не собирался уходить, а пытался объясниться. Не хочу ничего слышать! Раз так, то я сама уйду. Выбралась из постели, в два шага добежала до низкого разлапистого столика с ножками, словно у осьминога. Схватила серебряное блюдо с фруктами и запустила в мужчину. Первые весенние яблоки весело поскакали по мраморным полам, с накиданными на них циновками и шкурами животных. Мне весело не было. Не попала. Ничего, сейчас я его вазой!..

– Аэлика, стой! – Квинт выпрыгнул из постели и пошел в мою сторону. Обнаженный, только что бывший моим, но уже не мой.

– Ненавижу! Как ты мог!

– Аэлика, глупенькая...

– Я не глупенькая, я – дура! А вот ты...

Кинула вазой. Увернулся. Второй тоже, не давая сказать ни слова. Ваз много, статуэток еще больше. Не хочу унылых объяснений! Схватила еще одну, выкинула ненужный букет. Тут в открывшуюся дверь ввалилась охрана. Оценили происходящее. Лица обалдевшие. Могу представить! Разыгравшаяся сцена превосходила разом все обещанные Наместником даррийские комедии.

– Арго, мы сами разберемся, – почему-то вместо меня приказал легат. Я икнула от его наглости и швырнула вазой в охрану. Нечего пялиться! Не попала и в этих – успели скрыться за дверью. Что за день неудачный?!

– Хорошо, – сказал Арго, вновь открыв дверь и просунув голову в щель. – Если что, зови.

Причем сказал он это не мне, а ему! Ненавижу!

– Все, хватит! – сказал Квинт. – Добегалась!

Как бы не так! Но прежде чем кинула в него очередной вазой или статуэткой – первым, что попало под руку на очередном столе, – он успел меня поймать, обнять, отнять. То, что попало. Отнес брыкающуюся и кусающуюся на кровать, придавил самим собой. Тут гирь не надо, тут бы вздохнуть...

– Ты – моя жена! Я ждал момента, чтобы рассказать. Этот оказался самым подходящим, – вздохнул он и посмотрел на меня с укоризной, словно я истерикой испортила признание.

– О чем ты? – выдохнула в ответ. Какой же он здоровый и тяжелый! И как я раньше не замечала, когда... Ну да, мне было не до анализа ситуации. – Слезь с меня! Я не страдаю маразмом, алкоголизмом и провалами в памяти. Какая я тебе жена? Когда успели? Я бы запомнила такое событие!

– В храме Митры. Ты умирала. Яд оказался слишком силен, Верховный Друид лишь замедлил его действие. Ритуал смешения крови не помог, поэтому я решил... Без твоего согласия связал нас узами брака. Мои боги безразличны к людям другого племени, поэтому просил Митру уже за свою жену.

Я замолчала.

– Спа... спасибо! – наконец, выдавила из себя. – Я... не знала, что было так плохо. Мне никто не рассказал. Но почему ты молчал?!

– Ждал, когда наступит правильный момент. Хотел, чтобы ты привыкла ко мне.

– Дождался, – сказала ему. – Только не говори, что женился только из жалости и во спасение.

– Нет, – сказал он. – Я люблю тебя.

Он поцеловал меня, и мы помирились. Затем еще раз помирились и отпраздновали свадьбу древнейшим и наименее приятнейшим способом.

– Придется повторить обряд по нашим традициям, – сказала я позже, лежа в объятиях мужа, пусть пока только перед лицом его бога, а не по законам бригантов, но, уверена, это

лишь вопрос времени. Он сразу согласился взять меня в жены перед лицом всех богов, существующих на свете.

– Хочешь, увезу тебя в свой дом, в Антиохию, – сказал Квинт. – Будем жить вдали от войны и политики. Растить детей. Разводить лошадей.

Поцеловал меня в тыльную часть ладони.

– Хочу, но не могу, – ответила ему. – Очень хочу, но очень не могу. По крайней мере, не сейчас. Пока не буду уверена, что бриганты не ввяжутся в войну. Но если ты будешь настаивать, тогда поедем. Мне все равно, где жить. Лишь бы с тобой. А ты... Ты ведь можешь стать императором Даррии?

Спорный момент, но мне хотелось знать. Не дай бог мужа потянет в этот гадюшник!

– Могу, – зевнул он, – заявить права на престол. Казнить Проктулуса и половину Сената. Оставшуюся часть сослать, остальных задобрить. Заслужить преданность преторианцев. Затем жить, постоянно оглядываясь через плечо, ожидая удар кинжалом в сердце и не зная, как защитить свою семью и своих детей. Аэлика, это не для нас. Я хочу быть с тобой. Вдали от всего.

– Но если мы останемся на Альбионе, то тебе придется принять торк племени. Стать королем бригантов.

– Да, – сказал он. – Я знаю. После того как закончится служба. Еще полтора года.

– У-у-у! – завывала я от огорчения. – Так долго!

– Я буду рядом. Но, кажется, от службы освобожусь зна-

чительно раньше, даже планировал, – задумчиво произнес он. Но объяснять не стал, сколько бы я его ни пытала. Ну ничего, ничего! Мы всего-то женаты – раз-два и обчелся! Чуть позже, не сразу, я научу его делиться всем – как радостями, так и тревогами.

А пока что мечтала о том, как наше правление принесет бригаантам мир и процветание. Он будет защищать, я – строить. Больницы, школы, водопроводы. Бани по даррийскому образцу. А еще – святилища Трехликому, потому что выразить словами свою благодарность за своего мужа я не могла. Если уж Богу нравятся памятники дикого зодчества – построю все и везде колоннами с его изображением. А еще – храмы Митры. Мы, бригаанты, крайне терпимы по отношению к другим религиям.

Главное, чтобы не было войны.

Глава 22

Хорошие конюшни у Наместника! Просторные, светлые, с чистыми денниками, в которых пахло сеном и любовью к лошадям. Лошадей было много, пара сотен, разных пород, от конезаводчиков со всех концов Даррийской Империи. Публий предложил выбрать тех, кто привык ходить в колесницах, но я решила не рисковать, сказав, что поеду на своих. Мы отправлялись на утреннюю прогулку за город, где Наместник собирался показать «гипподром». Конечно, до Великого Цирка, что на Марсовом Поле на левом берегу Табера в столице Даррийской Империи, местный стадион недотягивал. Наместник не хотел вкладывать деньги в еще одно грандиозное строительство, сказав, что одного дворца ему хватило за глаза.

Несмотря ни на что, вдоль деревянных трибун на поле длиной в шесть сотен метров и шириной в сотню, с разделительным барьером посередине, воротами для одновременного старта нескольких упряжек и метами – раскрашенными столбами в местах, где трасса делала поворот, – проводились гонки на колесницах, пользовавшиеся огромным успехом у местной публики. Заслышав о соревнованиях, выпросила у Публия разрешение сделать несколько кругов. Решила не упустить возможности проехать вдоль трибун, впитавших в себя азарт, скорость и ликование зрителей. То, чего

мне иногда так не хватало.

В мою колесницу впрягли Беляночек. Так я прозвала двух лошадок, которых привез Квинт в первую нашу встречу. «Подарок императора», – сказал легат, не сводя с меня взгляда. Надо же, прошло всего ничего, и теперь я замужем. За ним. Замужем! Кто мог подумать, что, ожидая на холме перед Инсуримом даррийский отряд, встречу свою судьбу?

Эту ночь мы провели вместе. Я едва дождалась, когда смогу выскользнуть из цепкой хватки Публия, чтобы вновь очутиться в объятиях мужа. Он оказался первым в моих покоях, успев закончить дела в штабе армии раньше, чем планировал. Проговорили до рассвета, затем я заснула у мужа на руках.

Утром начали признаваться. Первыми узнала няня и Маря. Странно, но кандидатура будущего короля не стала для них откровением. Бретта пожала плечами, пробормотав насчет того, что если уж перевелись мужчины в собственном племени, то девочке остается только взять себе из другого. Я засмеялась, затем получила сотню поцелуев от Мары.

Друиды были менее сдержанны в своих эмоциях. Ангус выглядел убитым. Неужели до последнего надеялся? Гахарит же... Гахарита прорвало. Он утащил меня в приемную комнату в моих же покоях, закрыл дверь и долго выяснял, понимаю ли я, что творю. Заверила, что покидать бригантов и отправляться за мужем в далекую Даррию не намерена. К тому же Квинт останется со мной после окончания службы, его

военные навыки пойдут на благо племени. А еще, а еще... Я собиралась построить несколько святилищ Трехликому в благодарность за его милость.

Гахарит успокоился. Ну, по крайней мере, сделал вид. Долго разговаривал с Квинтом, после чего заметно подобрел и стал походить на прежнего, верного мне друида бригаантов. Затем намекнул, что в отсутствие Верховного готов дать несколько уроков магии, и предложил настойку для быстрее-шего зачатия. От уроков я отказалась – время неподходящее. От зелья тоже – сами разберемся!

Мою дружину в известность поставил Квинт. Я как раз вернулась после беседы с Гахаритом и застала мужчин за разговором. Послушала о военных учениях, тонкостях закупки оружия и амуниции. В общем, дорогое мужскому сердцу «бла-бла-бла». В основном говорил Квинт. Прасург, Тристан и иже с ними кивали, иногда спорили, иногда раздражались репликами «вот это дело!», «да будет так!». Посмотрела на сводного брата. Он, кажется, был увлечен беседой, а не погоней за тронem. Прасург щурился, тянул себя за бороду и время от времени пытался возражать Квинту, но по делу. Вел себя уважительно, словно говорил с королем как верный и лучший его советник. Одним словом, поладили!

Прикинула, во сколько казне выльется военное «бла-бла-бла». Выходило, влетит в копеечку. Поцеловала мужа на глазах у всех. Он не остался в долгу, так что народ мы смутили знатно. Хотя народ почему-то смущаться не стал, разразил-

ся одобрительными криками. Наконец попрощалась и ушла, кивнув охране, чтобы следовали за мной. Я отправилась к Наместнику: развлекать, развлекаться, а заодно просить денег. Вернее, снижения налогов. В деталях расписала Публию планы по возведению защитной стены, наподобие той, что стояла на границе с кальзедонами. Рассказала о постройке лечебниц и школ, в которых детей будут обучать грамоте и законам – как нашего племени, так и Даррийской Империи. Затем – о планах по обустройству городов, проведении водопроводов, строительству святилищ и храмов Митре.

Вместо того чтобы залиться счастливыми слезами, Наместник пообещал подумать. Ну что же, пусть думает! Я собиралась пробыть в Лондиниуме еще пять дней. Надеялась, что к этому времени Публий созреет.

Затем отправилась с Наместником кататься на эсседах. Перед выездом написала записку мужу. Да-да-да! Сама! Правда, пришлось выпросить пергамент и перо с чернилами. Кажется, королева бригантов, которая, чертыхаясь, склоняла неправильные даррийские глаголы, произвела на Публия еще большее впечатление, чем когда говорила с ним о радостях любителей котов.

Публий удивился, когда я с легкой улыбкой назвала имя того, кому адресована записка. Больше ничего не рассказывала, пробормотав про «дела сердечные». Письмо, подозреваю, с морем грамматических ошибок, понес один из слуг Публия. Мы же отправились за город. Кто верхом, кто на ко-

лесницах, дамы – в повозках. Публий восседал на вороном жеребце, самом здоровенном из виденных мной до этого. Я правила колесницей.

Остановились на холме, осматривая окрестности. С правой стороны располагался лес, могучий и дремучий, убежавший за горизонты. Когда-то в нем была Священная Роща триноваров, но им пришлось перенести капище в другое место. Оказалось, Святилище древних богов портило Наместнику вид, когда он выезжал из Лондиниума. Нос Публия дернулся презрительно. Он уставился на меня, ожидая реакции. Да что б тебя!.. Я понимала, это проверка, поэтому промолчала.

Уставилась на гипподром, окруженный с трех сторон трибунами. Перевела взгляд на вытопанную землю трассы. Лучше буду думать о гонках, чем о Публии, который сегодня откровенно и плотоядно меня разглядывал. Зря я вчера понадеялась... Вздохнув, отправилась к эсседе. Рядом стояли еще три: для Арго из моей охраны и для двоих из свиты Наместника. Публий кататься отказался, сказал, что предпочитает смотреть. И смотрел. На меня. Чтоб боги лишили его зрения!..

Я уж было собралась отправить лошадей вскачь, как заметила приближающихся лошадей. Прибыл легат с двумя легионерами. Одет муж был в военную тунику. Спешились. Лицо у Квинта было недовольным.

– Я буду править, – приказал он, забравшись в эсседу по-

сле короткого разговора с Публием. Пожала плечами, подвигаясь. Отдала вожжи, поправила подол длинного платья, чтобы муж не наступил на него. Что за собственнические замашки?

– Как хочешь, – сказала ему. – С чего бы это ты так возбудился?

– Возбудился? – усмехнулся он. Уставился на мою грудь под тонким платьем. – Как скажешь, жена! Почему ты забыла сообщить, куда собираешься?

– Я послала тебе записку.

Напрягла мозг и выдала текст на даррийском. Оказалось, не получил. Либо слуга не нашел, либо... Поежилась, кинув взгляд на Публия. Тот стоял и смотрел в нашу сторону. Внимательно, не отрываясь.

– Ты был занят, – пожаловалась Квинту. – Строил планы по захвату мира с Прасургом и Руэйдом. Мне стало скучно, а Публий предложил...

– Публий? – выдохнул он мне в ухо. Прикоснулся губами к коже. Взял поводья в одну руку, притянул к себе, демонстративно целуя в шею, в ключицу. Стало жарко. Мурашки, дремлющие, сытые и довольные, проснулись, разбегаясь в разные стороны жаркой поземкой желания.

– Опять ревнуешь?

– Ревную, – согласился он.

Кажется, поездочка меня ждала еще та! Стартовали. Квинт подгонял лошадей. Все быстрее, быстрее. Подхлесты-

вал коней, заставляя скакать на пределе, оставляя далеко позади остальные колесницы. Вместо того чтобы сделать круг по гипподрому, проехали вдоль трибун. Разорвав тонкую ленту ограждений, Беляночки выбежали на поле, идущее вдоль опушки леса. Но мне было уже не до колесниц, ни до чего. Чувствовала губы мужа, целующие меня в шею, в ключицы, не понимая, куда деваться от охватившего желания, подхлестнутого адреналином и скоростью. Стук сердца, казалось, заглушал топот копыт несущихся во весь опор лошадей. Повернулась, дотянулась до губ мужчины, целуя его, делаясь охватившим возбуждением, в то же время не желая мешать, боясь, что мы можем разбиться.

Через секунду он разорвал наш поцелуй, рывком развернул меня к себе спиной. Едва успела вцепиться в борт эседы, как почувствовала, что он задирает подол моего платья. Мужские пальцы проникли туда, где давно уже властвовало желание. Я больше не сдержала стоны. Еще, сильнее!.. С каждым движением чувствовала, как приближаюсь к грани, за которой лежал сладкий мир наслаждений.

Нет!.. Подхватил рукой под бедра, заставляя встать на носки, прижимая к себе, позволяя ощутить свое возбуждение, затем резко проникая внутрь. Выдохнула счастливо, чувствуя, как наполняет меня каждое его движение. Еще, еще немного!.. Еще один вздох, еще один ритмичный стук копыт, еще один удар внутри меня. Наконец больше не сдерживала счастливого крика. Наслаждение волной пробежало

по телу, срывая завесы, открывая меня всему... Этому лесу, полю, этой земле, которой я принадлежала, на которой была так счастлива. Мой крик улетел вдаль, туда, где за холмом, поросшим ельником, даже отсюда чувствовала присутствие древних богов, которые спокойно и безразлично наблюдали за играми своих детей.

Через сотню лет мы все же повернули назад. Муж обнял меня, прижимая к себе, словно боясь, что, если отпустит, я исчезну. Закрыла глаза, прислушиваясь к стуку его сердца. Лошадиный топот, бряцанье упряжи, скрип колес заглушали почти все звуки, но даже среди шума я могла уловить ритмичный звук ударов его сердца. Наши жизни были связаны. Навсегда. Этой ночью спросила, как долго живут люди его племени. Он пожал плечами и сказал, что проживет столько же, сколько и я. Потому что дальше нет смысла.

Остановились внизу холма. Квинт бросил поводья подбежавшему возничему, снял меня с повозки. Поцеловал, нежно, сладко. После поездки – такой поездки! – ноги заплетались, голова кружилась. Я чувствовала себя легкой, словно перышко, готовой взлететь в небо. Если только с ним, одна не хочу!

– Аэлика, – неожиданно он сжал мою руку до боли. – ТАК ты будешь кататься только со мной!

Вздыхнула, возвращаясь из эйфории на землю. Кажется, пока я витала в облаках, у кого-то случился тяжелый приступ ревности.

– Да, муж мой, – ответила покорно. – Конечно, так катать меня будешь только ты. Но что за муха тебя укусила? Особо ядовитая особь из лесов Лондиниума?!

– Скорее, из дворца, – через некоторое время отозвался он, не выпуская мою ладонь из рук. – Эта особь принесла слух, что ты благоволишь Наместнику. Очень благоволишь, Аэлика!

– Слухи, – поморщилась я, чувствуя, как внутри защеколело от его ревности. – Мерзкие, липкие, и в них нет ни слова правды. А тот, кто донес их... Квинт, он не трогал меня! А если бы трогал, то... Лишился бы рук или своей похоти. Бригантам, да и моим друидам, все равно, будь он хоть трижды Наместник! Никогда, клянусь, никогда не буду тебе изменять.

Замолчала. Я сделала все, что могла, теперь пусть сам борется с собственными демонами! Кажется, поборол, затем сообщил, что ему придется уехать. Улететь. Сегодня, вернее, сейчас.

– Но почему?!

– Поверь, мысль о том, что придется оставить тебя, сводит меня с ума.

– Я заметила, – отозвалась я, прижимаясь к нему.

– На земли иценов бурей выкинуло два корабля-разведчика. То, что рассказали выжившие... Под пытками, Аэлика! Варвары с континента в ближайшее время вторгнутся на Альбион. Мы начинаем стягивать силы к юго-востоку про-

винции.

– Боги!.. Но...

– Это не юты. Это гедары...

– Да хоть черти рогатые! – расстроилась я. Что ж им неймется? Не дают насладиться медовым месяцем! – Квинт, у бригаентов большая армия. Очень большая. Ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку.

За мной, вернее, со мной еще и караветты. Дуббоны, корновины, децианглы. С коританами непонятно, но, кажется, Вентурий выжил. Поддержит ли он военный союз или будет ненавидеть всю оставшуюся жизнь? Тут муж поцеловал меня в нос и сказал, что сам разберется. Кажется, кто-то плохо знает свою жену!

Глава 23

Шум стадиона накатывал морским прибоем, прорывался сквозь тонкие стенки возведенной наспех королевской палатки, что бриганты разбили неподалеку от гипподрома. Я слышала нетерпение в реве толпы. Этот рев волнами бил по барабанным перепонкам, уносился вдаль, словно подхваченный ветром, чтобы позже вернуться вновь. Неудивительно, ведь народу собралось – несусветные тысячи! Люди продолжали прибывать как из Лондиниума, так и из ближайших городов и поселений триноваров. Да что триновары! Приехали даже ицены и дуббоны. Поле вокруг гипподрома было забито палатками и кострищами, в лесу охотились все, кому не лень, добывая мясо для пропитания.

Я вздохнула. Слух о том, что королева бригантов будет состязаться против чемпионов Публия в гонках на колесницах, всколыхнул племена, заставляя каждого уважающего себя жителя юга Альбиона сесть на лошадь и примчаться в Лондиниум. Верхние ярусы деревянных трибун, предназначенные для простого народа, были забиты до отказа чуть ли не с рассвета. Нижние, «вип-ложи» для Наместника и даррийцев высших сословий, пока что пустовали. Ожидали прибытия Публия со свитой, чтобы он торжественно открыл состязания со своей трибуны, украшенной цветами и венками.

Публий задерживался, да и я не спешила. Ночь вышла

бессонная. Больше всего мне хотелось вернуться в свои покои, а еще лучше – домой, в Инсурим. Залезть под одеяло и забыть этот бред. Но впереди ждала гонка, и какая!.. Десять колесниц, десять кругов по стадиону. Солидный денежный приз, к которому прилагались почести и слава. У нас с Наместником было собственное, отдельное пари на эти соревнования. Слухи о нем всколыхнули умы местных жителей, хоть я и жаждала скрыть подробности.

Друиды рассказывали, что в святилищах Древних по всему югу Альбиона горели костры. Люди приносили жертвы, просили у Трехликого за меня, вернее за победу на скачках. Утром я тоже отправилась в Священную Рощу, где друиды триноваров провели ритуал, сулящий удачу в гонках. Принесла жертвы: немного собственной крови, амфору с маслом и золотые украшения, сложенные в сосуд. Подарки зарыли под колонной Трехликого, подле которой я постояла для приличия, помолчала, ощущая присутствие Бога, немигающий Его взгляд. Когда-то Гахарит сказал, что Трехликий исполнит мои желания. Я уже получила сполна: и Андрея, вернее Квинта, и замужество. Просить о выигрыше было бы верхом наглости. Но пожалуйста, пожалуйста!

Мне нужна эта победа! Если проиграю, муж меня убьет. Хотя он убьет меня в любом случае, когда узнает о нашем пари с Наместником... О том, ради чего я спорила, и о том, с чем придется расстаться, если проиграю. Вздохнула еще раз, вытянула ноги в мужских узких штанах, одернула светлую

льняную тунику, расправив складки на бедрах. Пояс, торк и небольшая диадема, приколотая к строгой прическе с забранными наверх волосами, были из золота – королева варваров готова нестись во весь опор по стадиону! На лице – боевая раскраска в виде спиралей Древних. Только на этот раз – из «безалкогольной» вайды. Гонять по стадиону под кайфом я не собиралась, так что Гахариту пришлось постараться и сварить новую краску.

– Волнуешься? – спросил он, присаживаясь рядом со мной на лавку. Как и в тот, первый, раз, когда я ожидала начала гонок в своей палатке. Только теперь и не думала его душиить – это прерогатива мужа. Он вернется и выберет способ казни как для меня, так и, подозреваю, для моего окружения, раз допустили подобное безобразие.

– Немного, – призналась друиду.

Я всегда волновалась перед стартом, но стоило выжать сцепление, как тревога исчезала, оставляя вместо себя лишь упоение скоростью и желание победить любой ценой.

– Муж меня убьет, – пожаловалась Гахариту. – Выиграю я или нет...

Затем слушала заверения друида, что Квинт меня любит. Да знаю, знаю! Но как объяснить легату, что согласиться на пари меня толкнули метафизические силы, откуда-то взявшаяся уверенность, что я поступаю правильно? Быть может, ответ пришел с раскинувшихся передо мной, убегающих вдаль лесов? С порывом ветра, принесшего летнюю сла-

дость цветущих гречишных полей? Или же я услышала его в песне Мары о далекой, но прекрасной ее родине? Моя собственная лежала у моих ног, и мне показалось, что я поняла ее намек, ее желание.

Черт, а если ошиблась?!

За день до этого Квинт отправился к восточному рубежу. Предупредил, что волноваться рано, но посоветовал держать войска в боевой готовности. Прасург и иже с ним слушали и кивали. По глазам, по нетерпеливым жестам, по жару, с которым принялись обсуждать обратную дорогу, стало понятно: в Лондиниуме мы уже загостились. Бригантам хотелось на родные хлеба, приводить в готовность засидевшуюся без дела армию. Воины молчали, продолжая слушать моего мужа, своего будущего короля.

Оказалось, одно из племен с континента – гедары – не ужилося с воинственными соседями. Пострадав от разорительных набегов мевонгов и аквитан, сожгли свои города, в количестве пятнадцати, и поселения – аж три сотни! – а также весь хлеб, кроме того, что взяли с собой, и отправились на северо-восток. В дорогу захватили соседей, с которыми поддерживали мир и которым тоже не так чтобы хорошо жилось в Третьей Провинции, и началось «великое переселение народов». Гедары, раурики, тулинги, эдуи и еще несколько малочисленных племен – двинулись в поход. Все бы ничего, но зачем-то свернули на север и обратили свои очи и воинственные лица в сторону моря, за которым лежал

Альбион.

Муж ткнул пальцем в карту. Я почувствовала, как с двух сторон меня сжимают мужественные плечи военачальников, склонившихся над пергаментом, и мстительно наступила на ногу Руэйду. Пусть подвинется! Квинт считал, что гедары высадутся на землях иценов. Почему? Он бы сделал именно так. Племя еще не оправилось после кровавого восстания королевы Бодиче, после которого даррийцы в карательных целях уничтожили почти всех мужчин, способных держать оружие. Мне стало не по себе от его слов и внимательного взгляда. Бриганты засопели, но промолчали. Я последовала их примеру. Так сложилось, что наша семья из тех, кто стоял по разные стороны баррикад. Наши дети будут говорить на двух языках, и с этим уже ничего не поделаешь. Мы будем с этим жить. Счастливо. Любить друг друга. Только так, никак по-другому!

Квинт продолжал. Если переселенцы достанут достаточно кораблей, которые они, к примеру, могут выкупить у ютов, то на земли Альбиона высадутся огромным количеством. Муж назвал примерную численность племен, с которыми сталкивался во времена службы в Третьей Провинции. Цифра внушала ужас. Мне стало нехорошо. Вернее, совсем плохо. Пра-сург выругался, народ зашумел. Если сложить вместе, получилось почти две сотни. Тысяч! Человек! Как с ними справиться пусть и расширенному Девятому Легиону, численностью в десять тысяч, пусть великолепно обученных и при-

выкших воевать солдат, усиленных боевыми отрядами драконов-полукровок? Да их просто задавят количеством! А драконов перестреляют на бреющем полете.

Ответ на свой жалобный вопрос я так и не получила. Квинт наказал не дурить и вернуться в земли бригантов. Добавил в мою охрану двух легионеров. Оба – драконы-полукровки. Бриганты крякнули от досады, но потеснились. Оставил отряд сопровождения, наказав предупредить, когда выедем из Лондиниума. Он собирался встретить меня на границах с племенем коритан и проводить до моих земель. Кто знает, что выкинет Вентурий на этот раз?!

– А как же деньги? – негромко спросила у мужа, когда нас оставили проститься еще раз. Он, при оружии, сосредоточенный, в мыслях был уже далеко отсюда, не со мной.

– Публий не даст. Я много раз говорил, но ты, как всегда, уперлась, – пожурил он, и я улыбнулась. Забавно получилось, почти настоящая семейная история. Он говорил, а я уперлась... Хорошо звучит, просто замечательно! – Такие вопросы решает император. Проктулусу сейчас не до твоего строительства и проблем маленькой провинции.

Вздыхнула. Тогда почему Наместник обещал подумать? О чем он собирался размышлять целых пять дней?

– Аэлика, ты забыла, что моя, а теперь уже и твоя семья – одна из древнейших в Даррии.

– Правда? – удивилась я. Черт, не то что забыла, даже и не думала в подобном ключе.

– И довольно богата, – добавил муж, целуя меня в нос. – У меня хватит денег, чтобы ты могла застроить школами и лечебницами твои земли.

– Наши земли, – напомнила ему. Улыбнулась. Ну что же, посмотрим! Я все же считала, что отдавать половину доходов и урожая императору – просто грабеж.

– Аэлика, – вновь произнес Квинт. – Я написал Проктулусу.

Замерла, поняв, что прошло нечто важное.

– Мне нужны еще два легиона, расквартированные в окрестностях Аквилеи. Также сообщил, что ухожу со службы и остаюсь на Альбионе, после того как остановлю вторжение. Когда прибудет моя замена.

Помолчал. Я почти не дышала, ожидая продолжения.

– Я отказался от претензий на трон и признал Проктулуса родным дядей.

– Мо-молодец! – растерянно похвалила мужа.

– Он получит мое письмо через пять-шесть дней. Примерно столько потребуется центуриону Гарнаку, чтобы долететь до Дарра.

Улыбнулась. Довольно быстро, однако! Можно сказать, телеграмма.

– На второй срок службы я пошел добровольно. Чтобы не сойти с ума. Теперь схожу с ума, когда расстанусь с тобой, – пожаловался муж. Затем поцеловал меня еще раз и ушел.

Я же отправилась к Наместнику, решив сообщить об отъ-

езде. По возникшим, так сказать, непреодолимым обстоятельствам. Правда, перед этим отправила гонцов к «партнерам по коалиции» и домой, в Инсурим. Вестникам пришлось заучить текст наизусть, да и крыльев Боги им не выдали, так что запредельных скоростей от них не ожидала.

Нашла Публия в личном кабинете за работой. Услужливый секретарь распахнул передо мной дверь, приглашая войти, сделав знак охране, чтобы и не думали сопровождать в святую святых. Воины замялись. Я пожалала плечами. Надеюсь, у Публия хватит ума не распластать меня на внушительном дубовом столе, заваленном горой свитков, на многих из которых красовалась внушительная даррийская печать. То, что его интерес далек от политического, я поняла еще этим утром.

Вошла. Наместник встал, шагнул навстречу. Сердце застучало тревожно. Слишком уж сладкая улыбка играла на полных губах мужчины, но в глазах застыл холод, от которого по позвоночнику пробежала тревожная изморозь.

– Проходи же, королева Аэлика!

Сделал приглашающий жест. Белая тога патриция казалась стерильным медицинским халатом, его кабинет – операционной, где сейчас начнут меня препарировать. Но для начала Наместник усадил за стол рядом с золотой чернильницей с игривыми купидонами. Я взглянула на пухлые детские лица. Опять стало нехорошо. Кинуло в жар, затем в холод. От странной мысли стало еще хуже. Неужели я ношу под

сердцем ребенка? Не может быть, чтобы так быстро! Даже если и беременность, то срок совсем маленький. Всего лишь день или же пара часов. Кто знает, быть может, мы зачали наследника бригантов в пылу страстной, дикой скачки вдоль крепостных стен Лондиниума?!

Публий тем временем жестом прогнал секретарей и писарей. Гораций, пушистым клубком дремлющий на софе, решил подать признаки жизни. Подошел, запрыгнул мне на колени. Замурлыкал, ласкаясь. Я погладила кота по спине, почесала за ухом. Тут почувствовала, как чужая рука коснулась моих волос, трогая завивающиеся на влажном воздухе пряди. Тряхнула головой, отгоняя ее, как назойливую муху. Надеюсь, Наместник понял, что ошибся адресом...

Уставилась в окно. В Лондиниуме лил дождь. Природа рыдала, да и у меня настроение было не очень. Подумала о Квинте. Как он там, один? Пусть не один, а со своими... Боги, как их?! Вот, с трибунами! Но все же дождь и ветер, а им лететь и лететь! Надеюсь, в лагере согреется. Черт! Публий тем временем принялся разбирать сложную мою прическу, а вторая его рука наглым образом хозяйничала на моем плече.

– Не надо, – сказала ему, скидывая чужую ладонь, – переходить границ земель, где тебе не рады.

– Аэлика... – голос прозвучал вкрадчиво, словно пытаюсь найти дорогу к моему сердцу. – Ты остаешься для меня величайшей загадкой Альбиона. Дорого бы я отдал, чтобы ее разгадать! Такая юная, но столь рассудительная. На вид

невинна, но уже так опытна. Ты очень красива! Я помыслить не мог, что встречу столь прекрасное создание в глуши Даррийской Империи.

– Публий, – поморщилась в ответ, – я так и останусь для тебя загадкой. Мы уезжаем сегодня же. Возвращаемся домой. Границы беспокойны, сейчас мне лучше быть со своим народом.

– Ах, ты в курсе небольшой неприятности, ожидающей ищенок? Ну конечно же, мой дорогой легат не забыл поделиться новостью со своей сердечной привязанностью!

Кивнула, размышляя, почему Квинт не сказал ему, что мы женаты. Не успел или же не захотел? Вернется и пусть сам разбирается с Наместником. Я же собиралась выполнить два его наказа: не дурить и отправиться как можно скорее в Инсурим. Но сначала захотела получить ответ на мой денежный вопрос. Публий покачал головой.

– О, моя маленькая королева... – в голосе прозвучала скорбь.

Я опять поморщилась. Кажется, кто-то пересмотрел комедий! Или же трагедий, смотря как будет развиваться действие.

– Только что пришло письмо из Дарра. Речь не идет о снижении налогов, наоборот...

– Как это, наоборот? – не выдержала я. Чуть было не подскочила, но покосилась на задремавшего кота. – Не может быть!

Это даже не грабеж, а... вооруженный разбой какой-то!

– Императору нужны деньги, Аэлика! Он хочет поднять налоги на пять или, быть может, на десять процентов. Новая военная кампания на востоке принесет Проктулусу честь и славу, но за нее заплатят даррийские подданные.

Покачала головой. Не верю!

– Я должен назвать Даррии цифры... Сколько еще можно взять с этой провинции. Так сколько же готовы заплатить бриганты, Аэлика?

Промолчала, кусая губы.

– Я рад, что твое племя не задолжало в казну, – продолжал Наместник. – Проктулус требует немедленного возврата долгов. Несогласных же или неплательщиков... Их земли отойдут к Империи, и править будут назначенные мною трибуны.

– Коритане...

– Я слышал о небольших неприятностях по дороге в Лодиниум. Больше ты не увидишь этого... короля Вентурия, – Публий взглянул в бумаги. – Как только закончится неразбериха с гедарами, перепутавшими восток с севером, я пошлю войска в Линд. Не только к Вентурию. В казну задолжали еще три племени Альбиона.

– Кто?

Он назвал. Ордовики, деметы и силуры.

– Аэлика, одно твое слово, и вы будете платить столько же, сколько и раньше.

Я сжала виски ладонями. Как неправильно все получалось!

– Я также вложу собственные средства в твои замыслы. Моя семья богата и влиятельна и в правление Проктулуса взлетит выше, чем когда-либо. Единственное, что потребую взамен...

Мужская рука вновь легла мне на плечо.

– Не потребую, а попрошу... То, что доставит нам обоюдное удовольствие...

Рука полезла дальше, забираясь под мою тунику. Недалеко! Я выхватила кинжал. Возмущенно мяукнув, полетел с колен пригревшийся Гораций.

До горла Наместника все же не дотянулась. Он перехватил нож раньше. Выкрутил мне руку, усмехнулся в лицо. Отшвырнул кинжал. Впился в губы поцелуем. Быстрым, потому что я укусила в ответ. Отпустил. На лице выражение торжества. Уверена, все рассчитал! Решил заполучить меня любым способом. Шантажом, угрозами, принуждением, если не удалось затмить разум сладкими речами. Боги, зачем я поехала в Лондиниум? Сидела бы в Инсуриме и не попалась на глаза похотливому дракону!

Хотела крикнуть охране, но промолчала. Промолчала! Развернулась и пошла к выходу. Все же остановилась. Слезы давили горло. Я мечтала уничтожить его, раздавить, как болотный гнус, но не могла.

– Я уезжаю, Публий. Можешь не провожать, с меня хва-

тило прощального поцелуя. Мы будем платить столько же, сколько и остальные племена Альбиона. Но будь осторожен, Наместник! Бригантам боги дали достаточно терпения, но и оно не безгранично.

Дальше не продолжала. Демонстративно вытерла губы ладонью.

– Гонки, Аэлика! – услышала вкрадчивый голос, когда дошла до двери. – Знаю, ты умело правишь колесницей. Я тоже азартен, юная королева бригантов! Не спеши покидать меня. Доверь решение богам. Если выиграешь, я оплачу твои расходы на ближайшие полтора года. Все расходы, Аэлика! Буду осыпать тебя золотом, ты сможешь купаться в драгоценных камнях. Если проиграешь... Я хочу сполна познать вкус победы. Твой вкус, Аэлика!

Ничего не ответила. Развернулась и ушла. По дороге в женское крыло сказала охране, что мы уезжаем. Сейчас же! Затем приказала Бретте и служанкам складывать вещи. Срочно! Но куда, куда? Быть может, перебраться в дом Квинта в Лондиниуме, чтобы завтра, закупив хлеб в дорогу, отправиться домой? Муж сказал, что предупредил о моем существовании домашнюю челядь и рабов. Его дом – мой дом. Не знаю, не знаю! Свалюсь еще на голову, словно снег в июне... Лучше уж пусть сам представит как хозяйку и жену.

Растерянно уставилась в распахнутое окно. Рассматривала далекие холмы, поросшие лесом, виднеющиеся за крепостной стеной. Дождь закончился внезапно, как и начался.

Ветер разогнал тучи, принес влажный запах соснового бора, полей, моей земли. Выглянуло солнце. Мне вновь показалось, что я слышу голоса природы. Они говорили со мной, шептали. О том, что слишком уж многое пошло неправильно на просторах Альбиона, но я могу исправить. Мне лишь надо... довериться.

Потрясла головой. Какой бред! Тут подошла Мара, уткнулась головой в подол моего платья в цвет мокрой от июньского дождя травы. Я обняла ее, погладила по пушистым черным волосам.

– Позволь спеть для тебя, мамочка!

Затем слушала песню далеких степей на языке, которого не знала. Внутри крепла уверенность в том, что собираюсь сделать. Квинт меня убьет! Вернется и откусит голову. Или же окатит ледяным презрением. Непонятно, что хуже... Наверное, второе. Вздохнув, начала приказывать:

– Бретта, мы остаемся еще и на эту ночь, вещи пока не складывай. Позовите Ангуса. Не знаю, где он! Быть может во дворе, кликните... Прасург, я участвую в гонках. Не смотри на меня диким зверем. Так надо, поверь! Знаю, ты обещал... И мой муж оторвет тебе голову. Да, да! Но это будет завтра, а сейчас прикажи подготовить эседу. Пусть к ней никого не подпускают, охраняют всю ночь напролет. Ангус, доброго тебе здоровья! Присмотри за Беляночками, чтобы к завтрашнему дню у них было такое же отменное здоровье, как у тебя. Я хочу, чтобы они всех порвали на гоночном круге. И

никому, никому не позволяй их кормить. Мало ли, отравят!

Все! Захватила охрану, пораженную всплеском активности, и отправилась к Публию.

– Насколько богата твоя семья, Наместник?

Мой вопрос вызвал игру эмоций на лице. Торжествующая улыбка с легкостью победила недоумение.

– Крайне богата, Аэлика, – отозвался он. Показалось, еще немного, и замурлыкает, как Гораций. – Ты готова заключить... наше небольшое соглашение?

– Пусть будут гонки! Завтра. Можешь позвать писаря. Если я выиграю, ты заплатишь в казну императора весь долг коритан и трех других племен.

Улыбнулась, увидев, как вытянулось от удивления лицо Публия. Неужели думал, выберу бассейн с бриллиантами?

– Я вижу на твоём лице растерянность, Наместник, и уже сомневаюсь, достаточно ли ты богат, чтобы принять вызов королевы бригантов.

– Казна получит всю причитающуюся с них сумму, – наконец отозвался раздосадованный Публий и начал диктовать текст договора подоспевшему секретарю. – Но если проиграешь... Полтора года, что я пробуду в Лондиниуме, ты будешь моей. Будешь со мной! Каждый раз, как только пожелаю.

Равнодушно пожала плечами, стараясь не выказать терзающих сомнений в собственной адекватности.

– Да, – сказала ему. – Согласна.

Пробежала глазами договор, радуясь, что мне понятна

большая часть текста. Поставила подпись. Развернулась и пошла к бригадтам, решив, что, если проиграю, мужу попросту будет некого убивать. Если только Прасурга. Ведь всегда можно красиво разбиться, погибнув под копытами лошадей. Достойное завершение карьеры российской гонщицы, ставшей королевой варваров!

Глава 24

Наместник прибыл лишь к полудню, когда ждать уже не осталось сил. Нервы натянулись до предела, грозя лопнуть при любом шуме – от криков или взрывов смеха, доносившихся с гипподрома и палаток других участников. Хотелось заткнуть уши. И еще, чтобы все уже началось. Вернее, закончилось. Вместо этого я терпеливо сидела на лавке и ожидала приезда Публия. Когда он уже раскачается?!

Наконец прибыл. В роскошном паланкине, который принесли чернокожие рабы, в сопровождении охраны, свиты и слуг; под звуки труб и громогласные вопли глашатая, возвестившего, что вот и он, Публий Тацит, Наместник Даррийской Империи на земле Альбиона, просим любить и жаловать. Я выглянула из палатки. На трибуне, отведенной даррийской знати, на деревянном троне, верх которого украшали знамена с драконами, расположился черноволосый мужчина, чье крупное тело было завернуто в золотую робу, яркостью цвета соперничающую с полуденным солнцем. Наместник не вызывал у меня никаких чувств, кроме одного: ненавижу!

Вернулась в палатку, собственный персональный ад, в котором поджаривалась уже добрых два часа. Бриганты давно уже оставили любые попытки разговорить или настроить меня на позитивный лад. Села. Закрывает глаза, вновь погружа-

ясь в невеселые мысли. Я прекрасно понимала, что проигрыш обернется катастрофой не только для меня, но и для человека, ставшего моим мужем. Как могла согласиться на сделку? Откуда взялась уверенность в победе? Послышалась в звуках леса и пении птиц?! Что за ерунду нашептал мне летний ветер? Почему приняла на веру слова старика в белом одеянии? Верховный учил доверять своим чувствам, интуиции. Доверилась. Что теперь?!

Теперь... Время пришло. Трубы возвестили о начале гонок. Послышался голос распорядителя Игр, здоровенного весельчака, от гримас и заигрываний с толпой которого мне давно уже стало тошно. Начали объявлять участников. Первым прозвучало имя патриция Гая Эмилия Титурга. Главный претендент на победу, как-никак! Я догадывалась, что меня, словно лакомый кусочек, приберегут напоследок, но все же решила выйти из палатки. Остаться в ней стало выше моих сил.

Прасург тоже поднялся. Пожилой воин держал шлем, который уже битый час, нет, два, пытался всучить, а я все не соглашалась. Начальник королевской стражи волновался не меньше моего, хотя не подавал вида. От шлема я опять отказалась. Шагнула к выходу и чуть было не столкнулась с Ангусом, который как раз отодвинул полотняной край палатки, чтобы войти вовнутрь. Я ведь попросила его следить за лошадьми! Прежде чем успела возмутиться, произнес:

– За Беляночками смотрит Гахарит. Аэлика, я принес тебе

вот это, – в руках друид держал веточку жасмина. – Позволь, заколю.

Ну, раз так хочет! Склонила голову. Ангус прицепил неожиданный подарок к моей сложной прическе. Вряд ли цветы удержатся во время гонки, но на миг меня порадовал волнующий, сладкий запах. Где-то там, за гипподромом, было лето, солнце и свобода. Там находился мужчина, которого любила я и который любил меня. Я же, словно дикий зверь, оказалась запертой в клетку обязательств, которые взвалила на себя сама.

– Ни о чем не беспокойся, – произнес Ангус, словно в ответ на мои мысли. – Ты выиграешь. Древние Боги с нами!

Хмыкнула. Да уж, с нами! С ними или с вами... Насчет себя я серьезно сомневалась. Пожала плечами и отправилась к выходу. Уже объявили шестого участника, вольноотпущенника-магедонца Расмуса. Аплодисменты ему достались жидкие. Интересно, что будет, когда очередь дойдет до меня? От этой мысли ноги сделались ватными, хотя раньше я не боялась общаться с прессой. Не любила, это факт. Голова давно уже походила на чугунный колокол, в который долго и с удовольствием били, словно в набат. Жаль, что в этом мире не изобрели таблеток от головной боли! Хотя, подозреваю, болела она не только у меня, но и у всех бригаантов с момента, как узнали о скачках. И еще о том, что я прельстилась во все не на выигрыш в тысячу сестерциев. Кстати, вполне себе выигрыш, можно дом купить в Лондиниуме и парочку ра-

бов. Нет, речь шла совсем о других деньгах, огромной сумме, из-за которой несколько королевских семей могли потерять свой народ, а четыре племени Альбиона приобрести нового правителя – императора Проктулуса Суллу.

– Аэлика, я поеду вместо тебя! – в который раз произнес Прасург, и в который раз я отказала. Поехать-то поедет, но как будет расплачиваться в случае проигрыша? Нет, сама! Сама заварила, самой и расхлебывать.

Вышла из палатки. Полуденное солнце резануло по глазам. Меня подхватил рев толпы, буквально поволок на посыпанную мельчайшим золотистым песком трассу гипподрома, по которой через несколько минут помчатся во весь опор десять колесниц. Десять упряжек, десять кругов. Обычно соревновались квадриги – четверки. У меня была лишь пара, поэтому остальным участникам пришлось изменить привычкам. Давало ли это преимущество? Не знаю. Быть может, минимальное.

Окинула взглядом участников. Пятеро – местные. Двое из племени иценов, двое – триновары. Еще один – то ли из дуббонов, то ли из другого племени на западе. Прасург говорил, но у меня вылетело из головы. Одеты привычно, так же, как и я. Остальные – даррийские граждане. Три вольноотпущенника: два дакийца и один магедонец, с буйной черной шевелюрой, которую он пытался затолкать под здоровенный, похожий на ведро, шлем. И, конечно же, молодой патриций из Лондиниума в роскошной, с вышивкой, красной тунике и с

не менее роскошным золотым шлемом в руках, начищенным так, что от блеска я даже прищурилась. Взглянула в надменное, красивое лицо и отвернулась прежде, чем он успел окатить меня презрительным взглядом. Выиграй любой из них, уговор с Наместником вступал в силу.

Наконец прозвучало мое имя, и трибуны зашлись в истерическом крике. Я, признаюсь, немного растерялась. Ух ты!.. Кажется, настал мой звездный час, только вот продлится он недолго. Поняла руку, приветствуя зрителей. Поклонилась. Мне ответили дружным ревом, больше похожим на коллективный стон восторга. Затем... Затем с трибун полетели цветы. Ветки белого жасмина усеяли золотистый песок гипподрома. Я видела, как недоуменно переглядывались даррийцы, не понявшие сути флешмоба. Да и я, надо признаться, въехала в него не до конца. Жасмин... Символ чего?! Решила спросить у Ангуса, но уже потом, потом. Цветов накидали столько, что рабам пришлось подбирать их с поля. Я вновь подняла руки, затем поклонилась, поблагодарив зрителей, чем вызвала очередной взрыв ликования.

Распорядитель тем временем призвал участников пройти короткий «круг почета» по гипподрому мимо трибуны Наместника. Что делать, присоединилась к группе участников. Публий смотрел на меня, уверена! Еще как смотрел! Вздернула голову, даже и не подумав оглянуться. Тут кто-то тронул меня за руку, привлекая внимание. Повернулась – Итон из племени иценов, его как раз объявляли передо мной. Здо-

ровенный рыжебородый мужчина, руки как оглобли. Многократный чемпион Лондиниума, пока его не сместил молодой патриций, Титург. Заметив вопросительный взгляд, Итон быстро отдернул рукав, показав заросшую светлыми волосками руку. Под брачный браслет была просунута веточка с белыми цветами. Жасмин. Я чуть было не икнула от удивления.

– Мы пропустим тебя на старте, – приблизившись, негромко произнес ицен. – Если не успеешь проскочить, то на втором круге. Арлен и Дамно, триновары, на третьем. Борво тоже не будет мешать.

– Почему?! – выдохнула изумленно.

– На старте будет давка, в нее не лезь. Твоя эсседа в крайнем стойле. Сразу бери вправо, прижмись к борту, – монотонно бормотал Итон. Вид у него был такой, словно читал молитву Древним. – Мы задержим даррийцев на старте, так что гони что есть мочи. И еще... Осторожнее на поворотах, королева Аэлика!

Выдавила из себя улыбку.

– Благодарю, Итон. Тебя и других.

– Мы знаем, что ты делаешь для Альбиона. Все знают.

– О чем ты?

– О договоре с Публием Тацитом.

– Боги! – выдавила из себя. Кажется, покраснела. С трудом удержалась, чтобы не приложить ладони к горящим щекам. Как такое возможно?! Бригантам я наказала молчать, да

и не трепались бы мои! Откуда узнал Итон? Или же рот пи-саря оказался настолько дырявым, что из него в массы рас-теклись подробности договора?

– Ни о чем не беспокойся, – заверил ицен. – Что не сде-лают боги, сделают для тебя люди.

К стойлам возвращались молча. Нежели помогут? Хоте-ла верить, но... Ладно, посмотрим! Итон говорил, чтобы в центр не лезла, взяла вправо. И еще чтобы не разбилась на поворотах. С этими заданиями я вполне могла справиться. У входа наткнулась на Прасурга, который, казалось, разом постарел со вчерашнего дня. Он волновался, и еще как! Я все же не решилась рассказать ему о беседе с Итоном, чтобы не обнадеживать раньше времени.

Прасург остался снаружи стойла, чтобы помочь, если лошади испугаются горна и откажутся выходить на гоночный круг. Я подошла к своей колеснице. Попрошалась с друида-ми, запрыгнула в повозку и нервно накрутила поводья на ру-ку. Рядом прочистил горло Арлен, подмигнул, показал ве-точку жасмина, заправленную за пояс. Вытаращила глаза, за-тем нерешительно улыбнулась. Надо же, как все... склады-вается!

Наконец резкий звук горна, ворота распахнулись и... Старт! Беляночки кинулись к выходу так резво, что я чуть было не выпала из эсседы. Может, Ангус и Гахарит им на-шептали о заливных лугах и сочной траве, что ждут после десятого круга? Из стойл мы вылетели первыми. Первыми!..

Я сразу же направила эсседу к трибунам, мысленно поблагодарив Наместника за то, что мое стартовое место оказалось крайним. Из третьего стойла вырвалась на простор великолепная черная двойка Гая Эмилия Титурга. Голову молодого патриция скрывал тяжелый шлем. Не только он сверкал на солнце! На колесницу, обитую изнутри красной материей, подозреваю, ушел золотой запас небольшой страны. И тут... В бок ему понеслись гнедые Дамно, заставив патриция свернуть влево, чтобы избежать столкновения. Не получилось! В левый борт колесницы врезалась эсседа Борво, что стартовала из четвертого стойла. Дальше я не смотрела – деревянный край трибун оказался в опасной близости от моей собственной упряжки.

Не оглядывалась, но прекрасно слышала. Мир позади меня разорвался проклятиями, криками, треском ломаемых колесниц. Оттуда несло испуганное лошадиное ржание, сопровождаемое воплями зрителей. Наконец выровняла собственную эсседу, кинула быстрый взгляд через плечо. Итон сдержал слово. Даррийцев они задержали, но как! Я видела перевернутые колесницы, слышала возмущенные крики с даррийской трибуны, под которой как раз проезжала. Из куча-мала вырвалась гнедая двойка с оборванными постромками. Понеслась в мою сторону, но моя эсседа была уже далеко, летела во весь дух по гипподрому к повороту.

Первая! Нет, по левому краю, ближе к метовым столбам неслась черная колесница магедонца. Ее преследовали еще

двое. Итон и Арлен! Я начала заходить в поворот, срезая угол, но магедонец проскочил раньше. Черт! Повернула вторая, успокаивая себя, что впереди еще девять кругов. Хватит чтобы обойти Расмуса и не пропустить преследователей.

Затем мы мчались по длинной прямой ко второму повороту. Довольно быстро догнала черную эседу магедонца, но он меня все не пропускал. Наоборот, дергал лошадей, норовил вытолкнуть с трассы. Позволила зайти в поворот первым. К тому же впереди, перед трибунами, в опасной близости к трассе, спешно разбирали обломки колесниц, уносили пострадавших на старте, ловили испуганных лошадей, расчищая дорогу участникам. Видела, как запрыгнул в колесницу дакиец, хлестнул лошадей, помчался вперед. От лидеров он отставал на целый круг, так что вряд ли будет соперником. Патриций Гай Эмилий Титург, прихрамывая, шел к трибунам. Оттолкнул подбежавшего слугу, сорвал с головы шлем, развернулся и со злостью пнул его ногой в сторону метового столба. Гипподром возмущенно заорал, потому что... Золотой шлем, опасно блеснув на солнце, летел к поворачивающей колеснице магедонца и упал как раз под ноги лошадям.

Видел ли это Расмус?! Не знаю, но лошади испуганно заржали, сбились с хода, шарахнулись в сторону. Колесница накренилась. Затем – не повезло! – левым колесом налетела на шлем и перевернулась. Я едва успела забрать вправо, резко свернув к трибунам, объезжая место аварии. Расмуса тащило по песку, но я увидела, как левой рукой он достал

кинжал и перерезал поводья, намотанные на руку. Надеюсь, успеет добежать до спасительного барьера, прежде чем его затопчут несущиеся во весь опор три колесницы преследователей.

Дальше я не смотрела, потому что с этого момента лидировала. Первая! Мне было все равно, как объяснит Титург свой поступок Наместнику. Пусть сами разбираются! Я же летела вперед, наслаждаясь скоростью. Жила ею, дышала, питалась, чувствовала, как она циркулирует в крови. Еще на один круг обогнала замешкавшегося дакийца Десмоса. В какой-то момент почувствовала присутствие отца, столь зримое, осязаемое, что, казалось, он стоял позади меня, положив руку на плечо. Направлял, успокаивал. И впервые мне не захотелось плакать и скорбеть, наоборот, поделиться с ним радостью от гонки.

Он исчез прежде, чем лошади выбежали на финишную прямую, прежде, чем прозвучал звук горна, известивший об окончании забега, и гипподром зашелся в ликующем крике. Мне показалось, напоследок отец произнес: «Скоро!» А я взяла и поверила.

Наконец остановила лошадей. Ко мне со всех ног спешили бриганты и, кажется, орали громче, чем многотысячная толпа на трибунах. Я непослушными пальцами с трудом размотала поводья с запястий, прыгнула с эсседы на руки Пра-сурга. Он прижал меня к себе, да так, что чуть не треснули кости. Передал Руэйду, который закружил меня по полю. За-

тем мы вопили от счастья, от раздирающих эмоций, которых невозможно было сдерживать. Нам вторили не только бриганты, но и трибуны. Меня перецеловали в щеки все, все! И охрана, и военачальники, и друиды, и знать, и даже двое легионеров Квинта.

Наконец подняла руки, приветствуя гипподром. Купалась в их любви, ныряла в нее, дышала их ликованием. Это было восхитительно. Невероятно. Самая большая моя победа. Да, я победила! С помощью людей и богов выиграла этот заезд, боги и люди свидетели!

Давно уже финишировали Итон и Арлен и даже отставший больше чем на два круга Десмос. Ицены шли ко мне, улыбались. Даже дакиец отвесил уважительный поклон. Мне же хотелось прыгать, петь и плакать от радости. Победа! Честная, нечестная – мне все равно!

Наконец, успокоившись, пошла к даррийской трибуне, на которой уже поднялся во весь рост Публий Тацит. Стоял, смотрел, как я приближаюсь. Вид у него был... зверский. Вернее, драконий. Чем ближе подходила, тем сильнее хотелось оказаться подальше от Наместника. Мне казалось, он пребывает в ярости и перекинется в любой миг. Не одной мне. Оттолкнув охрану, меня зажали в клещи оставленные мужем драконы. Нет, не верю, что Публий рискнет оторвать мне голову на глазах у всех! Остановилась под трибуной. Наместник глядел на меня сверху вниз, словно на мерзкое насекомое, мешающее ему жить, которое, по странным обсто-

ательствам, нельзя раздавить. Пока что.

– Твой выигрыш, королева Аэлика! – раздался его спокойный голос. Ко мне по ступенькам, ведущим с трибуны, спешил распорядитель. В руках сжимал золотое блюдо, в центре которого лежал увесистый кожаный мешок. Тысяча сестерциев... Много, но ничтожно мало по сравнению с суммой, которую проиграл Публий Тацит.

– Эти деньги, – повернулась, отыскав в толпе, сопровождающей меня, Итона, – я отдам бедным семьям Лондиниума. А вот другой выигрыш...

Подняла руки, требуя тишины, потому что трибуны опять сошли с ума. Люди вопили, требуя от Наместника исполнения договора. Сейчас же, сию минуту!

– Другой выигрыш, надеюсь, ты не замедлишь добавить в казну императора. Долги племен Альбиона будут списаны. Я уверена, Публий Тацит сдержит свое слово, как я сдержала бы свое! Не так ли? – спросила не столько у Наместника, сколько у десятков тысяч триноваров, присутствующих на трибунах. Не дай Древние Боги, Наместник скажет «нет»! Тогда он получит революцию. Причем сиюминутную. Народ был возбужден до крайности. Одно слово, и пойдет штурмовать дворец. Оружие? Сколько угодно! Где вы видели хоть одного жителя Альбиона, вышедшего из дома без оружия?

– Да, королева Аэлика, – произнес Наместник после короткого молчания. – Долги местных племен я заплачу.

Все, занавес! Бурные аплодисменты благодарной публи-

ки. Я даже поклонилась на бис, чувствуя, что больше не держат ноги. Легионер подхватил меня на руки, но у него меня отобрали. Прасург! Нет, отдал Ангусу, но у того меня почему-то забрал Руэйд. Рывкнул, что он брат, имеет право! Отдали. Куда-то под его руку просунулась физиономия Итона. Руэйд чуть было не двинул в нее локтем, но передумал. Итон сообщил, что на рассвете, в Дальнем Святилище, меня будут ждать короли иценов и триноваров. Столько, сколько нужно, чтобы я успела отдохнуть и набраться сил.

Меня куда-то несли, наверное, к лошадям и колесницам. Гипподром скандировал: «Аэлика!», люди ринулись с трибун ко мне навстречу. Я понадеялась, что не затопчут. Закрыла глаза, больше не сдерживая слез. Все закончилось, закончилось! Теперь бы увидеть Квинта, и можно умереть с чистой совестью. Нет, о чем это я... Дальше будет только «долго и счастливо», как в сказках! Если он, конечно, меня не убьет. Хотя, говорят, победителей не судят.

Глава 25

С гипподрома мы возвращались в хвосте свиты Наместника. Плелись еле-еле, со скоростью, которую могли развить рабы, несшие паланкин Публия. Могли бы выехать раньше и уже давно быть во дворце, но нас попросту не выпустили. Победа победой, но вы, варвары, знайте свое место! Придержите лошадей и языки!

Наше место оказалось в конце очереди, в хвосте за даррийскими приспешниками Публия. Настроения это не испортило, потому что народ продолжал приветствовать нас всю дорогу до виллы Наместника. Мы ехали с Руэйдом на колеснице; брат правил, я же купалась в людской любви, принимала поздравления, кивала, благодарила. Правда, эйфория, которую испытала на гипподроме, давно прошла, оставив после себя тревожные размышления. Выиграть-то выиграла, но кто знает, как переживет проигрыш Публий? Наместник ехал в одиночестве за красно-золотыми шторами паланкина, думал думу. Одним богам ведомо, до чего додумается.

Меня продолжали закидывать цветами. Белыми. Если что, хоронят здесь тоже в белом. Усмехнулась невеселым мыслям, жестом подозвала Ангуса, трусящего неподалеку верхом на рыжей лошадке, спросила про жасмин. Тот пожал плечами и сказал, что этот цветок похож на меня. Такой

же нежный, но сильный. Поэтому, когда встал вопрос об отличительном знаке, друиды подумали именно о жасмине, в изобилии цветущем в окрестностях Лондиниума.

Странные у некоторых ассоциации! Я с каждой минутой все больше напоминала себе измочаленную тряпку. Чем ближе подъезжали к дворцу, тем меньше оставалось сил, чтоб трястись в колеснице. Хотелось добраться до своих комнат, смыть пот и пыль, а также нервное истощение последнего дня, после чего отправиться в Инсурим. По дороге впасть в спячку и быть уверенной, что нам не перережут горло наемники раздосадованного Публия. «Не досталась мне, так не достанься никому!» – или как там было...

Неприкосновенность пока что никто не гарантировал, поэтому решила поскорее убраться из города. Вещи давно сложены, хлеб закупили этим утром, повозки и слуги дожидались позади дворца. В пути бриганты собирались охотиться, я же – пользоваться местным гостеприимством. С удовольствием подумала о посещении королевского дворца дуббоннов. Уверена, мне будут все так же рады! За их землями начинались территории коритан, и вот этот факт меня тревожил. Кто знает, какую встречу приготовил нам затейник Вентурий? Вооруженный конфликт, ядовитое зелье или же речи, полные благодарности? Из-за него я рисковала не только головой, но и собственной честью, ведь долги и его племени обещал выплатить Наместник. Додумать не успела, потому что в небе показался новый повод для тревог.

Черные птицы, приближавшиеся со стороны реки, оказались вовсе не пернатыми и крылатыми, а чешуйчатыми, панцирными и земноводными, по воле богов обретшими крылья. Их было много: шесть, нет, семь черных драконов. Уверена, одна из этих птичек прилетела по мою душу!

Оказалась права. Муж ждал у входа во дворец, прибыв на несколько минут раньше пестрой многолюдной процессии, возглавляемой музыкантами и глашатаями, за которыми, в окружении стражи, несли Публия. Наконец остановились. Квинт, замерший с шестью легионерами на ступенях дворца, окинул меня взглядом, но легата, казалось, больше интересовал паланкин Наместника. Рабы давно уже поставили носилки с шатром на мраморный пол перед входом на виллу, а Публий все не показывался из-за бордово-золотых занавесей, не спешил приветствовать гостей, прибывших с юго-востока. Зато я спрыгнула с колесницы и решительно направилась в сторону драконов. Раз уж гора не идет к Магомету, то жена в состоянии прогуляться к стоящему в окружении высшего офицерского состава мужу. Мечтала броситься ему на шею, но мое намерение разбилось о стену холодного взгляда.

– Аэлика, здесь тебе не место! – коротко приказал легат даже не мне, а моей охране, следовавшей по пятам. – Прошу, уйди!

Негромко так попросил, во избежание прилюдной сцены. Я слегка растерялась. Мне сегодня уже намекнули на гиппо-

дроме, что надо знать свое место. Где же оно? По мнению Публия, в хвосте свиты, а вот что решил муж?! Он злился, по лицу видно. Судя по мрачному виду, прилети на час раньше, утащил бы меня с гипподрома со всей колесницей.

– Я выиграла, – доложила с безопасного расстояния, вдруг не знает! Квинт бросил выразительный взгляд на меня, затем на дворец Наместника. Посмотрел на Руэйда, стоявшего рядом. Даже без сурдопереводчика догадалась, что это означало. «Топай домой, дорогая, поговорим позже!» Вот и нашлось место – в женском крыле виллы Публия. Кивнула, повернулась и пошла прочь, чувствуя, как на меня смотрит вся площадь.

– Сестра, позволь, я отведу тебя, – Руэйд обхватил меня за плечи, вознамерившись исполнить красноречивое приказание легата. – Не надо тебе этого видеть!

– Ты о чем?

– Твой дарриец знает, что делает. То, что сейчас будет, – не для женских глаз.

– А что сейчас будет? – испугалась я.

– То, во что ты не должна вмешиваться.

– Руэйд, черт тебя побери! – заорала на него. – Да говори уже ты!

– Он сам тебе расскажет. Да выживет он, не смотри на меня так! Я бы тоже так сделал. Потом бы выпорол, чтобы впредь неповадно, а после – простил.

– Надо было тебя сначала казнить, а потом простить, –

сказала ему мстительно.

Обернулась как раз в момент, когда шторка паланкина отдернулась и показался Наместник всея Альбиона Публий Тацит. Тут я услышала голос мужа. Он говорил на своем языке; громко, отчетливо, так, что слышала вся площадь. Площадь услышала. Охнула возмущенно, восхищенно. Я вырвалась из крепкой хватки Руэйда и вцепилась в руку охранника Искандера, из драконов-полукровок.

– Что, что он сказал?! Ну же, переводи!

Оказалось, Квинт Октавий Варран вызывал Наместника на поединок. Объявив во всеуслышание, что Публий Тацит совершил ошибку, позарившись на честь королевы бригантов Аэлики, его жены. Боги, что же теперь будет?! Разве можно так с Публием?! Вызвать его на поединок?! Он что, судурел?! У Наместника охраны больше, чем лошадей в стойлах бригантов! Площадь вновь охнула – от ужаса, от восторга, уже не разберешь. И все потому, что люди стали перекидываться в драконов. Не только прилетевшие с легатом, но и охрана Наместника. Только что стоял человек, и вмиг вместо него – огромный черный монстр!

Мне стало совсем плохо. Голова закружилась, и мир решил меня покинуть. Вернее, я его. Мраморная плита ступеней поплыла прочь из-под ног, вход во дворец крутанулся, словно огромная юла. И все.

Очнулась уже на кровати. Открыла глаза, уставившись на озабоченные лица друидов. Гахарит прикладывал к моему

лбу сухую, прохладную ладонь. Оттолкнула его от себя, села. Голова все еще кружилась, но в обморок, определенно, падать я больше не собиралась. Что за гадость со мной происходит? Вроде и не травили сегодня...

– Тебе надо побережься, Аэлика, – наставительно сказал друид. – Я прибавил тебе сил, но мне кажется... Не могу сказать с уверенностью...

– Когда сможешь, тогда и скажешь. С уверенностью, – перебила его. – Что с моим мужем? Да не смотри на меня так, словно в первый раз видишь! Что с Квинтом Октавием?! Он жив?

– Жив, – ответил за Гахарита Ангус. – В гостиной с Пра-сургом и остальными бригаантами. Досталось же им за твою гонку! – усмехнулся молодой друид. – Позвать даррийца?

Кивнула. Хотя...

– Стой! А Наместник?

Наместник, оказалось, тоже выжил. Прямо как в индийских мелодрамах – выжили все. Хотя не пели и не танцевали всем съемочным коллективом. Даже поединка не было, из-за чего рейтинг Публия в глазах местного населения упал ниже плинтуса. Хотя какие здесь плинтусы, во времена мраморных полов?! Драться Публий отказался. По мне – правильно, молодец! – но в народе говорили: струсил. Принес прилюдные извинения Варрану, называл его старым другом. Долго и громко раскаивался, что знать не знал о нашей тайной свадьбе. Пообещал подарить два торговых корабля, чтобы за-

гладить ошибку, если, конечно, мы и в самом деле женаты. Приказал позвать жреца из храма Митры, и тот во всеуслышание объявил, что да, легат Квинт Октавий Варран недавно сочетался браком с королевой бригантов Аэликой. В Эбораке. Лицо Наместника сравнялось цветом с мраморной плитой, на которой стоял. Он лишь спросил, почему ему не сообщили о столь замечательном событии, на что легат ответил, что у него не было времени, а жрец попросту сбежал, испугавшись репрессий. Выходило, Публий за один день лишился не только внушительной суммы денег, но и двух кораблей.

Гахарит посмотрел на меня сурово. Мол, весь город твердит о моей победе на гипподроме и нашем браке с даррийцем, а ведь перед лицом Древних Богов мы все еще не женаты! Я икнула от удивления и заверила, что если му... ну, Квинт Октавий не прибудет меня за участие в гонках, то обязательно исправимся.

– Не прибудет, – обнадежил Ангус.

Мне бы его уверенность!

– Дарриец! – звучно крикнул Гахарит. – Можешь зайти. С королевой все в порядке!

Я поморщилась. Голова требовала тишины и покоя. Хотя какое там! В дверях показался мрачный муж, смерил друидов взглядом, и те поспешили на выход. Я тоже поднялась на ноги, встала с кровати, размышляя: бежать ли к нему, прыгнуть, повиснуть на шее или... Как?

– Аэлика! – начал Квинт. – Как понимать твое сегодняшнее поведение?

Вздохнула. Ясно, грядут разборки! На всякий случай попятилась, вспомнив слова брата о том, что для начала надо меня выпороть, чтобы неповадно, а уж потом простить. Вдруг такая же «гениальная» мысль пришла и ему в голову? Бить меня нельзя – вредно для здоровья. Я не злопамятная, но от рождения злая и провалами в памяти не страдаю.

– Не подходи, – сказала ему. Кажется, мужчина удивился. – Не подходи, пока не скажу все до конца! Я выиграла, это раз. Такого никогда больше не повторится, это два. А... Ты мне еще не муж, это три!

Этому я у друидов научилась. Хороший такой аргумент, убийственный. Только вот почему-то вместо того, чтобы остановиться и задуматься, Квинт продолжал наступать.

– Не муж, говоришь? – спросил ехидно. Я вытаращила глаза. Даже и не знала, что так умеет... ухмыляться. Когда встретились – казался застывшей ледяной глыбой без единой эмоции на красивом лице, а тут такой прогресс! Кажется, я все же его довела.

– Перед моими богами – нет. А про твоих – я вообще не знаю. Так что корабли Публия мне ни к чему! – сказала и расстроилась. Корабли бы нам не помешали. Торговать напрямую с Империей, например. У бригантов много чего интересного есть на продажу, намного выгоднее бы получалось! Только порт надо путевый отстроить.

– Так и скажи своему старому другу, – вздохнула я. – Мне от него ничего не надо! Думаешь, не домогался бы, если б знал?! Да он пялился на меня с первой минуты, как только с лошади слезла! Ты улетел, сразу же начал с руками лезть и делать неприличные предложения. Вот и рассердилась, потому что просила, чтобы не приставал. Но я знала, что выиграю! Знала, и все тут!

– Об этом мы поговорим позже, – сообщил мне муж, словно все для себя решил.

Раньше бы я обрадовалась, а теперь... Тревожно как-то! Расстегнул пояс, отбросил в сторону оружие. Меч и кинжал звучно брякнули, выражая поддержку тому, что собирался сделать хозяин. Квинт молча стянул с себя тунику. Затем вторую, нижнюю. Я, растерявшись от неожиданного стриптиза, вытаращила глаза. А он... Красивый, идеальный, с него надо статуи лепить и украшать дорожки в парке Наместника, чтобы неповадно было на чужих жен заглядываться! Тут муж, который не совсем муж, избавился от нижнего белья, и со мной случилось раздвоение сознания. Одна часть требовала сейчас же бежать к нему и воспользоваться его... мэ-э-э... Ну, в общем, воспользоваться. Вторая предлагала смотреть от мужчины как можно быстрее и дальше. Хотя куда? Можно в сад, через запасную дверь, по дорожке в Малые Термы. Порадовать слуг и даррийцев зрелищем – за королевой бригантов гонится голый легат. Такого, кажется, здесь еще не видели, хотя публика довольно избалована.

– Аэлика, когда я оставлю тебя в следующий раз, не хочу, вернувшись, вновь пожать неприятности. Я хочу быть уверенным, что моя жена, которая себя таковой не считает, не поставит больше свою подпись на сомнительных документах. На языке, которого до конца не понимает. Что она не будет биться об заклад, выставив на кон свою честь. Вместо этого она, спокойная и счастливая, будет ждать меня дома.

– Еще скажи – беременная! – ехидно добавила я. Ага, босая, беременная и на кухне. Не женщина, а мечта!

– Да, ожидая моего ребенка, – согласился он. – Уж об этом не беспокойся!

И тут же приступил к исполнению обещанного, наверное, чтобы я не успела обеспокоиться. Я даже побегать толком не успела! Догнал в два шага, поймал, отнес на кровать, стянул одежду. Затем... Затем время, место и пространство потеряли значение. Были лишь наши поцелуи, ласки. Его слова, мои обещания, его стон, мой крик... От счастья, от острого наслаждения, из-за которого невозможно сдерживать эмоции. Уж не знаю, что подумали бриганты. Наверное, что муж меня все же высек, а потом простил. Хотя какая разница!

Потом лежала, не в состоянии шевелиться. Лень, да и силы, подкинутые друидами, куда-то испарились. Мысли текли медленно и размеренно, словно составы большого грузового поезда. Я думала о Квинте, о том, что хотела бы носить его – нашего – ребенка. Вот бы повезло, если бы удалось забеременеть сразу! Затем переключилась на мысли об отъез-

де, подумала о землях, которые будем пересекать. Об угрозе вторжения, которая даже не за горами, а совсем близко, на землях иценов. И еще о том, как Квинт оставит службу и станет моим мужем по законам бригаантов. Мы устроим красивую свадьбу. Сначала в Святилище, затем обязательный пир горой, как любят во дворце. Воины, знать и старейшины принесут клятву верности, друиды вручат ему золотой торк племени, народ будет приветствовать своего короля. Его любят, уверена, так же как и я.

Эх, дожить бы! Квинт пошевелился, поцеловал в спину. Приятно, но зачем одеваться?! Неужели пора вставать?

– Ты куда? – спросила у него, натягивая до шеи простыню. – Только не говори, что уже улетаешь на свою войну.

– Еще нет. Мне надо поговорить с Гахаритом.

– Зачем тебе сдался старый леший? Лучше давай опять... помиримся?

Мысль показалась донельзя приятной. И силы откуда-то взялись, словно и не теряла за этот сумасшедший день и бессонную ночь. Мириться таким образом мне понравилось. Правда, ссориться больше не хотелось. Никогда.

– Позже, – пообещал он. – Чуть позже!

Я все же натянула платье, крикнула служанкам, чтобы пришли и привели в порядок мою растрепавшуюся прическу, все еще с лепестками жасмина внутри. Пошлепала босыми ногами к выходу, где ждали бригаанты, а мой муж разговаривал с Гахаритом. Тут меня огорошили известием, что

сегодня грянут две брачные церемонии. Сначала – в храме Митры, что в центре Лондиниума, в присутствии Наместника и даррийской диаспоры. Квинт решил повторить обряд, так сказать, на бис. На закате, в Дальнем Святилище, нас обвенчают по местному обычаю.

– Зачем так спешить? – спросила у мужа после того, как он поцеловал меня на глазах у всех.

– С тобой по-другому нельзя, – ответил он. – Пока опять во что-то не ввязалась. Или кто-то не увязался.

– Лучше скажи, что женился, потому что захотел торговые корабли Публия, – пошутила я. – Думаешь, если повторим, подарит еще два?

Он серьезно в этом сомневался.

Глава 26

Свадьба! В прошлой жизни асфальтных дорог и быстрых автомобилей я иногда размышляла, какой она будет. Тихой, человек на десять-пятнадцать: мы с Андреем, команда и несколько близких друзей. Никаких белых платьев, лимузинов, прессы и обязательной прогулки по парку со свидетелями. Ничего подобного! Лишь скромная роспись в ЗАГСе, и все. Затем Андрей погиб, и больше я на эту тему не фантазировала, решив, что теперь никогда и ни с кем... Как я ошибалась!

Наша с Квинтом свадьба, вернее свадьбы, с первой минуты приняли сокрушающий мое воображение и оглушающий барабанные перепонки размер. Народу-то пришло! Казалось, весь город решил нас поздравить. Да что там город, пригороды тоже не оставили нас без внимания. Первая из свадеб состоялась в огромной, прямоугольной формы, базилике Митры, открытой всем ветрам; сегодняшней, теплый, принес сладкий запах пресной воды с Тамеса. Брачный ритуал проводили рядом с алтарем, расположенным в центральном нефе, поддерживаемом мраморными резными колоннами, рядом с изображением бога Митры.

Базилика оказалась переполненной не только даррийцами. Местные жители толпились на ступенях, некоторые даже рискнули войти внутрь, последовав примеру бригаантов.

Жрецы, подозреваю, не ожидали подобного аншлага, зычно потребовали тишины, затем начали ритуал. Я уже проходила через него в Храме Митры в Эбораке, но ничего, ничегошеньки не запомнила. В этот раз едва сдерживалась, чтобы не крутить головой. Полюбовалась Квинтом в белой парадной тоге и с зеленым венком на голове. Он вовсе не выглядел смешным – наоборот, очень красивым и собранным; подсказывал, что нужно говорить и делать, чтобы не попасть впросак. На Руэйда, трезвого, в чистой одежде и с «ирокезом» на голове. К своей прическе он относился с трепетной любовью, но я знала, что и мне удалось отвоевать местечко в сердце брата. Улыбнулась Маре в светлом платье с цветами в руках. Окинула взглядом военачальников, кивнула няне, стоявшей среди суровых воинов; моей охране, к которой привыкла так, что считала своей семьей.

Со стороны Квинта присутствовали друзья-драконы, кажется, из высшего офицерского состава. Я чуть не сломала мозг, стараясь запомнить названия их должностей. Ладно, в другой раз! Драконы хранили серьезное выражение на лицах. Присматривались ко мне исподтишка, на что я безмятежно улыбалась. Пусть смотрят, возьму и эту крепость! Даже если не полюбят, то, по крайней мере, смирятся с моим существованием.

Сегодня я чувствовала себя красивой, уверенной и любимой. На мне было светло-голубое с нашивными кружевами и квадратным вырезом платье, с которым так удачно гармони-

ровал золотой торк племени. Бретта сделала высокую прическу, украсив ее цветами и речным жемчугом – подарком Квинта к свадьбе. Хотя зачем подарки, если у меня есть он! Муж улыбался, иногда бросал такие взгляды, что я понимала: после церемоний мы опять помиримся и не единожды...

Тем временем на алтаре принесли в жертву белую овцу. Я даже не поморщилась, когда выпотрошили убитое животное. Жрец, осмотрев внутренности, заявил, что наш брак благословлен богами. Затем попросил вложить руку в протянутую ладонь Квинта и повторить за ним слова клятвы. В довесок к брачному браслету, полученному в Эбораке, муж надел на мой безымянный палец кольцо. Вот, собственно говоря, и все. Под всеобщее ликование, забрасываемые рисом, монетками и цветами, вышли, вернее убежали, из Храма Митры. Квинт поцеловал меня, да так, что ни у кого не оставалось сомнений – в нашем браке царствуют любовь и страсть.

Затем вскочили в колесницу и отправились за город. Наш путь лежал к Неметону, Дальнему Святилищу. Раньше было еще одно у крепостных стен Лондиниума, но не угодило Наместнику. Он приказал статуи выкорчевать, хижину снести, а площадку перекопать. Друидов же, кто сильно возмущался, казнил. С тех пор ритуалы проводились в Дальнем Святилище, подальше от глаз Публия. Именно поэтому, посетив Храм Митры, в Неметон Наместник не поехал, справедливо решив, что ему там не рады. Зато нас ждали.

Тем временем стало вечереть, на темнеющем небе взошли

две луны. Первая, темно-розовая, с кровавыми прожилками и темными пятнами кратеров, больше не казалась зловещей предвестницей бед. Я улыбнулась своим мыслям, вспомнив, как отчаянно пыталась вернуться домой, в Россию, к своей команде. Теперь у меня есть другая команда, не менее слаженная. Прасург, Гахарит, Ангус, Руэйд. Если бы Веритакс не оказался предателем... Ладно, это неважно! Главное, что я – люблю, любима, замужем и выйду за Квинта еще раз, по обычаям Альбиона.

Дорогу к Неметону освещали горящие факелы. Длинная людская процессия, похожая на пеструю змею, тянулась из города в лес. Нас пропускали, приветствовали, кричали вслед пожелания любви, счастья и благополучия и чтобы боги были благосклонны. Огромное поле перед вытоптанной площадкой Святилища оказалось заполненным народом. Жгли костры, из города прибывали повозки с угощением: пивом, вином, хлебом, мясом. Много чего было куплено мужем, но еще больше прислали в дар купцы и богатые жители Лондиниума.

В Святилище нас ждали. Не только друиды, но и короли племен триноваров и иценов Бутуригус и Оргетор. После свадебного ритуала связывания рук, за которым последовало благословление Трехликого, муж подарил мне монету, символ будущего довольствия в семье. Это оказалась первая золотая, отчеканенная на Монетном Дворе Инсурима, с изображением меня верхом на колеснице. Достал же где-то, со-

хранил!

После брачного обряда наскоро провели коронацию. Гахарит объявил Квинта Октавия Варрана королем бригаантов, сократив его имя до короля Варрана. Застегнул на шее символический торк племени. Я знала, что настоящий знак власти Квинт получит в Инсуриме. И еще мужа будут считать королем-консортом, так как не происходил из королевской семьи, но я собиралась передать в его руки военные и политические дела, занявшись экономикой и хозяйствованием в стране. Какой из меня воин?! Ничего в этом не понимаю и понимать не хочу!

Затем короли ищенов, триноваров и новообъявленный король бригаантов вместе с королевой Аэликой, мной то есть, поклялись друг другу в вечной любви и верности, а также заключили военный союз.

– Ты меня удивляешь, – пробормотал Квинт после того, как повторил слова древней клятвы верности на языке Альбиона, с множеством экивоков. – Оказывается, существует военный союз племен! Чего я еще не знаю?!

– Кое-что еще не знаешь, – улыбаясь королям, приказала слугам, чтобы высокородных гостей угощали в первую очередь. – Вернее, не догадываешься о масштабах. А они такие, масштабные...

– Аэлика!

– Ну, хорошо, хорошо! Осталось лишь четыре племени, которые не вступили в союз. Когда они присоединятся, бри-

ганты объединят весь Альбион.

Зажмурилась, вздохнула, прислушиваясь к собственным словам. Это прозвучало серьезно! Муж же выглядел более чем озадаченным. Факелы бросали тени на его красивое лицо. Мне казалось, он хмурился.

– Многое сделал Вентурий, – начала я. – Когда мы встретились в тумане у границ с коританами, он поклялся бросить к моим ногам Альбион, если выйду за него замуж. Как видишь, замуж я вышла за тебя, так что не вздумай ревновать! Вентурию удалось склонить к союзу децианглов и корновиев. А вот караветты и дуббоны – уже моя заслуга. Выиграв скачки и заставив Публия раскошелиться, я заполучила еще осторожных королей иценов и триноваров. Слухи о военном союзе давно ходят по племенам...

– Ицены и триновары не пойдут против Даррии! Бриганты тоже не осмелятся, – даже не сказал, а приказал муж.

– Конечно, не пойдут, – пожалала я плечами, – но, думаю, границы Альбиона от враждебных племен ты сумеешь защитить. Потому что возглавишь этот союз именно ты.

Помолчала, дав ему время прийти в себя от удивления.

– Как тебе такой расклад?

– Неплохой расклад, – согласился муж.

– Тебе досталась девушка с приданым, – улыбнулась в ответ. Муж поцеловал меня, да так, что с трудом смогла собрать мысли воедино.

– Публий предупредал, – пробурчал он, – но я ему не

поверил. Он оказался дальновиднее.

Тут заиграла музыка, и я не сказала, куда идти Публию. Нежная, пронзительная мелодия исполнялась на инструментах, похожих на наши гитары, только вот струн было в два раза меньше. Закружились пары, звали нас в круг. Квинт подхватил меня за руку, покосился на танцующих, запоминая движения, затем уверенно повел в танце. После, остановившись под деревом, я спросила мужа, почему даррийцы отгородились от кальзедонов стеной. День у нас такой, свадеб и откровений!

– Они – часть драконьего племени, но ушли из гибнущего мира после нас.

– Вот это новость! Неужели тоже драконы?

Он кивнул.

– Мы воевали с ними из столетия в столетие. Когда наша земля вздыбилась жерлами вулканов, обрушив на города слои пепла, засыпая раскаленными камнями, заливая потоками лавы, нам не осталось выбора: либо уйти, либо погибнуть в хаосе извержений. Жрецам удалось открыть портал, но вот те, кто остался... Мы думали, они сгинули, пока не наткнулись на них в северной части Альбиона.

– Кальзедоны... Черт, вот вам и горцы с сюрпризом! Из-за чего воевали?

Муж пожал плечами.

– Это помнят лишь боги. Мы рождались для войны, умирали из-за нее. Даже когда мир стал гибнуть, не смогли оста-

новиться. Воевали до последнего, пока боги не прокляли наш род. Мои предки пришли на территорию народа, называвшего себя даррийцами. Ассимилировались...

– Захватили, – поправила я.

Он ухмыльнулся, но ничего не сказал.

– Нашим врагам тоже удалось избежать гибели, но они больше не хотели воевать с нами. Время и жизнь среди людей изменили их. Не только их, но и нас, Аэлика! Император Арриан принял решение оставить их в покое. Подписали мирный договор, отгородившись от кальзедонов стеной.

– Я-ясно, – пробормотала я. – Ты должен знать... Я послала туда... Ну, ты помнишь моего дядю, Веритакса? Я отправила его с посольством к кальзедонам. С подарками и верительными грамотами. Предложила заключить мир с бригаантами. Думала, его прирежут за ближайшим кустом, а выходит, ему попросту откусят голову!

– Аэлика! – вздохнул муж.

– Не продолжай, – попросила его. Помню, помню! Кухня, дети, отсутствие обуви... – У нас говорят, что в каждой женщине должна быть загадка. Я сама себя частенько удивляю.

– Настало время ее разгадать, – с ехидцей произнес муж. – Ты бы попрощалась! У друидов разрыв сердца случится, когда украду жену с собственной свадьбы. Я предупрежу бригантов и королей.

Квинт пообещал вернуть меня на рассвете. Договорился с Прасургом, что встретимся на повороте на Линд. Я толь-

ко и успела перекинуться с Ангусом парой слов, помахать рукой королям, как мы разыграли сцену «Дракон похищает собственную невесту». Хотя какая я – невеста... Дважды, нет, трижды жена!

Он опустил меня на траву недалеко от озера, заросшего камышом, у посыпанного золотым песком берега. От воды поднимался белый ночной туман, походивший на парное молоко. Порыв теплого ветра принес запах летней влаги с заливного луга. Квинт перекинулся в человека. Обнял, прижал к себе. Я стояла, не в состоянии пошевелиться. Казалось, в этом мире мы остались лишь вдвоем.

Нет, не одни! Лягушки тут же затянули брачную песню, когда муж опустил меня на траву, скинув с себя, стягивая с меня одежду. Я поспешила прижаться к нему, избавившись от платья и туники, сняв надоевшие сандалии. Как хорошо, как сладко... Над нами пролетел белый лебедь. Кликал, разыскивая свою пару. Я давно поняла, что нашла свою.

Мы пронесли свою любовь сквозь века, сквозь миры, нашли и вновь обрели друг друга. В другие времена, в других жизнях, нас звали другими именами, но мы всегда были вместе. Эту ночь освещали миллиарды звезд на чистом, без облачка, небе и две луны мира, который я бы не променяла ни на один другой.

Глава 27

Странное ощущение... Дежавю, по-другому не назвать! Опять рассвет, опять граница и два войска, замершие напротив друг друга. Почти так же, как в походе за угнанным стадом. Только в этот раз из бригаентов – всего лишь отряд сопровождения. Да и граница не наша – дуббонов с коританами. Зато в наличии имелся король Бренн с армией копий тысяч так в десять. Примерно столько же стояло по ту сторону низины. Правда, муж прислал к границе десяток драконов, на случай, если Вентурий начнет ерепениться.

Сам он вырваться не смог. Гедары все-таки напали. Хорошо хоть не на свадьбу... Легионерам Квинта удалось остановить первую волну нападавших, отбросить в море, сжечь корабли. От горевших остовов воды стали черными и полыхали, словно стога сена в августовский праздник Лугнасад. Костас рассказывал – один из драконов, участвовавший в сражении.

Раурики и эдуи высадились тем же вечером, но севернее. Юты тоже решили всласть пограбить. Напали на южные поселения иценов, сожгли и разорили несколько деревень. И все за один день, будь проклят он богами!

Даррийцы как раз хоронили мертвых после сражения, и тут прибыли друиды. Да-да! Друиды иценов и триноваров плюс еще две сотни с острова Англси, которых привел чу-

даковатый старик, Верховный всея Альбиона. Поклялся в верности Квинту Октавию Варрану, вернее королю бригаантов Варрану. Затем сообщил, что на разглагольствования нет времени, и отправился врачевать раненых, присоединившись к друидам и даррийским лекарям. Я улыбнулась. Верховный в своем стиле, но его помощь ой как нужна!

На Альбион вторглось огромное количество народу. Столько, что на голове начинали шевелиться волосы. От ужаса. Я переживала за мужа, надеясь, что он не отправится воевать, а будет руководить в сторонке. Легионеры, участвовавшие в битве у мыса Оберон, мялись и юлили, когда я напрямую спросила, не лез ли мой муж с оружием наперевес в гущу сражений. И тогда я придумала, что не буду волноваться, а лучше примчусь на всех парах на подмогу с армией бригаантов.

Пока спешили в Инсурим, оставив повозки добираться тихим ходом, Квинт вел войска, решив отрезать гедаров от рауриков, эдуев и ютов, не дав им объединиться. Малочисленная армия иценов и триноваров присоединилась к Девятому легиону. На помощь спешили корновии и децианглы. Бренн из дуббонов изрядно нервничал, так как его армия и обозы с продовольствием собраны, можно и на войну отправляться, а тут... Вентурий, хромой демон! Стоял с десятью тысячами у границы, нападать не нападал, но и в переговоры не вступал. Отвечал коротко, что говорить будет с королевой Аэликой. Нашел же время!

Брэнн вновь выругался, обозвав короля коритан бодливым козлом. Я захихикала, исключительно на нервной почве. Легионеры опять попытались уговорить меня не дурить – где-то я уже это слышала! – и отправиться в Инсурим на крыльях дракона, но я отказалась. В очередной раз. И не надо на меня давить и сверлить взглядами! Знаю, муж лично казнит каждого, если со мной что-то случится, но я пообещала быть осторожной.

Подошла к кромке тумана, зябко поежилась, и вовсе не от холода.

– Я, королева Аэлика, буду говорить с королем Вентурием, – заорала так, что чуть не сорвала голос. – Приду одна, без оружия!

Дура, знаю! Если не вернусь, оставшиеся смогут высказаться над моей могилой. Искандер и Костас? Нет, не возьму, но пусть летают неподалеку, присматривают. Позволила натянуть на себя доспехи. Прасург, ругаясь на чем свет стоит, застегнул железные пластины. От меча я отказалась, ведь пообещала Вентурию прийти с голыми руками. Кинжал здесь за оружие не считали. Шутливо погрозила Брэнну, собравшемуся было ехать со мной. Вернее, вместо меня. Это были мои разборки, а Вентурий – мой крест, который уже порядком надоело нести.

– На этот раз ты одета, Аэлика, – сказал король коритан, когда мы встретились. Оглядел с ног до головы, задержался на скрытых доспехом выпуклостях груди.

Дежавю, черт побери! Выглядел Вентурий так же, как и в первый раз. Любимая шкура на мощных плечах, оберег из медвежьего зуба на шее. Держался в седле уверенно, словно и не было переломанных в поединке костей. Бренн единственное упомянул – что король коритан хромает, но увечье оказалось незначительным, чтобы потерять трон.

– Ты не изменился, Вентурий, – отозвалась я. – Все такой же безудержный.

Угу, без царя в голове – так у нас говорят!

– А ты все такая же красивая, Аэлика.

– Я вышла замуж. Быть может, слышал?

– Слышал. Вести принесли перелетные птицы. Они многое мне рассказали! Я знаю, что к союзу присоединились ищены и триновары.

Кивнула.

– И еще нашептали, что ты осмелилась бросить вызов Публию Тациту.

– Да. И победила, – произнесла с гордостью за собственную дурость.

– Безумно жалею, что ты не досталась мне, – признался Вентурий. – Ненавижу проигрывать! Даже достойному сопернику.

– Вентурий, я замужем, так что... Руки и мысли придержи при себе, – произнесла с опаской и покосилась на небо, уверенная, что драконы держатся неподалеку.

Тут король расхохотался. Утренние птахи, напуганные

раскатами смеха, с писком вылетели из травы, бросились врассыпную.

– Ты боишься меня, но все же приехала! Смелая, смелая королева Аэлика!

Нет, трусливая и глупая королева Аэлика!

– Почему ты привел армию к границе дуббонов? – спросила в лоб. – Неужели решил воспользоваться тем, что на Альбион вторглись гедары? Собрался захватить земли друга? Или же привел десять тысяч, чтобы похитить меня?

– Замужество отбило тебе память, королева Аэлика, – негромко произнес король. – Ты позвала дуббонов, караветтов, децианглов. Даже к корновиям прислала вестника. Я сидел в Линде и ждал. Не дождался. Раз ты забыла позвать на войну коритан, мы пришли сами.

– Вентурий...

– В тронном зале Инсурима, твоего дворца, мы поклялись в вечной дружбе и военной помощи. Я был не прав, Аэлика, решив увести тебя силой. Сможешь ли ты простить меня?

Кажется, кто-то извинялся. Я не сдержала улыбку. Подъехала ближе, протянула руку. Он пожал ее в ответ.

– Спасибо. Но ты должен знать, что Военный Союз возглавляет мой муж.

– Я слышал. Нам придется знакомиться заново. Надеюсь, эта встреча будет менее болезненна, – он поморщился.

– Вентурий...

– Я уже тридцать лет как Вентурий, – ухмыльнулся король

и неожиданно заговорил обычным человеческим голосом.

– В Линд прискакал и даррийский вестник. Привез письмо, в котором меня известили, что долги коритан в казну заплачены и я до сих пор король милостью Наместника Альбиона Публия Тацита. Знаешь, куда я засунул эту писульку?

– Избавь меня от таких подробностей, – усмехнулась я.

– Все знают, из-за чьей милости я до сих пор король. Спасибо, Аэлика! Пусть боги благословят ваш брак! В этот раз я проиграл, но... Я надумал жениться, Аэлика! Раз уж мне не удалось, быть может, моему сыну...

Пригрозила ему пальцем.

– Но-но, не забегай вперед! Посмотрим, что вырастет из наших детей. Сейчас твоя армия нужна на юго-востоке. Ситуация тяжелая, гедаров и ютов высадилось больше двухсот тысяч.

– Хорошая будет битва! – сверкнул зубами король. – Повеселимся на славу!

– Кому веселье, а кому... Я приведу бригаентов и прихвачу караветтов. Актеон...

– Их король будет убит горем не меньше моего, – засмеялся Вентурий. Я опять улыбнулась. Кажется, в моем мире это называлось «проехали». Не только проехали, но и поехали дальше. Трибуны мужа вызвались сопровождать две союзные армии до места встречи с Девятым Легионом. Вентурий выделил отряд для сопровождения и защиты, и мы, подхлестывая коней, неслись по даррийской дороге в направле-

нии Инсурима. В пути размышляла о словах Вентурия.

Дети... Я радовалась тошноте по утрам, словно любимому другу, который посещал меня с завидной регулярностью со дня отъезда из Лондиниума. На всякий случай отловила Искандера и расспросила, что может чувствовать обычная женщина, когда носит ребенка от дракона. Гахарита расспрашивать постеснялась. Еще поднимет панику, и посадят меня под замок ребенка растить! А мне надо войска мужу привести и проследить, чтобы под стрелы и копья не лез.

Искандер, стараясь не улыбаться – рано еще радоваться за любимого начальника! – доложил, что беременность проходит тяжелее, дети рождаются крупнее, чем обычные людские младенцы, но... Королева Аэлика молода и здорова, подарит мужу много сильных сыновей и красивых дочерей! Ну, надеюсь, надеюсь...

До Инсурима добрались в рекордно короткие сроки. На границе с коританами встретила Актеона с армией караветов, движущейся в южном направлении. Король, как и предсказывал Вентурий, выглядел подавленным из-за моего скоропалительного брака.

– Но почему, Аэлика? – спросил он. Я пожала плечами.

– Боги так решили, – ответила ему. – Как только увидела, сразу поняла, что он предназначен судьбой.

– Ну что же... Мне остается только надеяться.

Покачала головой.

– Даже и не думай! Это навсегда.

С королем караветтов распрощались, когда солнце стояло в зените. Он отбыл догонять Вентурия и Бренна. Я же с армией бригантов собиралась настичь их через пару дней. Или чуть позже, на границе земель триноваров, недалеко от Лондиниума. Говорили, Наместник покинул город, чтобы присоединиться к командованию Девятым Легионом. Интересно, как Публий отреагирует на единение племен Альбиона? Испугается или тоже припишет себе в заслугу, отчитавшись императору, что одним взглядом поднял местные племена на защиту границ Пятнадцатой Провинции?

С такими мыслями подъезжала к Инсуриму. У городских стен встретила вестников из дворца. Армия бригантов готова, за короткий срок смогли собрать сорок тысяч копий и продовольственные обозы. Призвали всех мало-мальски способных друидов-лекарей. Столетние старцы в балахонах тоже рвались на войну, утверждая, что в их видениях объединятся все народы Альбиона, чего не случалось до сих пор. Даже продажные девицы, и те дружным коллективом были готовы сопровождать воинов, утешая тех в своих палатках бесплатно.

Остальные новости оказались намного тревожнее. Вернулся Веритакс, черт его побери! Причем не один. Дядя, отправленный на смерть за измену, вернее с посольством, за Аррианов Вал, успешно выполнил задание. Вот же!.. Пашка один в один, тот тоже мог уболтать любого.

Этим утром в Инсурим прибыло посольство кальзедонов.

Король Витор настолько возжелал увидеть королеву Аэлику, что тайно пробрался на земли бригаантов сквозь даррийские заграждения. Не вовремя! Примерно как и вторжение гедаров...

Кальзедоны, не скрываясь, ждали моего прибытия у входа во дворец. Рядом замерла вооруженная дружина бригаантов, косились на гостей подозрительно. На ступенях толпились старейшины, потрясали посохами, нетерпеливо дергая себя за бороды. Ясно, влетит мне за короля Варрана! Веледа махала рукой, причем не мне, а Руэйду. Люций крутился неподалеку, такой же встревоженный, как обычно.

Я же уставилась на мужчин в юбках. Нет, в клетчатых зеленых килтах! Их было десять, не больше. Кожаные сапоги на меху, гольфы на крепких волосатых ногах. Мощные тела – ростом кальзедоны превосходили бригаантов. Одеты в кожаные куртки, широкие ремни через плечо, черные береты на головах. Затем я увидела его. Разжала руки, выпустив поводья. Накатила противная слабость, лишая возможности думать, действовать, говорить, даже дышать. Не из-за того, что окруженный вооруженными бригаантами стоял мой дядя Веритакс. На губах – улыбка победителя. Нет, не из-за него! А вот рядом с ним...

Я все-таки упала. В отсутствие Квинта, замешкавшегося Ангуса и Руэйда, поспешившего сжать в объятиях Веледу, меня подхватил Искандер. Дракон оказался быстрее Арго. Охранник рыкнул недовольно, но мне было не до их сорев-

нования «кто первый». И все потому, что рядом с Веритаксом стоял мой отец!

– Алике!

Знакомый голос... Родной до боли, полный скорби, полный изумления.

– Алике, девочка моя!

Я видела, как он кинулся в мою сторону. В ту же секунду жестко приземлилась на землю, потому что вместо Искандера рядом стоял огромный черной дракон. Зарычал, выпустив струю огня, разъяренно застучал по бокам чешуйчатым хвостом. Переступил через меня и двинулся навстречу посольству кальзедонов с явными кровожадными намерениями. Костас тоже перекинулся. Не он один... Еще четверо легионеров мужа. Они что, с ума посходили?!

Повернулась на бок, встала на четвереньки, затем поднялась на ноги. Вместо отца на черных наступал кроваво-красный дракон. Не один, а целых десять – все посольство кальзедонов перекинулось! Бриганты тоже не отставали. В драконов превращаться не умели, но смело бежали на красных с оружием в руках. Дядя не отставал. Как там было: «Безумству храбрых поем мы песню!». Угу, погребальную. Нет, так не пойдет!

– Всем прекратить! Костас, Искандер! Стоять! Пасти закройте! Прасург, в сторону! И людей уведи. Веритакс, меч засунь... знаешь куда! Не позволю вам передрасться!

Ринулась вдоль чешуйчатого тела Искандера, вызвав стон

ужаса из уст бригаантов. Замерла между черными и красными драконами, вознамерившимися уже было вцепиться друг в дружку. Повернулась к здоровенному кальзедону, тому, что перекинулся первым. Король, как-никак!

– Отец, прошу тебя!

Я ни в чем не сомневалась. Жертвы, друиды, Ведьмина Петля, обещание скорой встречи... Он здесь, он пришел, нашел меня среди миллиарда миров! Дракон замер, уставившись мне в глаза узкими вертикальными зрачками.

– Искандер, нет! Костас, отойди! Что я тебе говорю!..

Я чувствовала себя дрессировщицей в парке Юрского Периода. Правда, драконы все еще раздумывали, слушаться или нет. Красный повернул ко мне голову на длинной змеиной шее. Мелькнула здравая мысль опять грохнуть в обморок, но ведь сожрут друг друга! Протянула руку. Дракон обнюхал ее, щекотно фыркнул в ладонь. Нежно, осторожно раздвоенный змеиный язык коснулся моей щеки.

В ту же секунду король Витор перекинулся и сжал меня в объятиях.

Глава 28

Принцесса Алике погибла от даррийской стрелы два года назад. Перелетала через Аррианов Вал, спеша с друзьями на ярмарку в столицу караветтов – ближайший город от земель кальзедонов, но наткнулась на патруль.

– Все думают, мы живем обособленно, но это не так! – говорил король Витор. Негромко, чтоб слышали только я и самые близкие из бригаантов, замершие возле трона. – Мы знаем ходы и выходы, как и где пролететь незамеченными через Вал. Новости с Альбиона получаем с завидной регулярностью.

Алике наткнулась на смену патруля, которой не ожидала, и погибла. В отчаянии король едва не развязал войну, решив смести с Альбиона даррийские укрепления, но старейшины удержали от этого шага. Верховный Друид пообещал вернуть дочь. Быть может, она не будет такой, как прежде, но когда Витор увидит ее, у него отпадут всякие сомнения. Так и произошло.

Король вновь обнял меня. Я уткнулась в кожаную куртку отца – черт! – короля Витора, больше не сдерживая рыданий. Рядом топтались мои друиды. Гахарит согласно кивал на каждое слово короля. Старейшины, подозреваю, прикидывали, во что выльется родство духа королевы Аэлики с племенем горцев-драконов. Лица были озадаченные, но до-

вольные. Кажется, то, что я каким-то образом оказалась еще и дочерью короля кальзедонов, искупало не совсем удачное замужество с даррийцем.

Я же ни о чем не думала, кроме того, что нашла отца. Он жив! Пусть дракон, пусть король, пусть враждует с Даррией... А вот это придется разрулить! Я собиралась жить на Альбионе, любимая мужем, растить детей, зная, что отец рядом, а вовсе не за стеной, пролетая тайком через которую можно получить стрелу в сердце.

Король тем временем продолжал рассказ. Друиды кальзедонов принесли кровавые жертвы – полег весь даррийский патруль, убивший Алике. Оставалось ждать. Это было тяжелое время, надежда то появлялась, то пропадала, пока Витор не почувствовал, что Алике рядом. Затем на землях племени появились бриганты с посланием от королевы Аэлики, вместе с которым Веритакс вручил ему золотую статуэтку девушки-возницы, так похожую на меня, так похожую на дочь короля. Последние сомнения исчезли – Алике вернулась и прислала знак!

Витор собрал верную дружину, захватил приемного сына Аэрона. Я взглянула на здоровенного застенчивого детину, который глядел на меня во все глаза. Кажется, на Альбионе у меня появился еще один брат! Кальзедоны миновали даррийские заграждения, почти опустевшие из-за начавшегося вторжения гедаров, и прибыли в Инсурим, где король увидел свою Алике.

Мы разговаривали больше часа, что-то ели, даже пили. От вина я отказалась, Витор пригубил немного после того, как я рассказала, что мой отец и любимый мужчина в моем мире погибли, из-за чего я последовала за ними, за Предел. Затем выпил бокал до дна, когда узнал, что я замужем. Ага, за даррийцем.

– Алике! – он не удержался от разгневанного возгласа. – Я... я не имею права диктовать тебе свою волю, но ведь... О, демоны преисподней! – кажется, король выглядел обескураженным. Не меньше моего. Все эти переносы из мира в мир не укладывались в голове, но это – мой отец, а остальное, метафизическое, оставим друидам.

– Но ведь он – дарриец! – застонал отец. – Как мне с этим жить?!

– Вообще-то, с этим жить буду я, – осторожно намекнула ему. – Хорошо и счастливо, потому что люблю его. Любила и буду любить всегда, в каждом из миров. Тебе же... Тебе придется смириться. Затем мы вместе придумаем, как снести к демонам этот Аррианов Вал и объединить все племена Альбиона!

Король взял меня за руку. Хотел что-то сказать, но тут Люций, который давно уже прыгал и исполнял акробатические трюки на заднем плане, заслоняемый охраной, все же прорвался и упал к моим ногам. Вернее – на пол возле трона. В руках сжимал свиток. Ясно, даррийские писульки...

– Стойте! – это охране, которая, прозевав прорыв настоль-

чивого виллана, пыталась исправиться. – Люций, я рада тебя видеть и не забыла о твоей верной службе. Когда придут повозки, в них найдутся подарки для тебя и твоей супруги...

– Королева Аэлика, – взволнованно перебил Люций. – Я... Я должен сообщить! Вчера пришло письмо от Наместника. Приказ Императора Проктулуса Суллы, его передали тайным образом. Наместник думает, я верен ему, но... – он запнулся.

– Люций, продолжай!

Витор уставился на виллана. Тронный зал, полный старейшин, знати, друидов, даже прощенный за смелость и настойчивость Веритакс, замерли.

– В Инсурим этим вечером придёт отряд карателей. Я должен провести их тайно во дворец, спрятать в надёжном месте. Кто, как не я, может это сделать?! А после того как... После того...

– Люций, не тяни кота за хвост!

Виллан зарыдал. Натурально так, размазывая слезы по лицу.

– После того как они убьют королеву Аэлику, велено дожидаться, когда ваш муж получит известие и прилетит в Инсурим, убитый горем. Его тоже приказано уничтожить. Пятнадцать драконов...

Виллан протянул мне свиток. О, черт!.. Я трясущимися руками развернула пергамент. Попыталась вчитаться в текст, но не смогла, буквы прыгали перед глазами и не складыва-

лись в слова. Пятнадцать драконов – это ужас как много драконов! Протянула письмо Искандеру. Меня охраняли шестеро драконов-полукровок – Искандер, Костас, давно уже приставленные мужем, еще в Лондиниуме, и четверо его офицеров. Кто знает, как они себя поведут, держа в руках мой смертный приговор?

– Прочитай вслух, – попросила я.

Бросила взгляд на отца, на его небольшую дружину. Он коротко кивнул. Ну что же, фигуры расставлены. Искандер взял свиток, но держал его, словно грязную тряпку. Развернул и принялся переводить витиеватый текст, в котором император обвинял легата Квинта Октавия Варрана в государственной измене и приговаривал к смерти. Так же как и членов его семьи. Меня то есть. Бриганты засопели, зарычали, вцепились в оружие, заорали негодуяще.

– Этого не может быть! – раздался ровный, четкий голос Искандера. – Квинт Октавий всегда был верен Императору. Я служил с ним в Третьей, Четвертой, а затем в Пятнадцатой Провинциях!

Дракон кинул свиток на пол, наступив на него сапогом. Взглянул на меня. Ну что же, вот и он, решающий момент! Мужу не понравится, что я собиралась сделать, но мне не оставили выбора. Кто к нам с мечом, того мы не будем угощать разносолами и гладить по голове!

Я произнесла речь, обвинив в коварстве Императора Проктулуса Суллу, который обманом выдал себя за дядю Квин-

та Октавия и приказал уничтожить свидетеля. Императором должен стать мой муж, а этот свиток – ответ на письмо Квинта, в котором он отказывался от короны в обмен на спокойную жизнь на Альбионе. Но раз спокойной жизни не видать, тогда...

– Я требую от вас клятвы, – окинула взглядом драконов. – От всех вас, всех, присутствующих в этом зале. Вы будете верой и правдой служить королю бригантов Квинту Октавию Варрану, который возглавит союз свободных племен Альбиона!

Занавес, конечно, не упал, но орали, хлопали, восторженно потрясали оружием знатно. Все, кроме одного из трибунов, который попытался улизнуть в окно, чтобы, думаю, направиться на юг и рассказать об искрах революции в столице бригантов, которая скоро разрастется в пламя и охватит весь Альбион. Далеко не улетел – за ним бросились пятеро кальзедонов со сводным братом во главе. Надеюсь, Квинт не оторвет мне голову, узнав, что у него теперь на одного офицера меньше. И еще за то, что в Инсуриме его провозгласили королем свободного Альбиона.

– Что теперь? – спросил у меня король Витор после того, как в тронном зале отзвучали слова клятвы. – Кальзедоны присоединились к союзу, тебе всегда будет на кого опереться. Я горжусь тобой, девочка моя!

– Теперь мы будем ждать гостей. Встретим даррийских посланников радушно и с острыми блюдами!

С этими словами вытащила из-за пояса кинжал, на что присутствующие ответили согласным ревом.

К стоянке Девятого Легиона прибыли через шесть дней, как раз к вечеру. Я и предположить не могла, что войско – огромная, медленная тысяченожка – будет двигаться так медленно. Миновали множество патрулей, на каждом называя себя. В даррийском штабе давно уже знали о нашем приближении, ведь за мной тянулся внушительный хвост из армии бригаентов и еще четырех племен, присоединившихся к союзу. Правда, передовые отряды прибыли к месту стоянки несколько часов назад, теперь организовывали ночевку.

Мы ехали через огромное поле, на котором стояли армии союзных племен. Это было внушающее уважение зрелище – горели сотни, а то и тысячи костров, вдоль дороги стояли частоколы повозок и палаток. От чувства гордости – все племена Альбиона поднялись, чтобы защитить свою землю! – меня отвлекали умопомрачительные запахи еды, доносящиеся от костров. Мясо жарили, варили в котлах, ели с хлебом. Или просто – ели. Мой желудок требовал ужина, в последние дни есть хотелось постоянно. Ладно, еще немного, и, если не прибьют, точно покормят!

А пока что с огромной дружиной, к которой присоединились все короли Альбиона – нас двенадцать, как-никак! – въехали в даррийский лагерь, огражденный защитным рвом и частоколом. Палатки из плотной ткани и звериных шкур вовсе не стояли хаотично, как у нас, а ровно и красиво, слов-

но по линейке. Все дороги вели в Дарр. Вернее, к большой площадке в центре лагеря – форуму, возле которого селились высшие офицеры и располагался штаб легиона. Муж встречал нас рядом с алтарем Митры. Дымились благовония, горели факелы, лежали жертвы – доспехи и оружие поверженных врагов. Даррийцы просили победы в завтрашней битве. Объединенная армия под командованием Квинта Октавия Варрана три дня назад разбила ютов. Теперь ожидала рассвета, чтобы встретиться лицом к лицу с гедарами, рауриками и эдуями. Однако вовремя я подросла с подкреплением!

Публий тоже был рядом и даже сменил тогу патриция на более демократичную тунику. Оружие болталось за поясом, охватывающим внушительный живот Наместника. Его, в отличие от меня, хорошо кормят...

Квинт, мой любимый, шел навстречу. Провел рукой по коротким черным волосам, улыбнулся, из-за чего сердце застучало оживленно, радостно. Нет, не время! Еще не время! Он не знал, что шесть дней назад его объявили королем свободного Альбиона со всеми вытекающими последствиями. И еще, что я привела отца знакомиться. И двести драконов для усиления войска. На этом сюрпризы не заканчивались...

– Здравствуй, королева Аэлика! – начал Публий. Как всегда, первым. Я замерла на лошади в окружении королей. По правую руку – Вентурий, по левую – Актеон, верные соратники, мои друзья. Бренн, Бутуригус, Оргетор... Короли де-

цианглов, корновиев, отец, еще три короля – ордовиков, деметов и силуров, только что присоединившихся, чьи сложные имена путались в голове. Ничего, запомню! Друиды – Верховный, Гахарит, Ангус. Бриганты тоже рядом, даже Веритакс – и его захватила!

– Приветствую тебя от имени Императора Проктулуса Суллы и Сената! – продолжал Наместник.

Я хмыкнула, вспомнив о недавнем «приветствии» Императора.

– Здравствуй, королева Аэлика! – произнес Квинт. – Здравствуй, жена!

– Приветствую тебя, дорогой муж! – отозвалась я, не обратив внимания на Публия. – Наконец-таки я добралась до тебя! Путь был далекий, но я проделала его не одна. Знаешь ли ты, кого тебе привезла?

Квинт уставился на меня недоуменно. Думаю, хотел спросить, к чему эти речевые выкрутасы и почему бы мне не слезть с лошади, как и королям рядом со мной. Могли бы даже тайком улизнуть к нему в палатку, где он бы показал, как сильно соскучился, а потом покормил бы. Так вкусно пахнет...

– Я привезла тебе нашего сына, – с этими словами коснулась живота. У меня не осталось сомнений. Гахарит, затем Верховный подтвердили. Сказали, что будет мальчик. Мальчик!

Муж растерялся, взглянул на меня радостно, неверяще.

Да, да! Эти слова встретили восторженным воплем моя дружина, зазвучали поздравления от королей. Новость понеслась по даррийскому лагерю, переходя от легионера к легионеру, толпившихся на вытоптанной площадке перед палатками командующего состава. Никто не знал, кроме отца, который второй день привыкал к тому, что станет дедушкой, а теперь – узнал каждый.

– Это еще не все, – продолжала я, наслаждаясь его улыбкой. – Со мной все короли Альбиона!

– Благодарю тебя, Аэлика! – отозвался Квинт, но я знала, что он благодарит не за королей, а за первое известие.

– Двенадцать племен, муж мой! – намекнула я.

Замолчала, давая возможность ему и Публию Тациту осмыслить сказанное. Посчитать. Без кальзедонов выходило одиннадцать, а с племенем моего отца... Король Витор выехал вперед. Я видела, как побледнел Публий Тацит, как посуровел взгляд мужа, выдвинулась вперед охрана Наместника, потянулись к оружию легионеры. Квинт медлил, не отдавая приказ о нападении, смотрел мне в глаза. Если что, беременных не бьют!

– Я, король Витор из племени кальзедонов, клянусь в верной дружбе и военной поддержке королю бригантов Ва... – начал отец.

– Измена! – не выдержал Публий. – Королева Аэлика привела врагов в даррийский лагерь. Взять их!

Воины схватились за оружие, короли тоже не остались в

долгу, но тут раздался голос мужа.

– Отставить! – приказал легат, и солдаты... Солдаты его послушали. – Аэлика, ты играешь с огнем! Разве не знаешь, что кальзедоны – наши враги?

– Мы не враги тому, кто стал мужем моей дочери, – внушительно произнес Витор. – Я привел с собой двести драконов, Квинт Октавий Варран! Под твоё начало, и поклянусь тебе в верности. Но знай, если хоть один волос упадет с головы моей дочери, или я застану ее в слезах, или же она будет несчастлива с тобой, то...

– Папа, ну не сейчас же! – взмолилась я. – Поговорим позже о... моей семейной жизни.

В лице Квинта что-то изменилось. Я предупреждала, в каждой женщине есть загадка. Кажется, моя побила все рекорды! Народ вокруг зашушукался, принялся посмеиваться. Гроза сходила на «нет», и обстановка немного разрядилась. Публий Тацит о чем-то напряженно размышлял.

– Это еще не все... – обреченно произнесла я.

– Неужели у тебя есть еще сюрпризы, моя дорогая жена? – с иронией спросил Квинт. – Или ты забыла рассказать мне о других родственниках? Может, двоюродный дядя...

– Папы с тебя хватит, – отозвалась я, и люди вокруг засмеялись. Все одиннадцать королей, нет, двенадцать. Новоиспеченный король Варран тоже улыбнулся. Моему отцу. Неужели?

– Если кальзедоны готовы присягнуть в верности Даррии,

то я, как ставленник Императора и Сената, приму эту клятву, – засуетился Наместник, наверное, прикинув, какую выгоду можно извлечь из происходящего.

– Публий, – фамильярно перебила его я. – Ты ведь рад меня видеть?

Наместник замолчал. Задумался. Ненадолго, потому что я продолжала:

– Признайся, не показалось ли тебе, что королева бригаантов вернулась к тебе с приветом из царства мертвых?

– Аэлика...

– Аэлика! – это уже голос мужа. – О чем ты говоришь?

– Я привезла еще подарки, муж мой.

Повернулась к седельной сумке Беляночки и вытащила оттуда отрубленную голову. Какая жизнь, такие, черт возьми, и подарки! Бросила ее в сторону Публия. Голова темно-волосого мужчины с застывшим взглядом черных глаз покатилась, чуть было не коснувшись ног патриция. Мне стало плохо. Дурацкий токсикоз, как же не вовремя! Наместник резво попятился. Еще две головы достал Прасург, две – Руэйд. Драконьи в седельные сумки не лезли, мы привезли их на телеге. Веритакс вышел вперед, вывел под уздцы лошадь. В гробовой тишине сдернул покрывало, словно купец на ярмарке, показывающий товар.

Ничего такой товар, сногшибательный. Возмущенный вопль прошелся по даррийскому войску, ведь на телеге лежали отрубленные драконьи головы. Карательный отряд мы

уничтожили полностью. Восемь – в человеческой ипостаси, семь успели перекинуться, но кальзедоны и моя охрана не оставили им шансов.

– Измена! – заорал Публий.

– Измена? – переспросила я. – О нет, дорогой Наместник! Квинт, ты должен прочесть вот это!

Спрыгнула с лошади и пошла к мужу со свитком, который дал мне Люций, но Квинт смотрел на телегу с отрубленными головами. Молчал. Одна из них принадлежала его трибуну. Узнал ли он его среди остальных, черных?..

Тогда я опустила на колени, склонила голову и поклялась в верности королю свободного Альбиона Варрану. А вот это измена, согласна! Короли зашумели, заорали радостно. Небо разорвали синие сполохи из посохов друидов – сигнал племенам. Началось! А вот чем закончится? Мы рисковали, и еще как! Отдай муж приказ, даррийцы убьют нас раньше, чем их сотрет с лица земли армия Альбиона. Но я знала, чувствовала, что все обойдется. Сложится наилучшим образом. Для ребенка, для нас с Квинтом...

Но пока что короли спешно спрыгивали с лошадей, чтобы присоединиться ко мне. Звучали слова клятвы, раздавались звуки вытаскиваемых мечей. В лагере Девятого Легиона царило замешательство. Наместник верещал, Квинт хранил молчание. Вентурий опустился на колено рядом со мной, сжимая в руке кинжал, успел шепнуть, что славная будет битва. Я все же надеялась, что Квинт не допустит.

– Убей ее, – в очередной раз приказал Публий. – Почему ты медлишь, легат? Отдай приказ войскам! Ты пригрел змею на своей груди!

– Прочти письмо, – попросила я, протягивая Квинту свиток. – Потом убивай, если захочешь.

– Не бери это, мой друг! – воскликнул Публий. – Не позволяй женщине встать между тобой и Даррией!

Муж взял письмо. Ему хватило нескольких секунд, чтобы прочесть содержимое. Посмотрел на Публия. Наместник попятился к своей палатке, охрана ринулась вперед, заслоняя его. Нет, уже не человека, а дракона, взметнувшегося в темное, звездное небо. Две луны – кроваво-красная и золотая – равнодушно наблюдали, как бывшего Наместника Пятнадцатой Провиции преследовали несколько драконов по приказу, отданному королем свободного Альбиона Квинтом Октавием Варраном.

Эпилог

Гораций довольно урчал, словно мотор нового «БМВ». Положил голову на колени, попытался запустить когти в вязание, вместо этого я запустила это вязание куда подальше. Все никак не получалось, и я решила не мучиться. Хотя, говорили, это успокаивало нервы. Лучше всего их успокаивал муж, но весна пришла на Альбион, леса вокруг Инсури-ма были полны дичи, а меня надо хорошо кормить! Так что утром он с отцом, Прасургом и Руэйдом уехал на охоту. Веселая такая компания! Сказал, на пару часов, не больше – в последние дни он не оставлял меня надолго.

Кот попытался пристроить голову на мой огромный живот, за что получил ногой в ухо. От того, кто там живет. Фыркнул недовольно, вновь улегся на колени. Правильно, ребенку и так места мало. Кстати, пора бы уже на свет – заждались, да и притомилась я с таким животом ходить. У меня давно отобрали лошадь, колесницу, повозку и другие средства передвижения. По пятам с настойчивостью маньяков следовала группа друидов – два моих, один из племени кальзедонов, Верховный и пара лекарей, выписанных мужем из Даррии. В общем, роды ожидалось увлекательными и в обществе, с которым не соскучишься! Друиды постоянно ссорились с лекарями, Верховный все норовил кому-нибудь заехать посохом. Даррийцы давили преимущественно

интеллектом и именами знаменитых в Империи философов и врачей.

Мальчик у нас оказался с характером, все не торопился на свет. Верховный заверял, что по его видениям это произойдет завтра. Завтра так завтра, только скорее бы оно наступило! Муж тоже, подозреваю, переживал, хоть не подавал виду. Постоянно был рядом, несмотря на то что я пыталась выставить его «на работу». Работы прибавилось, ведь ему пришлось взять на себя и мои обязанности. Последние две недели я занималась только тем, что носочки вязала и наследника высиживала.

До этого были нелегкие восемь месяцев. Зато какие! Столько всего сделано, столько еще сделаем! Июльским днем, когда двенадцать королей провозгласили Квинта королем свободного Альбиона, он произнес пылкую речь перед даррийским войском, объявив себя правителем Пятнадцатой Провинции. Девятый Легион поддержал. Почти весь. За небольшим исключением, которое выслали из страны вместе с Публием, после того как у того зажали переломанные крылья, вернее руки. Угу, руки-крылья-хвост... Квинт собирался казнить Наместника, но я упростила помиловать. Беременные – такие сентиментальные!

Затем муж подумывал пойти войной на Даррию, решив забрать принадлежавшие по праву корону и трон. Армия-то какая! – больше трехсот тысяч копий плюс поддержка верных кальзедонов. Даже боевой флот появился – отбили у

ютов и гедаров. Гедаров, кстати, тоже разбили, следующим утром после провозглашения Альбиона свободным. Правда, меня в бой не пустили, но я и не рвалась.

Повоевать с Даррией не удалось. Вернее, Квинт передумал. Проктулус Сулла засуетился, извинился за оплошность, сказал, что казнил секретарей, которые «неправильно поняли и передали тот злосчастный приказ», назвал моего мужа «любимым племянником», подарил ему и наследникам в знак любви и уважения Пятнадцатую Провинцию. Мы получили дарственный документ с гербами и подписями. В общем, откупился, чтобы сидели и молчали. Я уговорила мужа, что Альбиона ему за глаза хватит.

Времена были беспокойные. Империя трещала по швам. Третья, Седьмая, и Десятая Провинции норовили восстать, поэтому Проктулус воевать с нами не хотел. Присылал множество писем и подарков. Звал в гости, наверное, чтобы заручиться военной поддержкой «любимого» племянника, но мы не поехали. В Даррию приглашали не только нас. Отец и племя кальзедонов тоже стали «дорогими друзьями» Императора. Витор покрутил пергамент, фыркнул и заявил, что ему и на Альбионе хорошо. Никто не всадит кинжал в спину. То-то и оно!

Квинт озаботился созданием регулярной армии. Альбион готовился отразить любое нападение. В любое время. Муж возглавил совет из двенадцати королей, вернее одиннадцати плюс одна королева. Друиды заверили, что Древние Бо-

ги благословили сие мероприятие. Мы заседали в Лондиниуме, в бывшем дворце Наместника. Посмеиваясь, приказала плотникам соорудить круглый стол, иногда называла мужа королем Артуром, из-за чего он нервничал и ревновал. Налог Даррии больше не платили, но одна десятая часть доходов каждого из племен шла на военные расходы.

Пока Квинт разруливал политические и военные вопросы, разбирался с армией свободного Альбиона, я строила лечебницы, школы, открывала храмы. Налаживала экономические связи с Империей, с которой мы первое время были на ножах, а потом, когда все улеглось, стали заново торговать со всем известным миром. Как и собиралась, начала строительство порта на землях бригантов. Частенько моталась в Лондиниум через Линд, останавливаясь во дворце Вентурия. Подружилась с его молодой женой. Терпеливая женщина закрыла глаза на бывшие похождения мужа и многочисленных незаконных отпрысков, и, кажется, пара была искренне счастлива.

Мои дни были заполнены заботами и хлопотами, но каждый раз, возвращаясь домой в королевские покои Инсурима, я падала в объятия мужа. Правда, объять меня в районе талии становилось все сложнее...

Ребенок снова толкнулся. Наверное, Квинт пришел. Малыш чувствовал приближение отца, словно у них была связь крепче, чем со мной. Пришел, пришел! И вкусненькое принес! Поцеловал меня. От мужа пахло лесом, лошадью и креп-

ким мужским потом.

– Люблю тебя, – сказал он. Кивнула в ответ, не сомневаясь в его словах. Любит!

– И я тоже.

Навсегда.